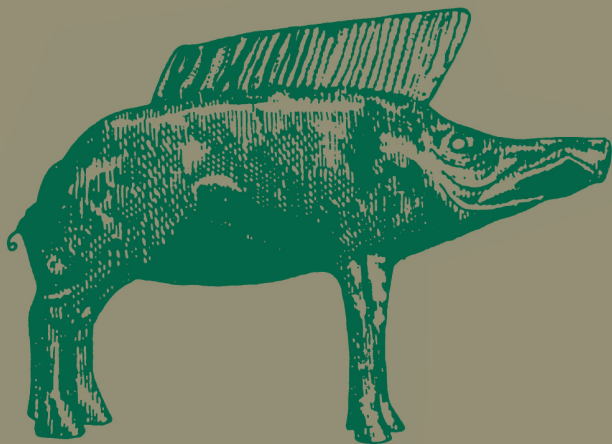

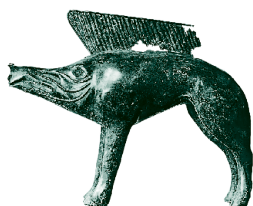

КЕЛЬТСКИЕ
МИФЫ
ОТ КОРОЛЯ АРТУРА
И ДЕЙРДРЕ ДО ФЕЙРИ
И ДРУИДОВ

МИРАНДА ОЛДХАУС-ГРИН

КЕЛЬТСКИЕ МИФЫ

МИРАНДА ОЛДХАУС-ГРИН

КЕЛЬТСКИЕ
МИФЫ
ОТ КОРОЛЯ АРТУРА
И ДЕЙРДРЕ
ДО ФЕЙРИ И ДРУИДОВ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ОЛЬГИ ЧУМИЧЕВОЙ

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2020

УДК 398
ББК 63.3(0)4
О53

Оригинальное название
The Celtic Myths: A Guide to the Ancient Gods and Legends

Научный редактор Нина Живлова

Издано с разрешения THAMES & HUDSON LIMITED

На русском языке публикуется впервые

О53 Олдхаус-Грин, Миранда

Кельтские мифы. От короля Артура и Дейрдре до фейри и друидов / Миранда Олдхаус-Грин ; пер. с англ. О. Чумичевой ; науч. ред. Н. Живлова. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. — 240 с. : ил.

ISBN 978-5-00146-716-8

Эта книга — иллюстрированный путеводитель по миру ирландских и валлийских мифов, миру богов и героев, магии и чудовищ. Вы познакомитесь с наиболее значимыми произведениями, основными персонажами, сюжетами и мотивами кельтской мифологии. В этом путешествии вам встретятся духи и друиды, говорящие животные и волшебные деревья.

Фрагменты текстов, фотографии археологических находок и другие документальные свидетельства делают далекую эпоху ближе и понятнее.

УДК 398
ББК 63.3(0)4

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00146-716-8

Published by arrangement with Thames & Hudson Ltd, London
The Celtic Myths ©

This edition first published in Russia in 2020
by Mann, Ivanov, Ferber, Moscow
Russian edition © 2020 Mann, Ivanov, Ferber
© Перевод, издание на русском языке.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

Стивену amoris causa

Я в долгу перед многими, кто помогал этой книге появиться. Я благодарна моей семье и друзьям, терпеливо переносившим мои непрерывные разговоры о мифологии, и выражаю безмерную признательность сотрудникам издательства Thames & Hudson, в частности Колину и Алисе. Три бирманские кошки — Дидона, Персефона и Талиесин — составляли мне компанию в долгие одинокие часы работы. Я посвящаю эту книгу Стивену, чтобы сказать, как высоко я ценю его самого и его безграничную поддержку.

*Фронтиспис: бронзовая фигура танцовщицы,
поздний железный век, Нейи-ан-Сюльяс, Франция*

СОДЕРЖАНИЕ

Прелюдия

Кельтский мир: пространство, время
и свидетельства 12

Глава 1

Устное предание: создание мифов 19

Глава 2

Рассказчики мифа 45

Глава 3

Изобилие ирландских духов 68

Глава 4

Очарованный Уэльс: волшебная страна 89

Глава 5

Доля победителя: мифические герои 113

Глава 6

Магические животные и пограничные существа 133

Глава 7

Опасные связи: «Чудовищное правление женщин» 157

Глава 8

Земля и вода: котел духов 178

Глава 9

Небо и ад: рай и подземный мир 200

Финал

Язычество и христианство: трансформация мифа 224

Рекомендуемая литература 229

Источники цитирования 231

Источники иллюстраций 233

Указатель 234

А Конхобар — он был весьма умен,
Своих друидов в ряд поставил он,
И рек: «Кухулин будет там стоять,
Три дня в молчаньи жутком размышлять,
Потом восстав, убьет в безумье нас.
Вы спойте чары лжи ему сейчас,
Чтоб убивал герой морских коней».
Друиды с тайной магией своей
Три дня так пели...

У. Б. Йейтс. Битва Кухулина с волнами (1892)

Рис. 1. Карта Ирландии с регионами и местами, упоминаемыми в тексте

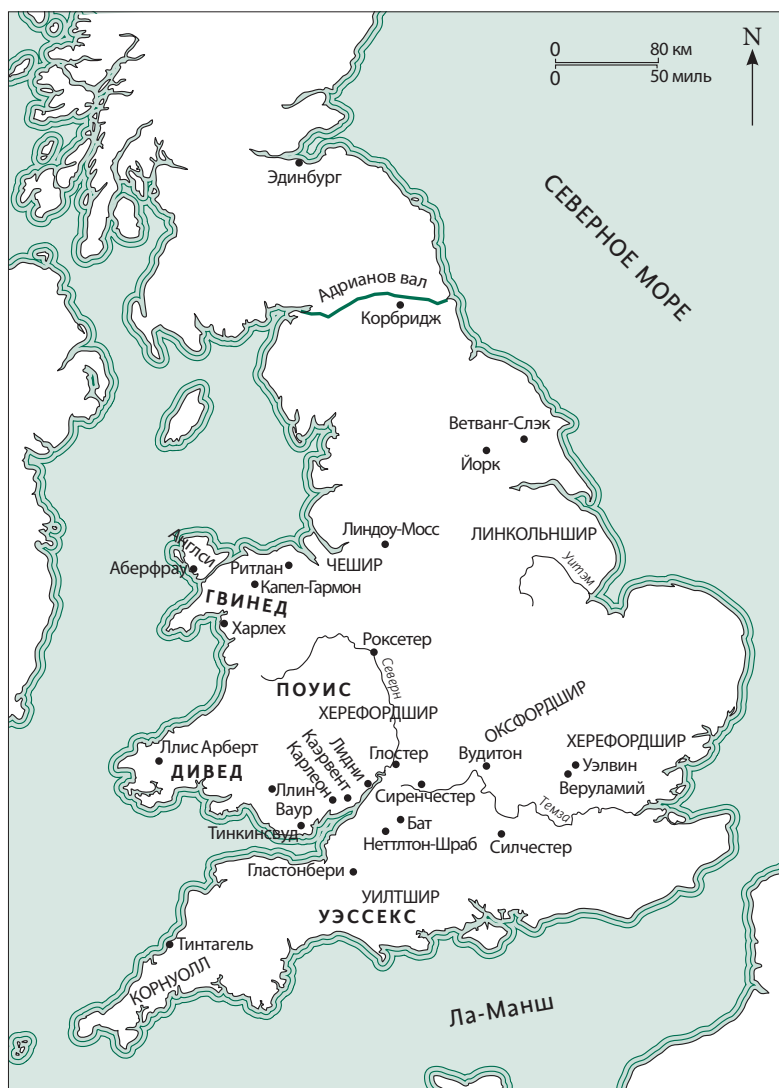

Рис. 2. Карта Англии и Уэльса с регионами и местами, упоминаемыми в тексте

• ПРЕЛЮДИЯ •

КЕЛЬТСКИЙ МИР: ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной живут белги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами.

Цезарь. Записки о Галльской войне, 1.1*

Основное внимание в этой книге уделяется мифам, сохранившимся в раннесредневековой литературе Ирландии и Уэльса и зафиксированным в письменном виде между VIII и XIV веками н. э. С большим трепетом я бралась за создание книги с определением «кельтский» в названии. С начала 1990-х годов археологи серьезно сомневаются в уместности использования этого термина для описания древних народов железного века Западной и Центральной Европы. Особо неприличным стали считать употребление понятия «кельты» применительно к древней Британии. В то время как множество античных авторов упоминают народ, называемый галлами и кельтами (грубо говоря, подразумевая территорию современных Франции, Швейцарии, Германии к западу от Рейна, части Северной и Восточной Иберии и крайний север Италии), ни один древний автор не именовал жителей Британии подобным образом. Римляне называли их просто британцами (*Britanni*).

* При цитировании источников мы старались пользоваться существующими русскими переводами с древних языков (список приведен в конце книги). В ряде случаев русский перевод был сверен с оригиналом. К сожалению, М. Олдхаус-Грин порой цитирует не непосредственно древние тексты, а различные пересказы, иногда с изменениями. Особенно это касается «Книги захватов Ирландии», цитат из оригинального текста которой в книге практически нет. Такие цитаты оставлены в авторском варианте. *Здесь и далее прим. науч. ред.*

Главное возражение «антикельтского лобби» по поводу использования этого термина для описания древних европейцев заключается в том, что он стирает различия в культуре и мировоззрении, явно существовавшие между «кельтскими» народами. Это также означает, что некоторые регионы, например крайний север Европы, оказываются исключены из кельтского поля, хотя существуют многие культурные параллели между этими районами и теми, что расположены дальше к югу; общие черты присутствуют в археологических находках. Гай Юлий Цезарь хорошо знал Галлию, потому что находился там с армией почти десять лет. Чтение его сочинения «Записки о Галльской войне» (*Commentarii de bello Gallico*) дает представление о всеми признанном теперь делении этой зоны на три основные культурные группы: аквитаны на западе, белги на востоке и кельты, занимавшие Центральную Галлию. Цезарь особо подчеркивал, что эта последняя группа называла себя кельтами. Это важно. По большей части невозможно выявить и доказать самоидентификацию народов для доисторических сообществ, потому что представители бесписьменных культур не оставляли таких свидетельств. Даже использование Цезарем понятия «кельты», возможно, было не чем иным, как его представлением о точном разделении земель, которое фактически скрывало огромные расхождения внутри отдельно взятой группы.

Несмотря на проблемы взаимодействия древних и раннесредневековых идентичностей, нечто важное все же связывает их воедино — язык. Там, где есть свидетельства, полученные, например, из ранних и редких надписей или географических названий, зафиксированных в греко-римской географии, можно сделать вывод, что кельтские языки, известные или сохранившиеся сегодня, уходят корнями в античность, поскольку очевидно, что языки галлов, кельтиберов и древних обитателей Британии тоже были кельтскими.

Да, язык невозможно приравнять к этнической принадлежности, но он вносит вклад в соединение национальных культур. Например, общепризнано, что использование английского языка за пределами Соединенного Королевства связано с определенным общим культурным багажом, несмотря на огромные культурные пропасти между отдельными англоязычными странами.

Названия, по сути, являются ярлыками. Древняя Греция включала в себя ряд городов-государств — Афины, Спарту, Коринф и многие другие, — объединенных общим языком, но считавших себя совершенно разными образованиями. Римская империя охватила большую часть Древнего мира: от Британии до Аравии люди считали себя принадлежащими и к своим коренным, местным общинам, и к Риму. Так, в «Деяниях апостолов» Павел из Тарса уверенно называл себя римским гражданином (*civis romanus*), и в то же время он принадлежал к государству Иудея, пользовавшемуся широкой автономией. Таким образом, существенный вопрос заключается в следующем: является ли использование термина «кельтский» менее легитимным применительно к народам, обладающим некоторыми важными общими культурными элементами, нежели термин «греческий» или «римский»? Думаю, что нет.

Другой вопрос, который следует рассмотреть, — это происхождение слова «кельтский» и его использование для описания языков и народов, идентичность которых мы сегодня принимаем как нечто само собой разумеющееся «кельтское»: ирландцев, валлийцев, шотландцев, корнцев, жителей острова Мэн, бретонцев и галисийцев. Ученый-античник XVI века Джордж Бьюкенен впервые разработал понятие кельтов как единой группы народов, живущих в Ирландии и материковой Британии. Таким образом, концепция «кельтскости» применительно к Уэльсу, Ирландии и другим регионам на западном краю Европы является сравнительно современной (в отличие

от термина «кельты» у Цезаря для именования народов континентальной Европы). Тем не менее самоидентификация себя как кельтов чрезвычайно важна для жителей современных кельтских регионов, таких как Ирландия и Уэльс. Если люди считают себя носителями определенной идентичности, это само по себе придает достоверность такой самоидентификации. Для чего же еще были созданы такие идентичности, как не для самоутверждения народа?

Какое отношение вопрос об этнической принадлежности имеет к проблеме описания кельтской мифологии? При попытке установить связь между космологиями, представленными в ранней языческой средневековой литературе, и более ранними археологическими сведениями о железном веке и римской эпохе в истории Галлии и Британии возникает серьезное затруднение. Мифологические тексты принадлежат главным образом Уэльсу и Ирландии, тогда как основная масса археологических свидетельств «кельтского» язычества найдена на территории современной Англии и в западных регионах континентальной Европы. Таким образом, существует некоторое географическое несоответствие между железным веком и римскими свидетельствами с одной стороны и местом письменной фиксации кельтской мифологической литературы — с другой. И хотя средневековые галльские и британские мифологии, схожие по структуре и масштабу с мифологиями Уэльса и Ирландии, отсутствуют, это не означает, что они никогда не существовали. На самом деле есть серьезные указания на то, что когда-то у этих народов были общие космологические представления. Ярким примером является Календарь из Колиньи (см. с. 197) из Центральной Галлии, написанный на галльском языке и относящийся к началу I тысячелетия н. э.; в нем упоминается праздник Самониос, который должен совпадать с празднованием ирландского Нового года — Самайна. Есть много других

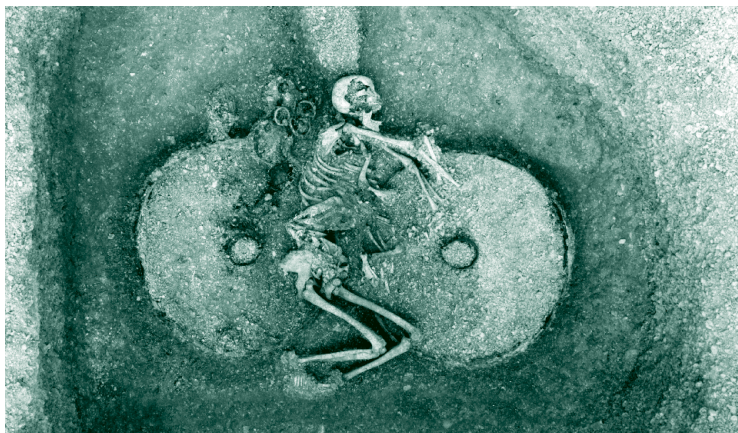

Рис. 3. Захоронение молодой женщины, относящееся к железному веку, в Ветванге, Восточный Йоркшир, найдено в 1984 году

общих признаков, которые будут рассматриваться в последующих главах. Тем не менее кельтские мифы нельзя признать «окном в железный век». Исследования убедительно доказали, что ирландские объекты, подробно описанные в мифах, такие как оружие и колесница Кухулина, относятся к раннесредневековому, а не доисторическому типу.

Хотя эта книга о мифологической литературе, тексты, о которых пойдет речь, необходимо помещать в исторический контекст. А посему там, где это уместно, мы даем ретроспективные обзоры наиболее ранних свидетельств, предоставленных археологией, и отклоняемся на восток за пределы границ кельтского Запада, чтобы рассмотреть возможные источники происхождения мифических персонажей и ритуалов в древних культурах бриттов и галлов. Данные литературы и свидетельства материальной культуры в сочетании показывают нам пестрый калейдоскоп древних верований и взаимоотношений между народами и их богами на западных окраинах известного мира в то время, когда местные языческие культы противостояли

наступлению новых религий. Культы и обычаи древних бриттов и галлов железного века неизбежно видоизменялись и впитывали религиозные традиции Рима. Позже главным вызовом для кельтского язычества стало христианство.

Один из важных аспектов археологических свидетельств — это, конечно же, искусство. Оно не только объединяло значительную часть Европы железного века, но и дожило

О произношении и написании

Ирландские и особенно валлийские имена зачастую выглядят и звучат странно для тех, кто знает английский. Приведем примеры того, как произносятся некоторые из них^{*}.

Pwyll	Пуйлл
Matholwch	Матóлух
Culhwch	Килух, Килхух
Medbh	Медб
Cu Chulainn	Куху́лин
Oisín	Ойсин

^{*} В книге М. Олдхаус-Грин цитируются источники на древне- и среднеирландском и средневаллийском языке.

В русскоязычной литературе для древнеирландского традиционно используется не транскрипция, а транслитерация. Так, в древнеирландском имя Medb произносилось как [медв]; мы передаем его как «Медб». Автор в этом и других случаях использует осовремененное написание вместо древнего (Medbh вместо Medb) и рекомендует современное произношение «Мэйв» (что тоже не совсем корректно).

Для средневаллийского используется рекомендованная для современного валлийского языка система передачи имен и названий; различия в произношении между современным и средневаллийским минимальны.

В средневаллийском языке ударение всегда падало на второй слог от конца (Матóнви, Перéдир).

В древнеирландском языке ударение всегда на первом слоге (Кóнхобар, Фéргус, Крúахан). Исключением могут быть двусоставные имена, например Куху́лин (Cú Chulainn).

до раннесредневекового периода. Кельтское искусство Латенской археологической культуры (Швейцария) возникло в середине I тысячелетия до н. э. Его богатство и разнообразие, опирающееся на познание мира природы и призрачный сюрреализм религиозного воображения, приняло множество форм. Тем не менее очевидно всеобъемлющее единство в том, как художники и потребители их произведений воспринимали и выражали свой мир. Элементы их мировидения просачивались сквозь толщу времени не только в раннехристианское искусство — о чем свидетельствует, например, художественный декор кельтских крестов, — но и в сами средневековые кельтские мифы. Так, магические головы, тройные божества, зачарованные котлы и получеловеческие существа одинаково широко представлены и в искусстве железного века, и в более поздних мифологиях. Кто мог служить посредниками для сохранения и передачи таких феноменов в веках лучше, чем друиды — повелители времени и хранители наследия прошлого? Античные авторы, такие как Гай Юлий Цезарь, говорят о друидах в Галлии и Британии как о религиозных лидерах и учителях, в чьих обрядах проявлялись священные устные традиции предков.

• Глава 1 •

УСТНОЕ ПРЕДАНИЕ: СОЗДАНИЕ МИФОВ

Когда же туман рассеялся и они огляделись кругом, то там, где раньше были стада, дома и нивы, они не увидели ничего: ни дома, ни дыма, ни человека, ни зверя; лишь здание дворца стояло пустое и брошенное, и там тоже не было людей и ни одной живой твари. И все их спутники также исчезли, остались лишь они четверо.

Мабиноги. Третья ветвь

Мифы, как басни, неуловимы. Современные фильмы ужасов о вампирах, призраках или возрожденных египетских мумиях, вероятнее всего, популярны, потому что позволяют людям исследовать самые мрачные аспекты человеческой природы, оставаясь в безопасной среде. В некотором смысле то же самое верно для мифа, но мифы намного сложнее. Отчасти потому, что они почти всегда связаны с религиозными убеждениями — и часто с магией, а также потому, что в мифологических преданиях содержатся ответы на некоторые из самых фундаментальных вопросов, волнующих человечество: кто мы? почему мы здесь? почему наш мир такой? как был создан мир? что происходит с нами, когда мы умираем? Мифы также исследуют вопросы, связанные с обрядами инициации: рождением, половым созреванием, браком и смертью. Некоторые, особенно те, что дошли до нас из кельтского мира, сосредоточены на проблемах морали: добра и зла, целомудрия, жестокости, насилия и предательства, войны, а также гендерных ролей, девственности, материнства и мужества; они дают идеалы женского и мужского поведения.

Мифы процветают в обществах, где такие вопросы не поддаются рациональному объяснению. Это символические истории, решающие проблемы подобного рода в доступной, образной форме. Мифы могут истолковать причины природных явлений

и стихийных бедствий (таких как наводнения, засухи, болезни), таинственной смены дня и ночи, движения небесных тел и чередования времен года. Они часто связаны со снами и видениями так называемых «святых людей» (любого пола), способных заглянуть в будущее и в мир сверхъестественных существ, населенный богами и героями, и рассказать о взаимоотношениях между потусторонним и материальным мирами, поведать о происхождении и исчезновении народов, объяснить значение древних памятников и захоронений, историческая память и смысл которых давно позабыты. Мифы предлагали мотивы

Тропинки для духов

Потом приказал король своему слуге посмотреть, как осият они гать. Отправился слуга на болото, и вдруг почудилось ему, что сошлись туда люди со всей земли от востока ее до запада. Сложили те люди холм из своей одежды, и ступил на этот холм Мидир. Принялись люди закладывать в болото стволы и ветви деревьев, а Мидир выкрикивал во все стороны приказания и подгонял их. Казалось, что люди со всего света кричат у него под ногами. Сватовство к Этайн

Рис. 4. Деревянная тропинка через ирландское болото, построенная в 148 году до н. э. в Корли, графство Лонгфорд

для старинной вражды между общинами и рационализировали споры о территориях. Наконец, мифы часто были просто увлекательными историями, которые помогали скоротать темный зимний вечер у костра или очага.

• ЗНАКОМСТВО С ВАЛЛИЙСКИМИ И ИРЛАНДСКИМИ МИФАМИ •

Обрывки мифов Уэльса и Ирландии сохранились в средневековых рукописях, датируемых VIII–XIV веками н. э., и это то,

Археологические находки помогают связать мифологические циклы с их древним происхождением. В середине II века до н. э. община, проживавшая в Корли в современном графстве Лонгфорд в Центральной Ирландии, построила длинную деревянную дорогу через болото к суше. Датирование по годичным кольцам деревьев позволило установить, что дубы, использованные для строительства этого пути, были срублены в 148 году до н. э. Под опорами было захоронено странное изображение получеловека-полуживотного, вырезанное из ясеня, — вероятно, как своего рода амулет, защищающий новую дорогу. Возможно, этот путь строили по частям различные группы людей, а один участок так никогда и не был завершен, потому что на его месте остался очевидный разрыв.

В некоторых ирландских мифах можно найти упоминания о строительстве тропинок через болота. В истории бога Мидира и его возлюбленной Этайн король Тары Эохайд ставит перед Мидиром невозможное задание «построить деревянную дорогу через непроходимое болото». Другое предание сохранило рассказ о ссоре между двумя общинами, которые взялись строить дорогу через болотистую местность с противоположных концов, чтобы встретиться в середине. Почти закончив работу, две группы поссорились из-за ее завершения, и дорога так и не была достроена. Может ли это быть известной нам тропой в Корли? Могли ирландские сказители сохранить память о создании исторических древних дорог, остатки которых еще были видны в Раннем Средневековье?

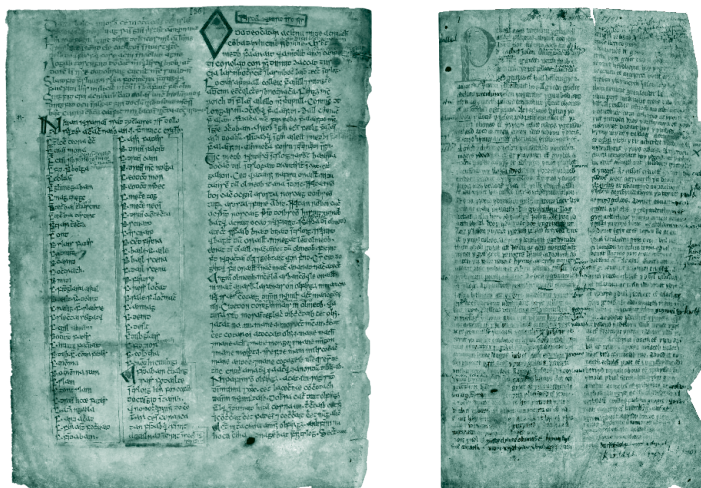

Рис. 5. Страницы из самых ранних рукописей ирландских и валлийских мифов.
 Слева: из Книги Бурой Коровы, текста XI века, содержащего древнейшую известную редакцию «Похищения Быка из Куальнге»;
 справа: из валлийской Красной книги Хергеста, одного из самых ранних списков цикла валлийских повестей «Мабиноги»

что известно нам сегодня. Три цикла ирландских прозаических историй представляют собой основной объем уцелевших источников по ирландской мифологии.

Самым ранним из записанных ирландских мифов является Ульстерский цикл, в центре которого — эпическая история о войне между Ульстером и Коннахтом, «Похищение Быка из Куальнге» (*Táin Bó Cualnge*), где фигурируют великий герой Ульстера Кухулин и коварная королева Медб из Коннахта. Исторически провинция Ульстер потеряла большую часть своего политического влияния к концу V века н. э. Ее могущество в поэме «Похищение Быка из Куальнге» свидетельствует о раннем происхождении цикла. Первая редакция (список) сохранилась фрагментарно в Книге Бурой Коровы XI века, но язык повествования восходит к VIII или IX веку. Еще

одним важным источником для Ульстерского цикла является Желтая книга Лекана XI века*. Два других собрания преданий — так называемый Мифологический цикл и Цикл Финна (и фениев) — сохранились в списках XII века. Первый из них содержит наибольшее разнообразие тем и яркие описания языческих божеств. В центре Цикла Финна находится предание о жизни этого героя, предводителя войск и хранителя божественной мудрости.

Валлийские мифы сохранились в двух основных рукописных сборниках: в Белой книге Ридерха и в Красной книге Хергеста. Белая книга была составлена около 1300 года, а Красная — в конце XIV века. Предания, наиболее богатые мифологическим содержанием, — это «Четыре ветви Мабиноги» (*Pedeir Ceinc y Mabinogi*), также известные под собирательным названием множественного числа «Мабиногион», а также легенды о Килхухе и Олвен (*Culhwch ac Olwen*). Другой важный материал содержится в циклах преданий «Передир» (*Peredur*), «Сон Ронабви» (*Breudwyt Ronabwy*) и во фрагментарном рассказе «Добычи Аннувна» (*Preiddeu Annwfn*). Еще одна ветвь развития мифов сосредоточена на героической фигуре короля Артура и поисках Святого Грааля. Эта поздняя часть мифологии представлена в средневековых французских романах артуровского цикла, самый известный из которых был написан Кретьеном де Труа. Король Артур несколько раз появляется в валлийских мифах, прежде всего в «Килхухе и Олвен» и «Передире»; оба текста относятся к числу преданий о героях.

* Автор ошибается: «Желтая книга Лекана» (ныне в библиотеке Тринити-колледжа, Дублин) создана в XV веке.

• ТАИНСТВЕННЫЕ ГОЛОСА: ПОВЕСТВОВАНИЕ •

ОТ УСТНОГО ПРЕДАНИЯ ДО ПИСЬМЕННОГО СЛОВА

Кельтские мифы возникли из ранней повествовательной традиции, из живого устного предания. Подобно тому как музыканты могли путешествовать от двора ко двору, чтобы развлекать знать, как разъезжали умелые ремесленники в поисках заказов на новые доспехи или декоративные чаши для вина, так поэты и сказители искали заказчиков для своего творчества. Многие

Рис. 6. Каменная фигурка
железного века, известная
как идол из Тандераги;
вероятно, изображение
раннего ирландского
сказителя из графства Арма

Камни-оракулы

Дохристианские каменные скульптуры из Ирландии и Уэльса, возможно, представляют сказителя в действии. Они изображают человеческие головы, у некоторых из них рты широко открыты, как будто для речи или песни. Уникальная резная фигура из графства Арма известна как идол из Тандераги. Это изображение говорящего человека, его толстые губы раскрыты; насколько можно понять, на нем головной убор с рогами, правая рука расположена по диагонали к телу в типичном жесте оратора, но в ней зажато что-то вроде волшебного камня. Соблазнительно интерпретировать изображение как фигуру провидца или шамана, носящего символ животного, который обозначает его статус — способность к преображению и общению с богами, возможность передавать их мудрость людям. Традиционные шаманы часто выступали в образе животных: считалось, что они обладают особенно тес-

из них были странниками и, путешествуя, распространяли типичные истории по обширным территориям. Другие, как средневековые придворные шуты, состояли при особе определенного правителя, и их рассказы, возможно, приобретали больше местного колорита. Но поскольку истории хранились в памяти людей, то и росли, и видоизменялись от выступления к выступлению, и никакие два повествования не были абсолютно одинаковыми. Так, странствующие сказители могли вплетать в легенду черты местного пейзажа — горы, реки

ными связями с потусторонним миром. Поэтому шаманы часто надевали плащи из кожи животных или рога как головной убор. Идол из Тандераги точно не датирован, но, вероятно, относится к периоду позднего железного века или Раннего Средневековья.

В Уэльсе также находят древние камни-оракулы. Римский город Каэрвент на юго-востоке области был столицей племени силуров, которое крайне враждебно отреагировало на вторжение римлян на их территорию в середине I века н. э. Город сформировался поздно, и большинство его общественных зданий датируется IV веком. При раскопках виллы древнеримского богача в саду нашли маленькое святилище, в котором была установлена фигура из песчаника с широко открытым ртом, словно говорящая или поющая. Можно вообразить, как гости, приходя к этому святилищу, вслушивались в голоса духов через магическую голову.

Рис. 7. Позднеримская британская вырезанная из песчаника голова с открытым ртом, найденная в Южном Уэльсе, в Каэрвенте; вероятно, каменный оракул

Необходимые чудовища: от мифического зоосада до «Звездных войн»

Потом превратились они в двух воинов и сражались друг с другом.

Потом превратились они в двух призраков и пугали друг друга.

Потом превратились они в два снежных облака и хотели засыпать снегом земли друг друга.

А потом из снега того закалили они дождем на землю и превратились в двух личинок. Весной поселился один из них в реке Круйнд

в Куальнге, и корова Дайре, сына Фиахны, проглотила его случайно, когда пила воду. А другой поселился в реке Гарад в Коннахте,

и корова Айлиля и Медб проглотила его случайно, когда пила воду.

И когда настал срок, родилось у этих коров два теленка. И выросли из них быки: Финнбеннах, Белорогий с Равнины Ай, и Дуб, темно-бурый бык из Куальнге.

О ссоре двух свинопасов

В предисловии к сборнику эссе Хорхе Луиса Борхеса 1957 года «Книга вымышленных существ» есть замечание, что чудовища всегда будут присутствовать в мифических историях, поскольку настоящие животные являются чрезвычайно важной частью человеческого опыта и потому что чудовищные существа являются комбинациями реального и воображаемого, ночных кошмаров и мечты. Античный кентавр, в котором смешаны формы человека и лошади, имеет кельтский аналог — валлийскую

и озера, — рассчитывая завоевать доверие местной аудитории и помочь ей живее представить события. Эти мифологические истории были живыми, изменчивыми, со временем в них появлялись новые части и подробности. Мастерство и опыт сказителя, жизнь всего сообщества слушателей так или иначе оказывали влияние на основную историю.

«Господин, у нас есть обычай, — ответил ему Гвидион, — в первый вечер, когда нас принимают во дворце, поет

Рис. 8. Бронзовая фигурка лошади с человеческой головой, IV век до н. э., фляжка для вина из погребения в Ремхайме, Германия

лошадь-женщину Рианнон. Критский Минотавр, отвратительная помесь быка и человека, возможно, имеет аналоги в ирландской мифологии — великих боевых быков Ульстера и Коннахта, обладающих человеческой речью и пониманием; в Уэльсе таков зачарованный вепрь Турх Труит. Борхес заходит так далеко, что утверждает: чудовища «необходимы» для человеческого общества. В наши дни, очарованные космосом и возможностью существования других миров, мы вызываем в воображении фантастические образы галактических монстров, которые нигде не представлены так ясно, как в саге «Звездные войны», где Люк Скайуокер и Хан Соло встречают целую череду странных и удивительных существ со всей Вселенной. Таковы наши современные мифические создания.

старший из нас. Позволь, и я с радостью спою для тебя».
Надо сказать, что Гвидион был самым искусным сказителем из всех, кто жил тогда на земле, а на сей раз он особенно постарался, да и сам Придери слушал его как зачарованный.
 Мабиноги. Четвертая ветвь

На валлийском средневекового сказителя называли «киварвит» (cyfarwydd). Значение этого термина является ключом к пониманию роли и статуса такого человека в обществе, поскольку

слово включает в себе целый набор смыслов: проводник, знающий человек, эксперт, проницательный. Сказитель обладал могуществом, поскольку он (или она) был хранителем традиций, мудрости и информации, доставшейся от предков. Все это служило для объединения сообществ и для придания глубины и смысла окружающему людей миру. Недостаточно было помнить и рассказывать хорошо сплетенные истории, необходимо было придать им завершенность и наполнить множеством смыслов.

На самом деле мало что известно о процессе рассказывания историй. Однако иногда нам по счастливой случайности удается взглянуть на жизнь сказителя. Упоминания об этом крайне редко встречаются в самих преданиях, но четвертая ветвь «Мабиноги» дает нам кое-какое представление о занятиях киварвита. Маг Гвидион появляется при дворе валлийского лорда Придери в Ритлан-Тейфи (Западный Уэльс) и предлагает свои услуги в качестве киварвита. Он проводит вечер, развлекающая знать, и признаётся лучшим из всех известных сказителей. Его чествуют все придворные и в первую очередь сам Придери.

Средневековое валлийское повествование было сродни поэзии, и часто поэт и киварвит были одним и тем же лицом. Конечно, современная аудитория может получить доступ к преданиям только через тексты, зафиксированные на письме, но, несмотря на это, они начинались как устные рассказы, и в них иногда можно обнаружить различные следы такого бытования. Каждый эпизод короток и самодостаточен, как будто создан для того, чтобы помочь слушателям (и самим сказителям) запомнить его. Слова и фразы часто повторяются, что тоже служит напоминанием-подсказкой. Третий прием имеет аналогичную цель: это «ономастический тег», своего рода «узелок на память» в виде объяснения личных и географических названий. Часто используется число, обычно «три», которое служит как магическим знаком, так и способом построения повествования, облегчающим запоминание.

Валлийские предания богаты диалогами, в них звучат разные голоса — от чудовищ до девиц, от убежденных сединами мудрецов до маленьких мальчиков, а также вступает в разговор ряд хрюкающих и порывающихся зверей. Существуют звучные списки имен и владений, которые требуется произносить вслух. В диалоге и в повторении вопросов в формулах ответов или приказаний есть своя поэзия, и все это опять же помогает воспринимать на слух и запоминать.

Но то, что делает валлийские и ирландские средневековые истории чем-то бóльшим, чем устная поэзия, и превращает их в мифы, — это элемент сверхъестественного и присутствие богов. Похоже, ирландская проза представляет собой письменные версии по-настоящему древних преданий, в которых язычество было первоосновой и где боги были вездесущи. Языческие пантеоны менее очевидны в валлийском материале, и действительно, здесь часто упоминают христианского Бога. Тем не менее под поверхностью здесь скрывается богатый гобелен сверхъестественных фигур, божеств, шаманов и оборотней, которым определенно не место в христианской традиции.

• ИСКУССТВО МИФА И МИФ ИСКУССТВА •

Свидетельства артефактов также помогают нам преодолеть разрыв между предполагаемым очень ранним происхождением мифологических циклов и их письменными версиями. Поскольку ранние континентальные и британские кельты не использовали письменность, никакой мифологической литературы у них не существовало вплоть до Раннего Средневековья. Если мы хотим иметь хоть какой-то шанс для подтверждения того, что ранние мифы действительно бытовали в железном веке и в период римского господства, единственный источник, позволяющий проследить их, — это так называемая нарративная,

или повествовательная, иконография, содержащая множество связанных между собой изображений, которые как бы рассказывают историю. Но мало идентифицировать такие артефакты, нужно еще определить значения этих образов, о которых нам остается лишь гадать. Взгляните на любую книгу о кельтском искусстве, и вы найдете невероятное множество воображаемых существ, относящихся к миру природы, но интерпретированных так, что в XX веке этот подход называли бы сюрреалистическим. У змей — рога баранов, у людей по три лица, у быков по три рога, у лошадей — человеческие головы, мужчины предстают с ветвистыми рогами оленей, а самое распространенное изображение — просто человеческая голова.

Кельтское искусство достигло расцвета между V и I веком до н. э., но на западных и северных окраинах Британии оно продолжало благополучно существовать в течение всей римской эпохи, по крайней мере до II века н. э. В Ирландии, куда практически не проникали римские культурные традиции, местные художественные стили пережили введение христианства. Высокое христианское островное искусство, выраженное в рукописях с миниатюрами и каменных крестах Раннего Средневековья, включает в себя образы, напрямую заимствованные из мифического репертуара языческого прошлого: число три, человеческую голову и странных гибридных существ. Это, конечно, означает, что новейшее направление ирландского кельтского искусства сосуществовало с рождением мифологической литературы.

• МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ •

Рассказывание историй — это искусство устного повествования. В кельтских мифологических сказаниях повторялись определенные приемы и темы, и по мере изучения материала

мы встречаем их вновь и вновь. Данные элементы не только указывают на корни преданий, уходящие в древние традиции мифотворчества, но также подчеркивают важные проблемы обществ, в которых они бытовали. Важно отметить, что многие из мотивов, обнаруженных в мифах, также подтверждаются археологическими свидетельствами, как показывают три примера, приведенные ниже.

Однажды я охотился в Ирландии на холме над озером, что называлось Озером Котла. И я увидел громадного рыжеволосого мужчину, идущего от озера с котлом на спине. Он имел свирепый и отталкивающий вид, и с ним была женщина. И хотя он был высок, она была выше его вдвое. И они подошли ко мне и приветствовали меня. «Что вы тут делаете?» — спросил я у них. «Вот, господин, наше дело, — ответил он. — Через месяц эта женщина должна родить, и ее ребенок, который родится в конце месяца, будет самым хорошо вооруженным из воинов».

Мабиноги. Вторая ветвь

Одним из устойчивых образов ирландской и валлийской мифологии является магический котел, сосуд, способный воскрешать мертвых и обеспечивать постоянно пополняющиеся запасы пищи. Ирландский бог Дагда («Добрый Бог») обладал огромным неиссякаемым котлом (см. с. 207). Центром ирландского праздника в потустороннем мире являлся котел, в котором никогда не заканчивалась еда (см. с. 117). Один ирландский миф о котле был связан с сакральной королевской властью: новому королю Ульстера пришлось купаться в котле, потребляя мясо и бульон белой кобылы, на которой он ритуально «женился».

Мифы о котле охватывают обе стороны «кельтского водоема». Во второй ветви «Мабиноги» брат героини Бранвен дает ее мужу сверхъестественный, восстанавливающий жизнь котел,

Котел Керидвен

Валлийский миф, сохранившийся в тексте XIII века «Книга Талиесина», содержит красочную историю о волшебном котле, который одаривал тех, кто ел или пил из него, знанием и вдохновением. Хранителем котла была Керидвен. Она родила двоих детей: Криарви («светлый», или «красивый») и Авагту («черный», или «некрасивый»). Желая компенсировать второму сыну неудачную внешность, мать замешала специальное варево в котле, призванное дать ему абсолютную мудрость. Поскольку зелье нужно было варить в течение года, Керидвен поручила маленькому мальчику, Гвиону, присматривать за ним. Когда он мешал варево в котле, ему на руку брызнули три капли обжигающей жидкости, и он, не задумываясь, облизал пальцы, непреднамеренно приобретая мудрость, предназначенную Авагту. Гвион бежал, его преследовала разъяренная Керидвен, но в итоге мальчик превратился в великого поэта-провидца Талиесина.

и ирландский король признаётся, что и прежде знал об этом сосуде, что позволяет допустить ирландское происхождение объекта. Из истории ясно, что котел явился из потустороннего мира (см. цитату выше), и его связь с воскресением мертвых, как и котла Дагды, подтверждает это.

Многочисленные котлы были найдены в Ирландии, Шотландии и Уэльсе. Их погружали в болото или озеро во время ритуального действия — по-видимому, из-за убеждения в связи между котлами и водой. Еще в 700 году до н. э. два прекрасно сделанных листовых бронзовых котла были помещены вместе с другими артефактами в отдаленное озеро под названием Лин Ваур (см. также с. 184) в Южном Уэльсе — вероятно, в святилище, которое посещали паломники, в том числе прибывшие издалека. Сродство между котлами и водой, возможно, объяснялось верой в живительные и подкрепляющие свойства как естественных водоемов, так и сосудов с жидкостью.

Гундеструпский котел, изготовленный в I веке до н. э., является самым впечатляющим из найденных на сегодняшний день сосудов железного века. Он особенно интересен именно потому, что на нем, возможно, показан какой-то нарративный миф. Его изображения представляют собой сложные и взаимосвязанные повествовательные сцены. Котел был найден в центральной части Ютландии в 1891 году. Изготовленный из позолоченных листов серебра, украшенных высокими рельефными изображениями, он вмещал 130 л жидкости. Этот котел уникален с археологической точки зрения; он явно был очень ценным предметом, и характер декора указывает, что он, скорее всего, служил священным сосудом и использовался в ритуальных целях. Котел состоит из семи наружных и пяти внутренних пластин плюс пластины основания. Он был найден в преднамеренно разобранном виде, и его составные части были аккуратно сложены и закопаны глубоко в дальнем торфяном болоте.

Каждая из больших внутренних пластин изображает сложную сцену. На одной кельтское войско вступает в бой, и мертвецы возрождаются, будучи погруженными в котел сверхъестественным существом; за этим наблюдает рогатая змея, чья гибридная природа, возможно, отражает роль посредника между мирами. Вторая сцена представляет рогатое божество как повелителя животных в сопровождении нескольких зверей, среди которых олень и второй рогатый змей. Третья пластина изображает небесного бога с солнечным колесом, с различными странными животными, включая гиен/леопардов, каких-то четвероногих с длинными изогнутыми клювами и крыльями, а также еще одну рогатую змею. На четвертой пластине находится тройное изображение священной охоты с тремя дикими быками, которые должны быть убиты, возможно в жертвенных целях. На пятой пластине изображена богиня на колеснице в окружении других фантастических животных, в том числе двух очень странных

Рис. 9. Позолоченный серебряный котел с изображениями божеств и мифологических сцен, найденный на пересохшем островке посреди болота в Гундеструпе, Ютландия (Дания), I век до н. э.

существ, похожих на слонов, с леопардовыми пятнами, а также с уже упомянутыми крылатыми и клювастыми зверями.

Семь внешних пластин содержат менее сложные образы. В то время как на больших внутренних панелях изображены повествовательные сцены или ритуальные события, внешние, похоже, посвящены визуализации кельтского пантеона, являя парад богов и богинь, чья индивидуальность обозначена различными атрибутами и формой волос/бороды. В отличие от динамичных внутренних сцен, эти внешние образы являются портретами, статичными и фронтальными, хотя их окружают маленькие фигуры людей и животных. Пластина основания тоже снаружи выглядит иначе: ее центральным элементом является большой умирающий бык — вероятно, дикий зубр, убитый или принесенный в жертву охотником или жрецом.

Гундеструпский котел, таким образом, и рассказывает мифы, и представляет множество божественных существ. Мы можем только догадываться о значениях этих созданий и о взаимосвязях между отдельными пластинами. Ясно, что определенные повторяющиеся мотивы были

Рис. 10. Пластина-основание Гундеструпского котла с изображением умирающего быка, которого атакует крошечная человеческая фигура, вероятно с целью принесения в жертву

разработаны именно для демонстрации таких связей: наиболее красноречивый из них — пожалуй, рогатая змея, которая встречается на трех внутренних пластинах. Подобное изображение, как и человеческая фигура с рогами на голове, встречается не только на этом котле из Дании, оно широко известно по галло-британским скульптурам, относящимся к римскому периоду. Это свидетельствует о существовании целой группы отдельных космологических преданий, частично сохранившихся в период римской оккупации Британии, Галлии и Рейнской области.

Как могли изображения на Гундеструпском котле выполнять нарративную роль? Вероятно, как и мифологические сцены на древнегреческой керамике, они оказывались в центре внимания на симпозиях (приемах-вечеринках с коллективным распитием вина); можно предположить, что котел был своего рода «реквизитом» барда, рассказывающего историю людям, собравшимся вокруг очага. В мерцающем пламени могло казаться, что сияющие рельефные образы двигаются, а сказитель словно бы заставлял сам котел говорить. Умиравший бык

на пластине основания придавал особенный драматизм повествованию: в голове животного есть два отверстия, в которые можно вставлять рога (не исключено, что реальные), в таком случае они должны были выступать из любой жидкости, наполнявшей котел (крови или заменяющего ее вина), воссоздавая миф о жертве и возрождении.

Сила трех

Тогда снова решил Кухулин отправиться к крепости Форгала, и на этот раз снарядили ему косящую колесницу. Совершил Кухулин прыжок лосося и через три стены перескочил в крепость. Три удара быстро обрушил он там на трижды девять воинов, да так, что с каждого удара поразил по восемь воинов, а по одному из каждой девятки оставил в живых. Были то Скибар, Ибур и Кат, три брата Эмер.

Сватовство к Эмер

Другой постоянный мотив кельтских мифов — триадизм, или тройственность. Тройка, судя по всему, была священным числом и в ирландской, и в валлийской традициях. В ирландских мифах богини сражений, по-разному называемые, — Морригна (в единственном числе «Морриган»), Бадб и Маха — как ведьмы в шекспировском «Макбете», всегда являются троєм. В ирландском пантеоне было три бога ремесел: Гоибниу, Лухта и Крейдне. Олицетворением самой Ирландии также были три богини: Эриу, Фодла и Банба. Герой Ульстера Кухулин заплетал волосы в три косы и убивал врагов по трою. В легендах об убийстве королей упоминаются три способа: ранить, сжечь и утопить. Утроение характерно и для валлийских легенд: во второй ветви «Мабиноги» Бранвен описывается как одна из трех главных дев Британии; в той же истории умирающий Бран говорит своим последователям о трех волшебных певчих птицах Рианнон. В четвертой ветви

волшебник Гвидион накладывает три проклятия на своего коварного брата Гилвайтви: три его сына должны превратиться в трех диких животных: волка, оленя и кабана.

Как и в случае с котлом, тема тройки как особого числа проявляется в космологии Британии и Ирландии в период железного века и римской оккупации. Тройные головы были высечены в камне: ирландская из Корлека, графство Каван, сделана из круглого камня с тремя лицами на одном «черепе»; скульптура из романо-британского города Роксете́ра в Шропшире изображает три идентичных соединенных головы. Традиция трехголовых или трехликих божеств не ограничивается Ирландией и Британией, она особенно широко была распространена в Галлии, особенно в Бургундии и в Реймсе, столице

Рис. 11. Каменный рельеф с изображением трех богинь из Кориния (Сиренчестер)

«Видящий камень» из Корлека

В Корлеке, графство Каван, резчик по камню, который, вероятно, жил где-то между IV и I веком до н. э., создал из округлого камня человеческую голову. Но это был не обычный портрет человека или даже бога, а символический объект, поскольку скульптор тщательно вырезал три одинаковых лица с разных сторон камня. Каждая пара глаз смотрит в свою сторону, как будто осматривая окрестности. Почему число три было столь важным для создателя головы и для тех, кому она предназначалась?

Рис. 12. Трехликая каменная голова железного века из Корлека, графство Каван (Ирландия)

Голова из Корлека никогда не была частью статуи, она была задумана как самостоятельная форма. Другие трехликие головы известны в Англии и Шотландии, так что камнерез из Корлека следовал традиции, распространенной на обширной территории. Дуалистический символизм самой головы и трех лиц, размещенных на ней, вносил вклад в космологические коды железного века, в котором священная власть выражалась и реализовывалась посредством изготовления и функционирования подобных сакральных объектов. Это могло быть изображением божества, но в равной степени этот образ мог служить почти как один из палантиров («видящих камней») Дж. Р. Р. Толкина, используемых для получения знаний о местах или событиях, удаленных во времени или пространстве. Он мог считаться источником магической силы и провидческого дара тех святых людей, которые умели «читать» по камням и интерпретировать их послания.

племени ремов. Наряду с трехголовыми существами боги периодически появляются триадами: в римской Британии часто встречаются тройные «богини-матери», а также скульптурные изображения трех странных фигур в капюшонах, известные как Гении Кукуллати (*Genii Cucullati*, «боги в капюшонах»).

Об особом значении числа три для кельтской мифологии можно судить только на основании догадок, но его постоянное появление в археологических материалах древнейшей эпохи, предшествующей письменной фиксации легенд и преданий, позволяет предположить, что более поздние мифы, связанные с идеей триады, заимствовали некоторые элементы из архаики. В ирландских сказаниях о триединых богинях, таких как Морриган, очевидно, что существовала только одна настоящая личность или идентичность, которая иногда проявлялась в тройной форме. Смысл триады не в простом акценте на числе три, которое популярнее всех остальных. Это сакральное число обладало особым смыслом и магией. Эта идея выражалась в делении времени на прошлое, настоящее и будущее или в трех уровнях Вселенной, известных во многих «современных» шаманских традициях (верхний, средний и подземный миры).

Говорящие головы

Коналл Кернах — один из сверхъестественных героев прозаического Ульстерского цикла «Похищение Быка из Куальнге» (*Táin Bó Cúailnge*). Он был великим воином, вступил в борьбу против Коннахта и его королевы Медб, и его обезглавили в бою. Отрубленная голова героя была настолько большой, что в ней могло разместиться четыре взрослых человека, четыре теленка или два человека в паланкине. Вычищенный изнутри череп Коналла явно обладал теми же способностями, что и котел изобилия, поскольку ульстерцы, которые выпили из него молоко, восстановили свою силу после того, как были ослаблены проклятием. Легенды о Коналле упоминают головы и в другом контексте: у героя была

довольно неудобная привычка спать по ночам, положив под колено отрубленную вражескую голову кого-то из воинов Коннахта.

Заключительный эпизод второй ветви «Мабиноги» описывает смерть героя Брана, брата Бранвен. Он был убит отравленным ирландским копьем, пронзившим его ступню (напоминает смерть греческого героя Ахилла от руки Париса в конце Троянской войны), во время большого конфликта между Ирландией и Уэльсом. Перед смертью он дал своим людям любопытное указание: отрезать ему голову, отнести ее к Белой горе в Лондоне и там похоронить лицом к Франции, чтобы она могла защитить Британию от вторжения с континента. Кроме того, он сказал, что голова не будет гнить после отделения от мертвого тела и хорошо послужит им, как прежде служила ее владельцу, пока ее не захоронят.

Это всего лишь два из многих сказаний, связанных с человеческими головами и их сверхъестественными способностями. Вероятно, как и в случае с котлами, тема мистических человеческих голов без тела может проистекать из доисторических ритуалов и верований. В железном веке племена, обитавшие в Ирландии, Британии и континентальной Европе, кажется, относились с особенным почтением к человеческой голове. Археологические свидетельства дают ключ к пониманию того, каким образом выражалось такое почитание: высекая изображения голов в камне и дереве, включая символы головы в декорацию металлических изделий, люди железного века не останавливались на этом и неоднократно помещали настоящие человеческие головы в специальные места: колодцы, реки, ямы и храмы.

Запреты и проклятия

Вот каковы те запреты. Нельзя обходить тебе Брегу слева направо, а Тару справа налево. Нельзя убивать тебе диких зверей Керны. Каждую девятую ночь не можешь ты покидать пределы Тары. Нельзя тебе проводить ночь

в таком доме, откуда наружу виднелся б огонь или свет был замечен оттуда.

Запреты Немглана, обращенные к королю Конайре Мору.

Разрушение дома Да Дерга

В средневековом ирландском мифологическом сказании «Похищение Быка из Куальнге» говорится о бардах и шутах королевы Медб, которых она послала напасть на благородного жителя Ульстера по имени Фер Диад. Их оружием были слова, и они могли буквально изуродовать лицо человека, которое по их воле покрывалось нарывами и сыпью. Сила слов, способных причинять ущерб, была постоянной темой ирландских средневековых сказаний; упоминание об этом можно найти даже в XV веке, когда было написано стихотворение с угрозой нанести врагу травмы словами поэта в отмщение за сожженное поле. Горящая на корню пшеница уподобляется выжженному местию лицу поджигателя, но на поэта, вероятно, повлияла (по крайней мере, частично) христианская этика прощения, потому что он пригрозил, но не стал исполнять наказание.

Проклятия — распространенная тема ирландской мифологии. Так называемые гейсы точнее будет описать как запреты, предостережения против какого-то поступка. Неспособность или нежелание прислушаться к такому предупреждению приводили к исполнению проклятия. Мы видим подобное действие гейса, наложенного на героя Ульстера Кухулина (см. с. 121–128). В другом сказании, «Разрушении дома Да Дерга», описана серия гейсов: король Ульстера Конайре Мор был обременен целым рядом запретов, самым серьезным из которых был запрет на убийство птиц. Этот конкретный зарок объяснялся необычным способом его зачатия и рождения, которые были предсказаны появлением птицы в доме его матери. Помимо проклятия за убийство птиц гейсы Конайре были тесно связаны с его королевством, и многие из них

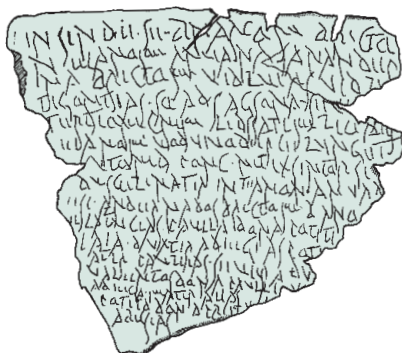

Рис. 13. Фрагмент плитки с проклятием, железный век,
Ларзак, Южная Франция

устанавливали пределы королевской власти. Так, они ограничивали его право проводить время вдали от своей земли и включали предписание не позволять своим людям совершать набеги. Но именно неверие Конайре в ключевой запрет на убийство птиц привело его к смерти (см. с. 143).

Гейсы играли важную роль для сказителя, поскольку их описание в начале повествования заставляло слушателей напряженно ждать, что с носителем гейса случится нечто ужасное. Так что гейс был способом заинтересовать публику, и можно предположить, как сказитель прерывал историю в решающий момент, оставив зрителей ломать голову над ее окончанием и нетерпеливо дожидаться следующего эпизода.

• СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМ •

Некоторые кельтские мифологические сказания пугают даже сейчас, и, должно быть, они производили еще более драматический эффект, когда их рассказывали приглушенным замогильным голосом слушателям, сидящим в темноте, при

жутковато мерцающем огне очага. Ирландское сказание «Разрушение дома Да Дерга» описывает кошмарное видение inferнальной богини. Само название истории готовит своих слушателей к беде: Да Дерга означает «красный бог», а красный — это цвет иного мира. «Дом» (*бруиден*) был потусторонним обиталищем, и весь миф основан на убийстве короля Конайре, когда тот еще при жизни отправился в царство духов — а это всегда опасно. История о неудачливом Конайре с самого начала создает впечатление обреченности, и слушатели знали это. Король погиб, потому что нарушил наложенный на него «птичий» гейс и, что немаловажно, сделал это на исходе года, на празднике Самайн, языческом ирландском эквиваленте Хэллоуина, в самом конце октября. Самайн считался особенно опасным временем, потому что находился на стыке между концом одного года и началом следующего, это было время небытия, когда мир переворачивался с ног на голову и духи бродили по земле среди живых людей. Описывая отвратительную гостью дома Да Дерга, сказитель «Разрушения...» прибегал ко всем известным ему способам создания самых странных фантазий, будто порожденных кошмарами. Гостьей оказалась богиня смерти в облике старухи с петлей на шее, в полосатом плаще. У нее были длинные черные ноги, борода длиной до колен и съехавший набок рот. Она произнесла пророческие слова, стоя на одной ноге. Старуха пришла в дом сразу после захода солнца. Описание насыщено символикой, которая наверняка была хорошо известна слушателям: все детали говорят о нестабильном и чудовищном потустороннем мире. Мужские и женские черты внешности, искривленное лицо, «ночные» черные конечности, поза на одной ноге, двучетный плащ — все это полностью отвечало представлениям о существе, способном перемещаться между мирами. Она появилась на грани дня и ночи, в конце старого и начале нового года, что еще больше усиливало символику порога. Наслаивая

такие признаки, сказитель передавал слушателям ощущение нарастающей угрозы, неестественного смещения мира людей и духов, настраивал на ожидание ужасного кульминационного момента. И слушатели наверняка не были разочарованы. Конайре обезглавили за то, что он не смог повиноваться гейсу, но даже после его смерти сверхъестественный колорит истории сохранялся, потому что отсеченная голова короля возносила похвалу человеку, который прикончил его убийц.

• Глава 2 •

РАССКАЗЧИКИ МИФА

Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов по двадцать лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом. Мне кажется, такой порядок у них заведен по двум причинам: друиды не желают, чтоб их учение делалось общедоступным и чтобы их воспитанники, слишком полагаясь на запись, обращали меньше внимания на укрепление памяти.

Цезарь. Записки о Галльской войне, 6.14

Для создания мифов необходимо, чтобы люди сочиняли истории, передавали их другим и постоянно трансформировали. Мифы кельтов представляют собой особенно сложные конструкции, потому что они, несомненно, родились задолго до появления письменности у этих народов. Большую часть железного века в Уэльсе и Ирландии — между 700 годом до н. э. и I веком н. э. в Уэльсе или VI веком н. э. в Ирландии — письменная литературная традиция отсутствовала. Это означает, что хотя мифологические истории, безусловно, бытовали в устной форме, с момента их создания до письменной фиксации прошло много веков, и литературная форма отражает гораздо более позднюю стадию их существования.

• УСТНОЕ И ПИСЬМЕННОЕ •

В процессе создания мифологических — или любых других — историй есть нечто, связанное с их формой физического существования, нечто такое, что изменяет их при фиксации,

словно это замораживает их и делает менее живыми. Письмо — лишь одна форма записи. Другой является визуальное воплощение в виде скульптуры или живописи. Многие культуры с мощной устной традицией, например бушмены Южной Африки или аборигены Австралии, выбрали второе и до сих пор предпочитают запечатлевать свои мифы только в наскальных рисунках. Изменения все еще происходят, поскольку можно закрасить предыдущие изображения и добавить новые. В древности в Европе сложные наскальные рисунки появились в таких областях, как Галисия, Северная Италия и Скандинавия. Эти изображения, несомненно, отражали космологические представления и священные предания, хотя ключ к их пониманию зачастую недоступен современным ученым. Стоит отметить, однако, что почти все сакральные наскальные рисунки, принадлежащие Древнему миру или более современным традиционным обществам, содержат некие общие темы, в частности идею оборотничества, представленную в виде фигур наполовину людей, наполовину животных. Конечно, не может быть никакой прямой культурной связи при таких огромных расстояниях во времени и пространстве, но следует указать, что загадка человеческого бытия располагает людей к размышлениям о вещах, находящихся за пределами материального мира. Возможно, животные виделись своего рода проводниками в духовный мир. В любом случае, оборотни были обычными героями кельтских мифов.

Средневековые валлийские сказания «Мабиноги» представляют собой сложное сплетение устного и письменного повествования. Действительно, трудно определить, где заканчивается одно и начинается другое. Потому что даже в письменной форме эти сказания были предназначены для исполнения перед слушателями, а не просто для индивидуального чтения про себя. И даже в этом случае определенные приемы, наиболее очевидными из которых являются использование прямой речи и повторений, выдают устное происхождение текста. Еще

один поразительный прием валлийских сказаний — это способ изменения времен для усиления драматического эффекта. Например, в сказании о Передире историческое повествование ведется в прошедшем времени, а описание контекста, в котором Передир совершает путешествие ко двору Артура, резко переходит в настоящее время, чтобы подчеркнуть драматизм и непосредственную близость событий к слушателю. Это сделано для того, чтобы заставить аудиторию почувствовать себя вовлеченной в происходящее, и сказитель, вероятно, играл голосом, чтобы передать возрастающее напряжение. (Контекст цитаты, приведенной ниже, — оскорбление, нанесенное Гвиневере, жене короля Артура, безымянным рыцарем.)

И они решили, что никто не мог бы совершить такое преступление, если не был одержим некоей силой или не пребывал во власти магии и чар, так что никто не стал искать мести ему. И с этим Передир въезжает в зал на костлявой пестрой серой кляче...

Передир

• ДРУИДЫ И УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ •

Да и действительно со многими людьми бывает, что они, находя себе опору в записи, с меньшей старательностью учат наизусть и запоминают прочитанное.

Цезарь. Записки о Галльской войне, 6.14

Слова бывают мощным орудием, тем более если они произносятся вслух, так что звук и смысл смешиваются в одно послание, которое может одновременно использоваться многими людьми. Хранители устной традиции должны были обладать потрясающе прочной и долгой памятью и способностью

Рис. 14. Бронзовая статуэтка позднего железного века, изображающая человека, держащего яйцеобразный предмет, возможно яйцо друида — такое использовали в пророчестве; Нёйи-ан-Сюльяс (Франция)

выучивать длинные предания наизусть, при этом украшая и развивая их. Слушатели тоже запоминали истории, которым внимали всю жизнь, и без колебаний могли указать на ошибки или несоответствия.

В «Записках о Галльской войне» Юлий Цезарь писал о кельтах Галлии в 50-х годах до н.э. Полководец оставил важные сведения о друидах и их обязанностях по созданию и распространению устной традиции. По его словам, друиды обладали непререкаемым религиозным авторитетом в Галлии и Британии и категорически отвергали письменную фиксацию легенд. Хотя они умели писать (и действительно, они делали хозяйственные записи, используя греческий алфавит), друиды считали, что устное обучение лучше по двум причинам: во-первых, они считали нужным ограничивать знания избранных воспитанников, а во-вторых, ученикам приходилось накрепко запоминать все, что они узнали. Сложность валлийских и ирландских мифологических текстов свидетельствует о силе устной передачи

традиции. Хотя сами сказания, несомненно, с течением времени менялись (именно это поддерживало их жизнь и делало их понятными и волнующими для слушателей), предельно важно было, чтобы имена людей и мест передавались из поколения в поколение и чтобы ядро мифологических посланий не было потеряно. Почему устная традиция так важна для кельтских и других древних обществ? Одна из причин заключается в том, что она давала людям и общинам чувство укорененности. Она объясняла природные явления, особенности ландшафта, прошлые конфликты и стихийные бедствия, помещая их в рамки, которые были знакомы и понятны людям. Из уст в уста предания переходили очень быстро, и такой способ сохранения коллективной памяти был доступен для большинства из тех, кто не умел читать. В средневековом Уэльсе и Ирландии письменность и книжная культура были прерогативой королевских и дворянских дворов с одной стороны и духовенства — с другой. Устные мифы и предания связывали народы вместе, давали им общее наследие и общую идентичность.

Шестая книга «Записок...» Цезаря содержит этнографический раздел, в котором автор описывает друидов как религиозных лидеров с широкими полномочиями. Примечательно, что римский полководец писал и о том, что друиды играют роль наставников, но при этом влияние друидов основывалось, прежде всего, на их далеко идущих способностях общаться с миром богов и духов предков. Цезарь и другие современные ему авторы подчеркивали мастерство друидов во всех видах пророчеств, особенно в гадании (метод раскрытия событий духовного мира и определения воли богов).

Тесная связь друидов с духовным миром сродни способностям современных шаманов саамских и амазонских общин. Эта связь с божественным в сочетании с даром ораторов и статусом хранителей устной традиции делала древних гуру железного века идеальными творцами мифов.

• ТРИАДА ПОЭТОВ •

Греческие авторы Диодор Сицилийский и Страбон творили во времена правления Юлия Цезаря и его наследника Августа. «Историческая библиотека» Диодора насчитывала 40 книг и, в частности, содержала подробное описание галлов, хотя его информация, вероятно, была получена от более ранних авторов. Большая часть «Географии» Страбона также скомпилирована из предшествующих сочинений. Оба сочинителя описывали три разновидности ученых мужей Галлии: лирических поэтов, называемых бардами, чья роль заключалась в том, чтобы петь хвалебные стихи и сочинять сатиры,

Друид Дивитиак

Этим значением дивинации не пренебрегают даже в варварских странах. Так, в Галлии этим занимаются друиды, с одним из них я сам познакомился, с эдую Дивитиаком... Он претендовал на знание естественных наук — греки называют это физиологией — и, частью основываясь на авгуриях, частью на толковании примет, предсказывал будущее.

Марк Туллий Цицерон. О дивинации. 44 год до н. э. Книга I, XLI

Цезарь писал о своем друге и союзнике Дивитиаке, который был вождем бургундского племени эдую. Почти современник Цезаря, Цицерон встретил этого галльского вождя, когда тот посетил Рим в 60 году до н. э., чтобы попросить помощи против своего врага, германца Ариовиста. Цицерон был римским гражданином, выдающимся оратором и писателем, но он признал, что был впечатлен умением Дивитиака предсказывать будущее и узнавать волю богов с помощью особого ритуала. Сам Дивитиак был настроен проримски и стал другом Цезаря. Однако у вождя был брат, Думнориг, который ненавидел Рим и страстно желал изгнать завоевателей с галльской территории. Поскольку Цезарь не доверял ему и опасался восстания, полководец «пригласил» Думнорига сопро-

сопровождая выступление музицированием на лире; провидцев (vates), которые должны были предсказывать будущее путем интерпретации примет и предзнаменований и толкования человеческих жертвоприношений; а также друидов, которые были философами и богословами. Таким образом, если Цезарь объединял все эти сакральные обязанности и навыки, приписывая их исключительно друидам, греческие историки разделили их на три отдельные категории.

И Цезарь, и Диодор сходятся во мнении, что в Галлии (и в Британии, по словам Цезаря) существовал высокопоставленный класс людей, ответственных за религиозные ритуалы, общение с божественным миром и развитие устной традиции.

Рис. 15. Сцена выступления галльского вождя и прорицателя Дивитиака в Риме

вождать его в его британской экспедиции. Думнориг отказался, ссылаясь на свои религиозные обязанности в качестве оправдания. Итак, оба брата из племени эдуев обладали священной властью. Каждый из них, вероятно, был друидом, но их политический выбор оказался совершенно разным.

Катбад, друид из Ульстера

Конхобар воспитывался у Катбада и всегда был рядом с ним, так что стали называть его некоторые: Конхобар, сын Катбада. А потом получил Конхобар власть в Уладе после матери своей и отца, ведь королем был Фактна Фатах. А от Катбада получил он мудрость и друидическое знание...

Рождение Конхобара

Подобно их предкам в Галлии и Британии железного века, ирландские друиды в мифах главным образом связаны с гаданием. Они узнают и сообщают волю богов. Одним из таких друидов был Катбад, советник Конхобара, короля Ульстера, который неоднократно предсказывал добро или зло, выпадавшие на долю ульстерцев. В одном эпизоде, рассказанном в тексте IX века, Катбад предсказал, что еще не рожденная дочь придворного сказителя короля Конхобара, Федлимида, получит имя Дейрдре и станет прекрасной девушкой, однако будет причиной резни и гибели мужчин из Ульстера, вызвав внутренний конфликт.

Катбад учил искусству гадания юного героя Кухулина и его товарищей, воинов Ульстера. Обучение включало толкование божественных предзнаменований, определение благоприятных

Все три роли способствовали созданию мифов, в том числе посвященных предкам. Устные предания о прошлом служили и объяснением природных явлений и топографических реалий, таких как реки и горы. Кроме того, памятники, предшествовавшие железному веку, такие как погребальные курганы и менгиры (вертикально установленные камни), вплетались в гобелен мифа и, таким образом, обеспечивали культурный контекст, который лег в основу идей и представлений железного века.

Фактически та же самая триада ученых мужей Галлии, перенесенная древнегреческими авторами, засвидетельствована в ранней ирландской мифологической традиции. Религия,

и неблагоприятных дней для начала боя, венчания на царство новых королей и бракосочетания. Самым знаменитым предсказанием Катбада было то, что любой, кто возьмется за оружие в определенный день, станет славным героем, но умрет молодым. Юношей, который выбрал этот путь, был Кухулин. Его жизнь и ранняя смерть в точности соответствовали предсказанию Катбада.

Рис. 16. Дейдрре Печалей тоскует по своему возлюбленному Найсе (Дж. Дункан. Дейдрре Печалей. Национальная галерея Шотландии)

гадания, обучение и поэзия были в руках друидов, филидов и бардов. К VII веку н. э. большинство языческих функций, которые сохранились после принятия христианства, были в руках филидов. В то время как друиды приняли на себя основной удар неприятия со стороны христианства, а влияние бардов уменьшилось (отчасти потому, что филиды стали сильнее), роль филидов как учителей, королевских советников, поэтов, сатириков и хранителей традиции сохранялась гораздо дольше. Действительно, только в XVII веке, под неустанным натиском английского правительства против старых ирландских порядков, филиды окончательно исчезли.

• БОГИ, ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ •

Ранние «рассказчики мифов» — будь то друиды, барды или другие сказители — полагались на свою способность проникать в мир духов. Кельтские мифы, как и античные, пронизаны упоминаниями о тесных и симбиотических отношениях между людьми и богами. Мир духов был повсюду, и легенды содержат множество рассказов об участии и вмешательстве богов в жизнь людей и в их поступки. Кухулин был окружен богинями, в том числе теми, которые хотели заняться с ним любовью. После смерти он был привязан к столбу, чтобы никогда не склониться перед врагом, а Бадб, богиня битвы, сидела у него на плече в облике ворона.

В «современном» шаманизме животные играют ключевую роль посредников между мирами людей и духов. Они часто воспринимаются как духи-помощники, обладающие способностью пересекать границу между мирами. То же можно сказать применительно к кельтской мифологической традиции, где животные или птицы занимали центральное место в общении между богами и людьми. Начало первой ветви «Мабиноги» очень четко показывает такие связи, используя тему божественной охоты. Кстати, она встречается и в других частях обширного репертуара валлийских сказителей и в родственных ирландских текстах. Охота была для мифотворца средством непосредственного контакта между мирами людей и духов: охотник был смертным, но его добыча приходила из потустороннего мира.

В этом эпизоде валлийского мифа рассказывается о Пуйлле, лорде Ллис-Арберта, который охотился на юго-западе Уэльса. Он был в лесу со своими собаками, и они почуяли оленя. Когда Пуйлл и его собаки увидели добычу, оказалось, что его оленя уже загнала другая свора. Эта вторая свора была странной: все собаки были ослепительно белыми, с красными ушами. При

Рис. 17. Каменная резба железного века из долины Камоника (Северная Италия) — изображение получеловека-полуолуэня

описании их окраски сказитель раскрывает еще одну популярную кельтскую мифологическую тему: существа из мира духов зачастую являются в красном или красно-белом облачении или с такой же по цвету шкурой. Пуйлл натравил своих собак на другую свору, но когда они напали, из леса появился всадник на сером в яблоках коне и бросил вызов Пуйллу, браня его за некрасивый поступок — кражу чужой добычи. Пуйлл устыдился и спросил, что мог бы сделать, чтобы возместить ущерб, на что странный всадник представился как Араун, владыка потустороннего королевства Аннувн. Наказание Пуйлла состояло в том, чтобы поменяться местами с Арауном на один год и один день, в течение этого времени сражаться с другим королем из мира духов, Хавганом, и победить его. Сказитель сделал все, чтобы слушатели почувствовали: грядет нечто

Гильда

...Не перечисляю страшные диавольские знамения отечества, едва ли не превосходящие числом египетские, многочисленные уродливые очертания которых мы созерцаем и сегодня внутри или вне заброшенных стен, обычным образом застывшие искаженными лицами. И я не указываю по имени те самые горы или холмы или реки, некогда погибельные, а теперь поистине полезные для человеческого употребления, посредством которых слепой тогда народ приумножал божественное служение...

Гильда. О гибели Британии

Гильда Премудрый был британским монахом и посвящал много времени ниспровержению языческих культов в Британии VI века н. э. (страна была официально христианской со времен императора Константина — с начала IV века). Гильда стал известен тем, что написал «книгу жалоб» (liber querulus) под названием «О гибели Британии» (De Excidio Britanniae), в которой подробно осуждал низкий нравственный уровень современных ему британских правителей. Древнейшая сохранившаяся рукопись этой религиозной диатрибы датируется XI веком, но считается, что это очень раннее сочинение, написанное, вероятно, между 515 и 530 годом н. э.: в ней Гильда упоминает языческие памятники и традиции, выражая свое к ним отвращение.

Гильда был не одинок в своих наблюдениях за нравами и обычаями. Его современник, французский мистик VI века Григорий Турский, написал книгу «О славе блаженных исповедников», в которой комментировал проповеди другого духовного пастыря, епископа Илария из Пуатье, осуждавшего языческие жертвоприношения, свидетелем которых, вероятно, стал на озере в Севеннах (Франция).

важное. Услышав об охоте, они должны были сразу догадаться, что вот-вот произойдет что-то необычное и потустороннее. Животные — олень и собаки — служили катализаторами встречи.

• ЗАПИСЬ РАННИХ МИФОВ •

Но как мифы перешли из устной формы в письменную? Учитывая, что образование в средневековых Ирландии и Уэльсе было ограничено королевскими дворами и монастырями, неудивительно, что кельтские мифы дошли до нас благодаря усердию христианских священнослужителей или их учеников. Мы знаем, что создание и бытование мифов предшествуют времени их письменной фиксации, о чем уже шла речь выше и в первой главе. Кроме того, легенды, особенно ирландские, сохраняют значительное языческое наследие, которое вполне очевидно, несмотря на то что в них внесено значительное количество изменений и включена откровенная антиязыческая пропаганда, поскольку записывали тексты христианские священнослужители. Однако заметно поразительное сходство между материальной культурой и символикой поздних доисторических, дописьменных памятников и аналогичных тем в записанных мифах.

Археологические свидетельства — главным образом памятников иконографии и надписей — в основном принадлежат западным римским провинциям: Галлии и Британии, включая Уэльс, но исключая Ирландию. Несмотря на неизбежное влияние римлян на эту группу регионов, большая часть коренной галльской и британской космологии может быть выявлена. Вполне вероятно, что такой ранний материал влиял на более поздние кельтские мифы двумя способами. Во-первых, через устную традицию, которая, должно быть, берет начало глубоко в доисторическом контексте. Во-вторых, из текстов раннехристианских священнослужителей, таких как Гильда в VI веке и Гиральд Камбрийский в XII веке, становится ясно, что некоторые языческие памятники, относящиеся по крайней мере к римскому периоду, сохранились и выделялись в пейзаже.

Peregrinatio pro Dei amore

Если на то есть воля Божья, то от всего сердца я предлагаю отыскать Землю, обетованную святым.

Плавание св. Брендана

Первые монахи из Ирландии и Уэльса много путешествовали по Европе, откликаясь на осознанную необходимость предпринимать христианское *peregrinatio pro Dei amore* («паломничество во имя любви к Богу»), своего рода духовный поиск, целью которого были распространение христианских идей, основание новых монастырей и обретение просветления во имя приближения к Богу. Одним из таких монахов был ирландский христианин по имени Колумбан, родившийся в 543 году. Он с огромным рвением откликнулся на идею паломничества: святой исколесил всю континентальную Европу и особенно Францию, стремясь ощутить присутствие Бога в своей жизни. Папа Пий XI отметил вклад Колумбана в осуществление христианской миссии не только во Франции, но также в Германии и Италии: он сделал больше, чем кто-либо из его современников. Странствия Колумбана начались на северо-западе Ирландии, в монастыре аббата Синелла у озера Лох-Эрн (недавно там прошел саммит Большой восьмерки, посвященный в том числе конфликту в Сирии).

История Колумбана показывает, как именно выглядело паломничество. Этот вид духовного миссионерского путешествия (чем-то схожего с путешествиями св. Павла, описанными в Деяниях святых апостолов), скорее всего, позволял первым христианским монахам увидеть языческие религиозные скульптуры и памятники с текстами. Некоторые из статуй, храмов и ритуальных предметов, с которыми они сталкивались, вполне могли быть источниками и напоминаниями для устных сказителей и, возможно, нашли свое место в мифологической традиции. В противном случае трудно объяснить

поразительное сходство между британскими и европейскими предметами религиозного культа, относящимися к железному веку и эпохе римского владычества, и элементами, присутствующими в мифологических повествованиях. Путешествия ранних христианских миссионеров, таких как Колумбан, могли создавать так называемые «коридоры времени» — каналы для переноса традиции между позднейшей доисторической и раннесредневековой эпохами.

Космологические основания кельтских мифов

Каэрлеон — город воистину древний. Он был возведен с великим тщанием римлянами, стены его построены из кирпича. Все еще можно увидеть многие следы его бывшего величия.

Гиральд Камбрийский. Путешествие по Уэльсу

Утверждать наличие прямых связей между археологическими свидетельствами дохристианской религии Британии и Галлии с одной стороны и средневековыми кельтскими мифами об Ирландии и Уэльсе с другой — весьма рискованно. Тем не менее странный и сложный мифологический пейзаж кельтского Запада возник в раннесредневековом сознании отнюдь не на пустом месте.

Скорее всего, он основывался на более ранних космологиях, которые отражены и в археологических свидетельствах. Для примера: римский амфитеатр в Каэрлеоне был отождествлен средневековыми мифотворцами с Круглым столом короля Артура. Посредниками, подарившими основания для такого толкования, вероятно, были сказители, которые видели реликвии прошлого или получали информацию от других — тех, кто видел древние руины во время своих путешествий. Работа сказителей — сплести повествования вокруг ядра реальности. Соблазнительно было бы предположить, что таким образом фрагменты ранних верований и культовых

Рис. 18. Св. Брендан и сирена, из немецкого перевода «Плавания св. Брендана»,
 около 1476 года

Рис. 19. Алтарь римского периода (Германия), посвященный Таранунку или Таранису, кельтскому богу грома

практик были сохранены в мифологических преданиях кельтского Запада, каким бы трансформациям они ни подвергались на долгом пути к письменной фиксации, примеры которой нам известны.

Археологические свидетельства римского периода в Галлии и Британии представляют нам яркую и динамичную группу кельтских богов и богинь. Некоторые — такие как Таранис, бог грома, Эпона, богиня лошадей, и триада богинь-матерей — были известны на обширной территории Европы. Другие — такие как богини воды Сулис в Бате на западе Британии, Ковентина в Карраубурге у Адрианова вала и Секвана в Бургундии — были привязаны к одному определенному региону и являлись

олицетворением особых священных источников или рек. Таранис был также богом грозы, а еще и солнечным божеством. Его символами были солнечное колесо, орел, дуб и молния, а большая часть его образов, вероятно, вошла в валлийские и ирландские небесные мифы, включая легенду о валлийском герое Ллеу (см. с. 153–155) и ирландском Луте (см. с. 77–78). Рассказы о битвах, в которых Лут сражался с темными чудовищами фоморами, судя по всему, содержат следы описания битвы Тараниса с гигантом из потустороннего мира — получеловеком-полузмеем. Точно так же древние богини источников могли стать основой для более поздних ирландских мифов: например, Боанн, богиня великой реки Бойн. Валлийская героиня Рианнон, безусловно, тесно связана с древней галльской богиней лошадей Эпоной. Триада богинь-матерей, чрезвычайно популярная в римской Британии и в Европе, несомненно, вдохновила на создание образа грозных ирландских триад — тройных богинь Морриган (Mórríghna) и трех Бадб (Badbh).

• МИФЫ, МОНАХИ, МАНУСКРИПТЫ •

Тот факт, что люди, которые записывали мифы, были монахами, таит в себе загадку. Если бы не труды христианских книжников, кельтские мифы были бы полностью утеряны. С другой стороны, с какой целью монахи фиксировали в рукописях языческие предания? Вполне возможно, они считали своим долгом сохранить устное наследие кельтского мира. Но более вероятно, что они использовали истории про старых богов и сверхъестественных существ, таких как Дагда, Медб, Морриган, Рианнон и Манавидан (главных героев следующих глав), чтобы очернить и высмеять язычество, а потому искажали легенды так, чтобы они не противоречили христианской этике. Например,

в Ульстерском цикле и в «Мабиноги» война представляется бессмысленно разрушительной. В большинстве ирландских текстов к влиятельным женщинам относятся безо всякой симпатии, сексуальное поведение героев также получает оценку с позиций догматического христианства. Если мифологические тексты были записаны не клириками, а их учениками, возможно, в интерпретации проявлялась некоторая гибкость и христианская этика проступала не так отчетливо.

Прежде чем продолжить разговор о связи между мифами и христианской литературной традицией, необходимо рассмотреть переход от устного повествования к письменному. В течение длительных периодов времени сказители передавали, адаптировали и развивали основные легенды, чтобы те соответствовали времени и среде, в которой барды их произносили. Так что, возможно, выступая при королевских дворах, они ставили в центр внимания аспекты куртуазной любви и рыцарского соперничества. Камерная обстановка вечером вокруг домашнего очага располагала на создание более оригинальных версий рассказов о причудливых чудовищах и своенравных духах.

Было бы ошибкой предполагать, что мифологическая литература средневековой Ирландии и Уэльса возникла просто в результате формальной записи устных преданий. Хотя ядро этой литературы в значительной степени опирается на услышанные от сказителей легенды, тексты рукописей демонстрируют все признаки целенаправленного литературного построения. Предания были систематизированы и организованы в соответствии с работой писцов. Старинные легенды были насыщены злободневным материалом, приспособлены к новым временам; они открывают и современному читателю многомерную картину жизни на средневековом кельтском Западе.

Попытки установить индивидуальное авторство валлийских и ирландских мифологических текстов были в основном

безуспешными. Некоторые ученые утверждают, что четыре ветви «Мабиноги» были произведением Сулиена, епископа Сент-Дэвидса на крайней западной окраине Пембрукшира, или его сына Ригиварха, но никаких веских доказательств их авторства нет. В отличие от ранних фрагментарных средневековых мифических сказаний, языческий элемент в валлийской литературе иногда наполовину скрыт под слоем христианского содержания: например, когда волшебного вепря Турх Труита спрашивают, как он оказался проклятым и обреченным существовать в облике животного, он отвечает, что Бог так изменил его и его последователей из-за их злодеяний. Так что, несмотря на то что валлийская средневековая литература может уходить

Древние богини в средневековой мифологии: Эпона и Рианнон

И Пулл сел на коня, и когда он сделал это, всадница уже проехала мимо. Он поскакал за нею, пустив коня рысью, и ему уже казалось, что он вот-вот настигнет ее, но она была не ближе к нему, чем раньше.

Мабиноги. Первая ветвь

Первая ветвь «Мабиноги» содержит описание волшебницы Рианнон, которая явилась Пуиллу, лорду Ллис-Арберта, в качестве всадницы, когда он сидел на зачарованном холме Горсет Арберт. Со всеми, кто сидел там, происходит нечто чудесное или катастрофическое. Ни он, ни его самые быстрые всадники не могли догнать волшебницу, несмотря на медленный шаг ее коня, но когда Пуилл в отчаянии окликнул ее, она сразу же остановилась. Рианнон сказала, что ждала, пока он сам заговорит с ней. После короткого периода ухаживания они поженились и родили сына, Придери, которому мать-волшебница завещала свой дар управления лошадьми (см. с. 128–132).

Имя Рианнон происходит от британской богини римского периода по имени Ригантона, «Священная королева», что само по себе уже говорит о присутствии сверхъестественного. Но уже обстоятельства первой встречи Рианнон с Пуиллом говорят о ее боже-

своими корнями в дохристианские устные предания, валлийские писцы, видимо, демонстрировали языческие основы текстов, не описывая богов и богинь как таковых, но более тонко: они рассказывали о говорящих головах, меняющих свой облик созданиях из иного мира и о волшебных местах.

Ирландские мифы отличаются от валлийских. Они полны языческих божеств, пророков, друидов и полубожественных героев; короли и королевы свободно взаимодействуют со сверхъестественным миром. Откровенный языческий аромат ирландской мифологии убеждает многих ученых в ее подлинно древнем происхождении. Но другие специалисты с равной уверенностью утверждают, что средневековые ирландские

Рис. 20. Бронзовая статуэтка богини лошадей Эпоны, расположенной между двумя пони, с колосьями, происходит из неустановленного места в графстве Уилтшир (Англия)

ственным происхождении: белый был цветом животных иного мира, а ее способность обогнать самых быстрых коней Пуйлла, хотя сама она ехала медленно, снова показывает: это персонаж из иного мира. Возможно, происхождение мифа о Рианнон связано с культом другой древней богини, которой поклонялись в римский период в Галлии, Британии и в большей части Европы. Ее звали Эпона («Богиня-Лошадь»), а изображали как всадницу верхом на кобыле или сидящей между двумя лошадыми. Памятники с изображением Эпоны, возможно, все еще попадались странствующим монахам в Раннем Средневековье и могли послужить источником вдохновения для истории про Рианнон.

Йоло Морганнуг и современная валлийская бардовская традиция

*О Йоло, старый Йоло, ты познал
все свойства трав в нагорьях и долинах,
в тени лесной, на тихом берегу,
и все заветы мудрости и песен,
что старцы древности и барды передали...*
Из поэмы Роберта Саути (начало XIX века)*

Каждое лето проходит масштабный валлийский культурный фестиваль, попеременно то в Северном Уэльсе, то в Южном. Это национальный праздник Эйстетвод, кульминацией которого является Ассамблея бардов (*Gorsedd y Beirdd*). На ней проходят конкурсы прозы и поэзии на валлийском языке, а затем случаются три важнейших события: коронация барда, посвящение барда и награждение медалью за прозаическое произведение. Фестиваль не новый, но и не очень старый. Нынешняя традиция была изобретением XVIII века. Ее создателем стал каменщик из Гламоргана по имени Эдвард Уильямс, который принял имя Йоло Морганнуг. Он сам и его единомышленники были глубоко обеспокоены упадком родного валлийского языка и стремились возродить его и валлийскую культурную традицию в целом путем «создания» родословной Уэльса, восходящей к древним друидам. К валлийской традиции бардовской поэзии, которую можно проследить по крайней мере до XII века, Йоло добавил фон из тщательно продуманного театрального действия, начав с учреждения «Ассамблеи бардов Британии» на Примроуз-Хилл в Лондоне в 1792 году. Наследием Йоло стал ежегодный праздник Эйстетвод, и, возможно, допустимо назвать нынешних бардов, которые, соревнуясь на празднике, пытаются выразить валлийскую традицию с помощью основанных на строгих правилах поэзии и прозе, современными мифотворцами.

* Поэма Р. Саути «Медок» посвящена легенде об открытии Америки валлийским принцем Медоком; другой отрывок из нее переводил А. С. Пушкин.

священнослужители работали строго в христианском контексте, используя как доступные им античные, так и библейские тексты для создания ложного архаизма, который позволял им представлять христианские послания и этические кодексы, преувеличивая неумеренную воинственность и сексуально беспорядочное поведение язычников.

Валлийские и ирландские предания сильно отличаются друг от друга как по содержанию, так и по тональности. Однако есть между ними и заметное сходство, как мы уже видели в первой главе: это говорящие головы, трансформация между человеческой и животной формами, магические котлы и соседство потустороннего мира, очень похожего на наш. Весьма вероятно, что сказители свободно путешествовали между королевскими дворами Ирландии и Уэльса, и общность мотивов в легендах этих двух стран легко объяснить.

ИЗОБИЛИЕ ИРЛАНДСКИХ ДУХОВ

*Это была Морриган в облике птицы: она оказалась
на каменном столбе в Темайр Куальнге и сказала быку:*

Знаешь ли ты,

О Черный, мрачный,

Без лжи цветистой –

О воинстве с юга?

Рады враны,

Не знают они, —

Недруг в холмах,

Люди убиты...

Похищение Быка из Куальнге

Средневековые мифологические тексты Ирландии резко отличаются от текстов Уэльса явным язычеством и присутствием множества божественных существ. В то время как валлийские мифы содержат повторяющиеся ссылки на христианского Бога, которых практически нет в родственных им ирландских текстах, ирландские легенды посвящены божествам, чьи функции и поведение могли быть уместны и в античном пантеоне. Боги плодородия, воды, битвы, солнца, кузнечного дела, ремесел и потустороннего мира разыгрывали собственные драмы в нарративном театре ирландской мифологии. Три основных цикла ирландских сказаний — это «Похищение Быка из Куальнге», мифологический цикл с двумя основными книгами, «Книгой захватов» и «Стариной мест», и цикл Финна. Другим важным источником является рукопись XI века, известная как «Желтая книга Лекана»*, в которой

* «Желтая книга Лекана» датируется XIV–XV веками; древнейшая рукопись с текстом «Разрушения дома Да Дерга» — Книга Бурой Коровы (XI–XII века), где, правда, отсутствует начало саги.

сохранилось сказание «Разрушение дома Да Дерга» — леденящий душу рассказ об ирландском потустороннем мире и ужасной богине смерти.

Первыми захватчиками Ирландии были пятьдесят одна женщина и три мужчины. Они вели происхождение от самого Ноя, и все, за исключением одного мужчины, умерли во время Потопа. Финтан, единственный выживший, обладал даром магии. И так он обернулся лососем и смог плыть сквозь воды потопа. Когда уровень вод снизился, он снова переменился, обернулся орлом, а затем ястребом, и так он летел высоко над поднимающейся землей и мог видеть горы и долины, вновь являющиеся из-под воды.

Книга захватов Ирландии

Функция мифа состоит в том, чтобы давать объяснение происхождению людей. Текст XII века, известный как «Книга захватов», обеспечивает именно такой контекст для присутствия гойделов, или кельтов, в Ирландии. Как следует из названия, в книге рассказывается о волнах «нашествий», начиная с первых поселенцев, возглавляемых женщиной по имени Кесайр, о которой практически ничего не известно за исключением того, что она, как утверждает сказание, была внучкой Ноя. Книга содержит ссылку на Великий потоп, сразу после которого человек по имени Партолон возглавил очередную волну колонистов. Он вел ожесточенную битву с фоморами, расой чудовищ, уже населявших к тому времени Ирландию.

Однако центральной темой «Книги захватов» является колонизация Ирландии расой богов, известной как Туата Де Дананн (Племена богини Дану). Они управляли землей, пока, в свою очередь, не были изгнаны гойделами, присутствие которых заставило Племена богини Дану уйти под землю и создать царство потустороннего мира, параллельное миру

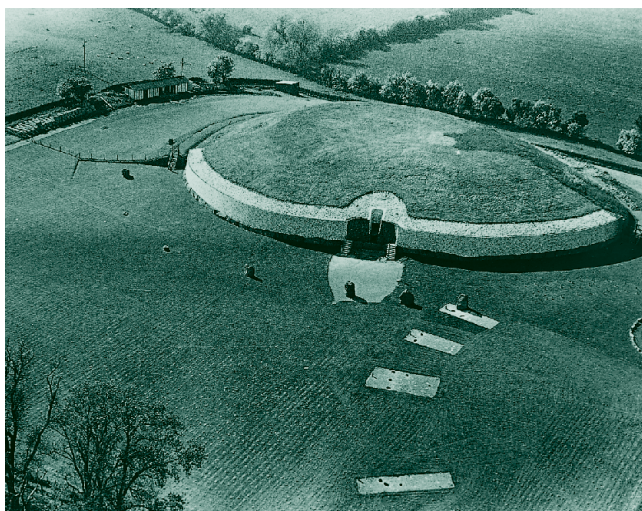

Рис. 21. Аэросъемка гигантского неолитического захоронения (коридорной гробницы) в Ньюгрейндже (Ирландия). В древней ирландской мифологии подобные гробницы считались обиталищами духов

земному. Эти изгнанные боги жили в *сидах*, волшебных курганах (возможно, в таких, как в Ньюгрейндже — см. рис. 21 на с. 70). У каждого из божеств был свой дом — *бруиден*, в которых они устраивали бесконечную череду праздников.

• ИРЛАНДСКИЙ ПАНТЕОН •

Пару тысяч лет назад жили в Ирландии люди, которые были богами и детьми богов. Они обладали ослепительной красотой и божественной статью, и больше всего любили они поэзию, музыку и красоту форм в мужчинах и женщинах. Эти прекрасные люди были потомками богини Дану и потому звались Племена Дану.

Книга захватов Ирландии

Талисманы Племен богини Дану

Откуда пришли Туата Де Дананн, Племена богини Дану, не сказано в письменных мифах, но они восходят к богине-родоначальнице Дану. Прибыв в Ирландию, они принесли с собой четыре драгоценных магических и могущественных объекта. Лиа Фаль (см. с. 194–195) был связан со священной королевской властью, так что каждый новый правитель проходил проверку на этом священном объекте. Камень должен вскрикивать, когда его касается законный претендент. Остальные три реликвии были связаны с отдельными богами и служили для расширения их возможностей. Котел возрождения принадлежал Дагде, Доброму Богу, и никогда не пустовал, сколько бы из него ни съели. Копье Луга гарантировало, что этот бог-воин всегда будет побеждать врагов, а Меч Нуаду принадлежал богу погоды, и никто из пораженных им не мог выжить.

Несмотря на множество божеств, присутствующих в мифических историях, у ирландцев не было определенного небесного бога-отца, такого как Зевс или Юпитер, хотя Луг, как бог света, больше всего подходит на такую роль, а Дагда был повелителем всех богов. Не было и особого бога войны, как Арес и Марс, но было множество военных божеств, большинство из которых — женские. Не было и прямого аналога Афродиты и Венеры, то есть богини плотской любви, но многие богини, такие как Морриган и королева-богиня Медб, явно демонстрировали подобную сторону своей натуры.

Существовали у ирландцев могущественные боги плодородия, в том числе Дагда, богини, связанные с суверенитетом и процветанием, такие как Эриу, и группа функциональных божеств, например Диан Кехт (он совмещал роли целителя и ремесленника) и Гоибниу — кузнец, оружие которого било без промаха. Последний из упомянутых богов, как и многие

Главные ирландские боги из Племен богини Дану

Дагда	Повелитель богов, бог плодородия и процветания
Луг	Бог войны, света и ремесел
Маха	Богиня битвы и коней
Морриган	Богиня войны и смерти
Бадб	Аналог Морриган
Гоибниу	Бог-кузнец
Диан Кехт	Бог целительства и ремесел
Дану/Ану	Богиня-родоначальница
Эриу	Богиня, соименная Ирландии
Энгус	Покровитель влюбленных
Нуаду	Имя означает «созидатель облаков»; вероятно, бог погоды
Боанн	Богиня реки Бойн
Мананнан	Бог моря

другие, имел свой дом в потустороннем мире, и те, кто принял участие в его праздниках, обрели бессмертие. Нет сомнений в том, что редактирование ирландских мифов христианскими клириками оказало огромное влияние на способ представления ирландского пантеона. Военными божествами были злые женщины с неукротимым сексуальным аппетитом, и даже Дагда изображался как смехотворно толстая и нелепая фигура.

• БОЖЕСТВЕННАЯ ТРИАДА: ДАГДА, БОАНН И ЭНГУС •

Был в Эриу знаменитый король Племени богини Дану, и имя его было Эохайд Оллтир. Иначе звали его Дагда, потому что он творил чудеса и присматривал за погодой и урожаем, и потому называли его Добрый Бог.

Книга захватов Ирландии

Рис. 22. Римско-британский рельеф: Геркулес с палицей, похожий по описанию на ирландского бога Дагду; Корбридж, Нортумберленд (Англия)

Дагда был богом — отцом Племени, главным божеством пантеона. Его прозвание Добрый Бог указывает на главную роль в качестве хранителя благополучия и процветания Ирландии. Он обладал не только волшебным котлом изобилия, но и огромной палицей, один конец которой убивал, а прикосновение другого конца возвращало к жизни умерших. Дагда был огромен во всех смыслах: его тело было огромным, живот был огромным; его сексуальный аппетит был поразительным, и он вступал в связь со многими богинями, включая Морриган (по-видимому, воплощающую его противоположность с разрушительной силой) и Боанн, богиню реки Бойн.

Его союз с Боанн состоялся, когда та еще была замужем за богом воды Нехтаном. Когда она забеременела от любовника, пара попыталась скрыть свою незаконную связь, и для этого Дагда наложил заклинание на солнце, чтобы оно оставалось

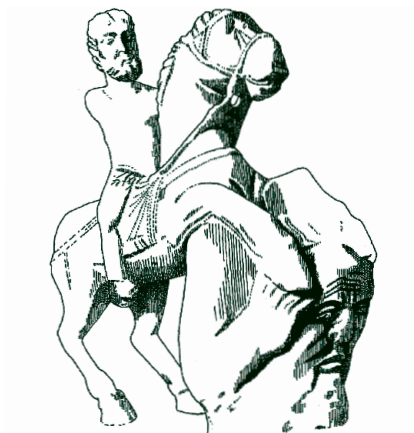

Рис. 23. Каменная скульптура: небесный бог Юпитер попирает копытами коня титана; колонна из Нешера (Франция)

неподвижным на небесах в течение девяти месяцев, не поднимаясь и не опускаясь. Таким образом, ребенок был зачат и рожден в один день. Это оказался мальчик, его назвали Энкус мак Ок — «Сын молодых» или «Молодость» — в честь уникального солнцестояния, связанного с его рождением. Энкус стал богом любви, покровителем влюбленных и новобрачных.

• НУАДУ СЕРЕБРЯНАЯ РУКА •

Нуаду Аргатлам («Серебряная Рука») когда-то был королем Племен богини Дану. Но согласно ирландской мифологической традиции, у Племен существовало строгое правило: король должен быть физически совершенен, без изъянов и аномалий. Рука Нуаду была отрублена в бою, поэтому он больше не был целым, и ему пришлось отречься от престола. Однако другой бог, Диан Кехт, пришел ему на помощь. Он был божественным целителем и одновременно кузнецом. Диан Кехт выковал Нуаду

новую руку из серебра, которая стала, вероятно, первым протезом, зафиксированным в древней мифологии. Таким образом, восстановив полную форму, Нуаду смог вновь принять свое королевство. Тем не менее он устал от постоянных сражений с фоморами, заклятыми врагами Племен богини Дану, и вскоре после того как его новая конечность позволила ему вернуть власть, оставил руководство богами другому, гораздо более молодому богу Лугу. Имя Нуаду может означать «созидатель облаков», так что его изначальная функция была связана с управлением погодой и грозами, как у античного Зевса/Юпитера.

Нуаду и Ноденс

Зачастую невозможно установить прямую связь между богами средневековых кельтских мифов и ранними местными божествами, которым поклонялись в римской Британии. Но многообещающим кандидатом для установления таких параллелей является британский бог Ноденс, чье главное святилище находилось в Лидни (Глостершир, Англия) в лесу Дин, с видом на широкую реку Северн вблизи ее устья. Имя Ноденса родственно с именем Нуаду, и оба они могли быть «созидателями облаков», властителями неба и погоды. Храм в Лидни был построен в середине IV века н. э., когда христианство уже

Рис. 24. Копия позднеримской бронзовой фигуры оленьей борзой (дирхаунда) из храма Ноденса в Лидни

Проклятие и кольцо

Одним из наиболее примечательных предметов из Лидни является небольшая свинцовая табличка, на которой написано проклятие. Такие проклятия, известные в Древнем мире как *дефиксионы*, или «фиксирующие заклинания», часто оставляли в святилищах, в которые приходили за исцелением. Много подобных табличек было адресовано богине Сулис-Минерве в Бате. Среди прочих объектов такого рода, найденных в священных источниках или около них, табличка из Лидни особенно интересна из-за содержащегося в ней послания. Проклятие обращено к Ноденсу человеком по имени Сильвиан. Он потерял золотое кольцо в храме — возможно, сняв его вместе с одеждой перед купанием в целительной воде. Сильвиан подозревал в краже конкретного человека; по его мнению, это был паломник по имени Сенициан. Автор послания просит Ноденса наказать вора болезнью до тех пор, пока кольцо не вернется в храм. За возвращение Сильвиан обещает богу принести в жертву половину стоимости кольца.

Эта история достаточно интересна сама по себе, однако, помимо того, в римском городе Силчестере в Гемпшире было найдено золотое кольцо с выгравированным именем Сенициан. Может ли оно быть тем самым украшением, нагло подписанным именем похитителя? Одним из посетителей раскопок Уилера, нашедшего табличку, был не кто иной, как Дж. Р. Р. Толкин. Он был очарован Ноденсом, историей с проклятием и кольцом и вскоре после этого приступил к работе над «Хоббитом». Возможно, его вдохновила находка в Лидни, кто знает?

утвердилось в качестве государственной религии Римской империи. Храм был раскопан в 1920-х сэром Мортимером Уилером, который нашел надписи, указывающие на то, что строение было посвящено Ноденсу. Находки из храма показывают, что Ноденс был богом-охотником и целителем. Среди votivных фигурок было найдено девять статуэток собак, самая великолепная из которых оказалась изображением молодого

дирхаунда — оленьей борзой (в большом загородном доме в Лидни до сих пор есть парк с оленями).

Мозаика, которая некогда украшала внутреннюю часть святилища, сохранила надпись о том, что в храме присутствовал «толкователь снов». По-видимому, он принимал больных паломников, приходивших к Ноденсу в надежде на его помощь в исцелении. Рядом с храмом была баня, и больные и раненые паломники могли совершать омовения в богатой железом родниковой воде, надеясь, что она принесет исцеление. Храм в Лидни был расположен в глубине древнего леса, с прекрасным видом на реку Северн: в ее устье исключительно высокий прилив (*бор*)* иногда поднимается высоко вверх по реке. Если Ноденс, как и Нуаду, был богом погоды, его жрецы вполне могли претендовать на способность предсказать бор, который считался проявлением божественной воли Ноденса.

• ЛУГ ДЛИННОРУКИЙ: БОГ СВЕТА И ПРАВДЫ •

Когда Нуаду почувствовал, что его власть слабеет, молодой герой, Луг (чье имя означает «сияющий»), появился на королевском дворе Тары и попросил впустить его. Привратник потребовал назвать имя пришельца и сообщить, какими умениями тот обладает, поскольку никому без этого не было разрешено прибывать ко двору. Луг ответил, что он плотник, но привратник сказал, что плотник у них уже есть; гость сказал, что он кузнец, затем арфист, герой, поэт, колдун, врач, виночерпий. Когда привратник на все это ответил ему, что в Таре уже есть такие мастера, Луг заявил, что его особый дар

* *Бор* — высокая волна, которая образуется в устьях некоторых рек в результате столкновения морского прилива и речных вод. Бор на Севере поднимается на несколько десятков километров вверх по реке, и его высота может превышать два метра.

закljučается в способности приобретать и применять все эти навыки. Тогда ему был разрешен доступ ко двору и к королю. Вскоре он заменил Нуаду как повелителя богов, используя свои многочисленные умения и способности, чтобы управлять божественным народом.

• СРАЖЕНИЯ С ЧУДОВИЩАМИ •

Ирландия не досталась Племенам богини Дану в подарок. Прежде чем они смогли утвердиться на этой земле, им пришлось сражаться с двумя отдельными группами чудовищных существ. Прежде всего, это был народ Фир Болг, захвативший Ирландию намного раньше, чем прибыли Племена богини Дану. Именно в Первой битве при Маг Туиред (графство Слайго) Нуаду потерял руку. Несмотря на это, раса новых богов в конечном счете победила. После чего им пришлось сражаться с другим врагом — фоморами.

Как только Луг сделался королем Племен богини Дану, его главной задачей стало продолжение войны против этой второй расы монстров. Они были грозными врагами. Луг изучил все магические и колдовские навыки своего народа, чтобы создать непобедимое оружие и заклинания против чудовищ. С помощью магии Луг сумел сбросить на врагов горы, вся вода в Ирландии скрылась от них. Друиды метали в них пламя и насылали болезни.

Война между Племенами богини Дану и фоморами завершилась Второй битвой при Маг Туиред, кровавой бойней со множеством жертв с обеих сторон. Но Племена богини Дану имели одно огромное преимущество: в то время как убитые фоморы оставались мертвыми, боги возрождались после того, как их тела опускали в магический колодец. Бог ремесел Диан Кехт (тот, который сделал Нуаду новую руку) и трое его детей пели заклинания над колодцем, и мертвые воины возвращались

Балор Дурной Глаз

У фоморов был грозный воин по имени Балор. Его единственный глаз был настолько огромен, что требовалось четыре человека, чтобы поднять веко. Когда глаз был открыт, его взгляд обладал смертоносной силой, подобно взгляду Горгоны Медузы: он был способен целую армию обратить в камень, и никто не мог уцелеть. Столкнувшись с таким ужасным противником, Луг действовал быстро. Как только глаз Балора стал поворачиваться в его направлении, он схватил пращу и нацелился прямо в него. Камень из пращи поразил огромный глаз с такой силой, что тот провалился внутрь головы Балора, выскочил сзади и обратился с роковой мощью на самих фоморов. Битва при Маг Туиред была завершена. Наполовину фомор по происхождению, король Брес, недолго и неудачно правивший Ирландией в то время, пока Нуаду оставался без руки, был оставлен в живых за то, что научил Племена богини Дану земледелию.

Мастерство Луга в обращении с пращой принесло ему прозвище Длиннорукий. В легендах валлийцев есть и другой бог с таким прозвищем — Ллеу Ллау Гифес. Почти наверняка эти два бога — валлийский и ирландский — имели общее происхождение, поскольку оба считались воплощением света и добра, а также особого мастерства в любом ремесле.

к жизни, чтобы снова вступить в бой с чудовищами. Сам Луг использовал магию, чтобы вдохновить свою армию. Он двигался среди солдат, повторяя заклинания, чтобы сделать их сильными.

• ПРЕКРАСНЫЕ ВЛЮБЛЕННЫЕ: ЭНГУС И ТИСОВАЯ ДЕВА •

Энгус мак Ок был богом любви, как Эрос и Купидон в античной мифологии. Его основная забота заключалась в том, чтобы помогать влюбленным, и в «Книге захватов» есть немало любовных историй, связанных с ним. Но в одной из самых

романтических легенд, «Сне Энгуса», сам бог одержим «невозможной» любовью после того, как встретил девушку во сне. Проснувшись, он понял, что отчаянно влюблен в свою деву-мечту, и решил выяснить, кто она такая и как ее найти.

Девушку звали Каэр Ибормейт, буквально «Тисовая ягода». В конце концов Энгус выследил ее у озера, где она находилась с группой других молодых женщин. Но Каэр и ее спутницы были не обычными девушками, потому что каждый год на празднике Самайн, знаменующем конец кельтского года, когда время останавливалось и ворота между миром людей и миром духов открывались, они превращались в лебедей. Сама Каэр была сверхъестественного происхождения: она не только могла менять облик, но и родилась от бога, у которого был собственный холм-сид, дворец в потустороннем мире. Каждая пара девушек-лебедей была связана серебряной цепью. Только Каэр была одна и носила золотую цепочку.

Отец Каэр отказал Энгусу в женитьбе на его дочери, но молодой бог не мог избавиться от любви. Понимая, что он сможет обрести деву лишь тогда, когда она обернется лебедем, Энгус пошел к озеру в Самайн и позвал ее. Каэр прилетела к нему, он сам превратился в лебедя и полетел вместе с ней. Пара трижды обогнула озеро, выпевая заклинание, так что все под ними крепко заснуло и не могли броситься в погоню. Энгус и Каэр улетели во дворец Энгуса в Бруг-на-Бойне и, надо полагать, жили долго и счастливо.

Серебряные цепочки, связывающие пары лебедей, в известной нам легенде не объясняются. Поскольку птицы одновременно являются девами, как бы предполагается, что лебеди также были самками. Но возможно, что соединенные цепью пары птиц представляли собой пару из юноши и девушки, заключивших пожизненный союз. Тот факт, что только Каэр носила золотую цепочку, возможно, говорит о ее уникальном положении, о том, что она была еще не замужем, и о будущем браке с богом.

• МИДИР И ЭТАЙН •

Мидир был в великолепном облачении. Он расчесал длинные золотые волосы и увенчал их изящным золотым обручем. Одетый в пурпурную тунику, гордо стоял он в воротах замка и держал в руке копьё с бронзовым наконечником и большой круглый щит, украшенный драгоценными камнями. Его сияющие серые глаза сверкали, когда начал он ухаживать за Этайн.

Сватовство к Этайн. Книга захватов Ирландии

Как и Энкус, Мидир принадлежал к Племенам богини Дану. Он был хозяином сида Бри Лейт. Мидир влюбился в девушку по имени Этайн, которая была смертной, но обладала некоторыми сверхъестественными способностями, например напевала Мидиру, навевая сон, и заранее предупреждала его, что приближается враг. Жена Мидира Фуамнах очень ревновала к его новой любви и в мстительном гневе наложила заклинание на девушку, превратив ее сперва в лужу воды, а потом в фиолетовую муху. Не довольствуясь этим, Фуамнах вызвала ветер, который унес муху. Тогда Энкус, божественный покровитель влюбленных, вмешался, чтобы спасти несчастную, и спрятал ее в своем дворце на Бойне. Проклятие Фуамнах было сильным. Энкус стремился снять его, но добился успеха лишь частично: Этайн смогла возвращать человеческий облик по ночам.

Увы, волшебный ветер, вызванный Фуамнах, снова унес Этайн. Превращенная в муху, она упала в бокал вина и была проглочена Эдар, женой одного из героев Ульстера. Этот эпизод означал конец первого существования Этайн. Она родилась вновь тысячу лет спустя. Но Мидир все еще искал ее и в конце концов нашел. Выросшая новая Этайн к тому времени вышла замуж за Эохайда, короля Ирландии, который женился на ней лишь потому, что его подданные отказывались

принимать утвержденные им налоговые законы, пока у него не будет жены. Мидир использовал свои божественные силы, чтобы вернуть Этайн. Поцелуй украдкой вызвал у Этайн память о ее первой любви. Они сбежали из королевского дворца в Таре, и, подобно Энгусу и Каэр, счастливая пара улетела, превратившись в лебедей.

История Мидира и Этайн насквозь пропитана божественностью и магией: изменение формы, долголетие и перерождение — все это признаки сверхъестественного. Способность перерождаться и меняться облегчалась правильно выбранным для этого моментом: Самайн был временем «небытия», когда распадался привычный порядок мира и воцарялся хаос.

Рис. 25. Изображения Меркурия с петухом и Розмерты с корзиной, черпаком и скипетром на каменном рельефе из Глостера. Эти римские персонажи родственны божественной паре Мидира и Этайн в ирландской мифологии

Символика лебедя

Особенностью многих ирландских мифов, в том числе любовных историй Энгуса и Каэр, Мидира и Этайн, является превращение в лебедей. Лебеди — привлекательные птицы: крупные, белые, красивые и иногда довольно злобные, хотя их часто можно увидеть безмятежно плавающими на гладкой поверхности озер и рек. Эти водоплавающие птицы обладали мощным символизмом в кельтских мифах, потому что они были связаны одновременно с разными стихиями и природными элементами: водой, воздухом и землей. Ослепительно-белое оперение лебедей, возможно, придавало их образу дополнительный оттенок, поскольку казалось символом чистоты и невинности, а верность партнеру делала их воплощением неумирающей любви, очень подходящей для божественных влюбленных. Сказители создали светлый образ лебедя — в отличие от их антитезы, ворона и вороны, черных падальщиков, которые в мифах часто предсказывали бедствие и выбирали жертв на поле боя.

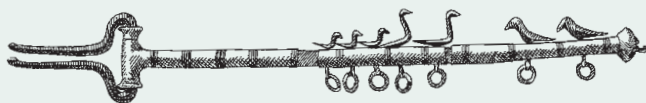

Рис. 26. Бронзовая вилка для мяса, датированная ранним железным веком, использовалась на пирах; Дунаварни, графство Антрим (Ирландия)

• ФАТАЛЬНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ: •

ЛЮБОВНЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ В ИРЛАНДСКИХ ЛЕГЕНДАХ

Положил Катбад ладонь на живот женщины и ощутил трепет под своей ладонью. «Поистине, — сказал он, — это девочка. Будет имя ее — Дейдре. И много зла случится из-за нее».
Изгнание сыновей Уснеха

В историях об ирландских богах постоянно повторяется тема любовного треугольника между старым мужем (или женихом), молодым влюбленным и молодой девушкой. Вероятно, это замаскированный миф о власти, когда молодой претендент на престол бросает вызов старому королю. Молодая девушка в середине треугольника может быть отождествлена с богиней власти, чья сила обеспечивает процветание земле и должна быть завоевана посредством сексуального союза с молодым претендентом. Если землю нужно оживить, старого смертного короля положено свергнуть в пользу энергичной юности. Рассказ об Энгусе и Каэр до некоторой степени следует этой схеме, хотя в этом случае старик — отец Каэр, а не муж. Та же закономерность проявляется в валлийском сказании «Килхух и Олвен» (см. с. 138–139): отец Олвен, как и отец Каэр, запретил ей выходить замуж за молодого возлюбленного Килхуха.

Две ирландские легенды служат яркой иллюстрацией ревнивого противостояния между молодостью и старостью. Одна из них сохранилась в тексте IX века, который является частью Ульстерского цикла, предшествующей сказанию «Похищение Быка из Куальнге»; речь идет об отношениях между королем Конхобаром, его приемной дочерью Дейрдре и ее возлюбленным Найсе. Вторая известна в версии X века, позже включенной в цикл фениев XII века; это история любви между Диармайдом и Грайне, нареченной женой Финна, стареющего вождя войска фениев.

Судьба Дейрдре, часто называемой Дейрдре Печалей, была предсказана друидом Катбадом при дворе Ульстера еще до ее рождения. Катбад предсказал, что девочка вырастет потрясающе красивой, но принесет бедствие Ульстеру. Несмотря на настоятельный призыв ульстерцев к Конхобару убить ее сразу после рождения, король пренебрег советом и решил тайно воспитать ее как свою приемную дочь. Когда девушка достигла взрослого возраста, Конхобар был очарован ею

и пожелал взять в жены. Дейрдре почти не встречала мужчин, но однажды она увидела, как ее приемный отец убил теленка и снял с него шкуру, а ворон выпил пролитую кровь. Снег лежал на земле, и Дейрдре поразило удивительное сочетание трех цветов: белого, красного и черного. Она поклялась, что мужчина, за которого она выйдет замуж, будет черноволосый, с белой кожей и с красными щеками.

У подростковой Дейрдре была компаньонка (скорее всего, кто-то вроде дуэньи) по имени Леборхам. Она сообщила Дейрдре, что на свете существует некто, соответствующий критериям идеального возлюбленного: его звали Найсе, и у него было два брата. В отличие от других историй о любовном треугольнике, в данном случае инициатором была Дейрдре. Она подошла к Найсе, но ее репутация как потенциального источника бед для Ульстера опередила ее, и юноша отверг девушку. Затем Дейрдре попыталась завоевать избранника проверенным способом: поставить под сомнение его честь, угрожая ему позором, если он не сбежит с ней.

Он уступил, пара сбежала в Шотландию в сопровождении братьев Найсе, но Конхобар вызвал их обратно в Эмайн Маху (см. с. 162–163), отправив посланника Фергуса Мак Ройха, который обещал всем им прощение. Однако обещание оказалось ложным. Мстительный король использовал человека по имени Эоган, чтобы убить Найсе и двух его братьев. Наказание Дейрдре состояло в том, чтобы принудительно выйти замуж за убийцу ее возлюбленного, но она покончила с собой, не покорившись. Фергус был возмущен коварством Конхобара. Между ними началась ожесточенная борьба, кульминацией которой стал переход Фергуса и его людей, отколовшихся от двора Ульстера, к заклятому врагу королевства, Медб из Коннахта; так было исполнено пророчество Катбада о гибели, которую Дейрдре нанесет своему народу.

Рис. 27. Неолитическая гробница, известная как «Ложь Диармайда», Килкуни, графство Донегол (Ирландия)

История Финна, Диармайда и Грайне по сути похожа на историю Конхобара, Дейрдре и Найсе. Как и Дейрдре, именно Грайне была инициатором романа с Диармайдом, хотя уже была помолвлена с Финном. Ее предательство в отношении Финна дает основание предполагать, что Грайне, как и Дейрдре, была символом богини власти, которая отвергла стареющего смертного супруга во имя юного партнера, чтобы сохранить и оживить процветание Ирландии. Как и Найсе, Диармайд возмутился, когда Грайне начала проявлять к нему внимание. Он оказался в трудном положении, потому что служил Финну как воин и обязан был хранить верность своему вождю.

Но, как и Дейрдре, Грайне задела честь Диармайда как героя и наложила на него гейс. Таким образом, он оказался в ловушке, из которой спасения не было. Он подчинился Грайне, и пара сбежала из Тары, где правил Финн. Пожилой брошенный жених начал погоню за молодой парой, и преследование это продолжалось в течение семи лет. Но злополучная пара была не одинока. Энгус, бог любви, был приемным отцом

Диармайда. Он пытался помочь им, предупредив пару никогда не ночевать в одном и том же месте две ночи подряд. Беглецы обрели практическое бессмертие, съев ягоды Древа Бессмертия, которое росло в заколдованном лесу Дувнос. Это означало, что их можно было убить только с помощью более сильного заклинания, чем магия плодов этого дерева.

Как и Конхобар, Финн прибег к обману. Для видимости примирившись со своим соперником, он пригласил Диармайда присоединиться к нему в охоте на кабана. Это было хитрым умыслом, потому что Финн знал о пророчестве: Диармайд будет убит конкретным животным, вопреки с Бенн Гулбан*. Это существо было оборотнем, когда-то имевшим человеческий облик: на самом деле он был не кем иным, как сводным братом Диармайда. В текстах сохранились две версии смерти Диармайда. Согласно одной из них, щетина на спине кабана была ядовитой, и молодой человек умер, когда одна из этих щетинок проколола его кожу. Согласно второй, вина лежала непосредственно на Финне. Старый полководец мог спасти Диармайда, принеся ему воды. Трижды он приносил воду из священного колодца в ладонях и дважды позволял ей стечь между пальцев перед тем, как приблизиться к раненому. Когда он в третий раз принес живительную воду Диармайду и даже намеревался исцелить, было уже слишком поздно: Диармайд умер.

• ГОЙДЕЛЫ И БОГИНИ •

Согласно «Книге захватов», гойделы, или кельты (иногда называемые в текстах сыновьями Миля), были последними колонизаторами Ирландии. Они одолели Племена богини

* Бенн Гулбан (у автора ошибочно — Боанн Гулбан) — гора в графстве Слайго, ныне Бенбалбин.

Дану, скрывшиеся в итоге под землей, во дворцах потустороннего мира (или сидах). У богини — родоначальницы Племен Дану было три соперницы, все более могущественные, чем она. Эти богини олицетворяли землю Ирландии, и они приветствовали вновь прибывших захватчиков-гойделов. Триаду богинь звали Эриу, Фодла и Банба. Они также были соперницами между собой, и каждая требовала от сыновей Миля верности и обещания, что они назовут страну в ее честь. Взамен богини обещали, что сыновья Миля сохраняют Ирландию навсегда.

Эриу победила и стала считаться эпонимом и покровительницей Ирландии (Эрин — название в честь Эриу — до сих пор используется в качестве альтернативного названия Ирландии). Эриу изначально была богиней власти и сакрального королевства. В отличие от многих ирландских богинь, Эриу принадлежала всей Ирландии, она воплощала самую суть земли, ее плодородие и процветание народа. Ее победа при вторжении гойделов была предсказана филидом Амаргеном, способным не только предвидеть будущее, но и поддерживать связь с духами.

ОЧАРОВАННЫЙ УЭЛЬС: ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА

И после завтрака Пуйлл решил прогуляться и подняться на вершину холма за дворцом, что звался Горсет Арберт. — Господин, — сказал один из придворных, — у этого холма есть одно свойство: если кто-либо из знатных взойдет на него, он не спустится без того, чтобы с ним не случилось одно из двух. Либо он получит раны и увечья, либо увидит какое-нибудь волшебство.

Мабиноги. Первая ветвь

Валлийские мифы в основном собраны в виде текста, известного под названием «Мабиноги» (или «Мабиногион»). Его четыре ветви представляют собой четыре связанных между собой, но достаточно автономных сказаний. Первая ветвь рассказывает историю Пуйлла, лорда Арберта; Арауна, бога Аннунна (владыки потустороннего мира); и жены Пуйлла — Рианнон. Вторая ветвь посвящена Брану, лорду Харлеха, его сестре Бранвен и ее мужу Матолуху. Третья ветвь рассказывает о чарах, наложенных на Дивед, и приключениях Манавидана и Придери, сына Пуйлла. Четвертая ветвь вращается вокруг Мата, лорда Гвинедда, его племянников Гвидиона и Гилвэтли и находящегося под гнетом судьбы брака между Ллеу Ллау Гифесом и Блодейвет.

Помимо четырех ветвей «Мабиноги» сохранилось еще несколько более пространных сказаний, в том числе «Килхух и Олвен» — история поиска, герой которой Килхух по воле судьбы пытается добиться руки Олвен, преодолевая невероятные трудности; а также «Добычи Аннунна», «Сон Ронабви» и «Передир». Все это добавляет яркие краски и выразительные контуры блистательному гобелену духов, полубогов, заколдованных существ, магических котлов, магов, изменяющих форму, и сражений между добром и злом.

Сравнение между валлийской и ирландской мифологическими традициями демонстрирует серьезные различия между ними, особенно в том, насколько открыто проявляется язычество. Несмотря на то что ирландские мифы письменно зафиксированы монахами, они сохраняют упоминания и предания о богах и богинях и дают вполне языческую, политеистическую религиозную систему. За исключением ранних житий св. Бригиты, св. Патрика и других святых, христианская ирландская литература фактически отсутствует. Но хотя язычество чувствуется и в валлийской мифологической традиции, в ней оно существенно приглушено. В текстах постоянно упоминают единого Бога. Ярким примером являются слова зачарованного вепря Турх Труитха в «Килхухе и Олвен» о том, что именно Бог изменил его, наказав за злодеяния тем, что навсегда лишил человеческого облика, оставив в виде зверя. Валлийские герои, такие как Бран Благословенный, Пуйлл, Придери и Ллеу Ллау Гифес, представлены как боги, только в своего рода «лайт»-версии — то же можно сказать и о знатных дамах, таких как Рианнон и Бранвен.

Для валлийских мифов важна божественная фигура Ллира, (пра-)родителя многих главных героев легенд: Брана Благословенного и его сестры Бранвен, Гованнона и Манавидана. Последние два имеют близких ирландских

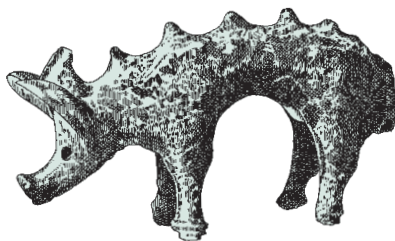

Рис. 28. Бронзовая фигурка вепря из Хаунслоу, Миддлсекс (неподалеку от Лондона)

Рис. 29. Голова совы с котла железного века из Бра (Дания)

божественных собратьев: Гоибниу, бога-кузнеца, и бога моря Мананнана, сына Лира (персонаж, родственник валлийскому Ллиру). Внимательное изучение валлийских преданий помогает обнаружить следы присутствия других языческих божеств. Как еще можно истолковать Мабона Охотника, помощника Килхуха в его поисках? Он, безусловно, должен быть идентифицирован с археологически подтвержденным галло-британским богом Мапоном, связанным с именем античного бога-охотника Аполлона. Символика лошади в случае с Рианнон указывает на божественное происхождение всадницы, которая, должно быть, сформировалась на основе галло-британской конной богини Эпоны (см. с. 65).

• ВАЛЛИЙСКИЕ БОГИ И ГЕРОИ •

Если валлийские боги кажутся бледными копиями по сравнению с богатым пантеоном Ирландии, валлийская мифология в целом компенсирует эту потерю обилием сверхъестественного. Повсюду

Главные валлийские боги и герои

Бран Благословенный (Бендигейдвран)	Божественный правитель Харлеха, Гвинед
Бранвен, сестра Брана	Причина войны между Уэльсом и Ирландией
Пуйлл	Божественный правитель Арберта (Нарберта), Дивед
Рианнон, жена Пуйлла	Вариация богини лошадей
Придери, сын Пуйлла и Рианнон	Правитель Диведа после смерти отца
Манавидан	Колдун, ремесленник и бог земледелия
Мат	Божественный правитель Гвинеда, бог-творец
Ллеу Ллау Гифес, сын Арианрод	Владыка света
Арианрод, мать Ллеу	Лунная богиня
Араун	Бог потустороннего мира (Аннувн)
Блодейвет	Аморальная женщина, созданная из цветов
Мабон	Бог-охотник
Гованнон	Бог-кузнец
Ронабви	Герой Поуиса
Передир	Тот, кто исправляет неправду, враг злых ведьм
Артур	Герой Британии
Килхух	Божественный герой-охотник и возлю- бленный Олвен
Олвен	Возлюбленная Килхуха и дочь вели- кана Исбададена

в легендах действуют маги и случаются магические явления. Силы добра и зла сталкиваются в битве, и кажется, что в основном преобладают добро и порядок. (Этическое влияние христианства можно увидеть в общем триумфе правды над ложью и злом.) Сказания изобилуют историями магического превращения людей в животных или богатых освоенных людьми земель в пустыню. Мертвые воскресают в волшебных котлах; животные владеют человеческой речью; великаны так огромны, что их тела вытесняют моря из берегов; а человеческие головы способны пережить обезглавливание и сохранить способность делиться мудростью.

Знаменательно, что выдающиеся женщины валлийской мифологии являются по большей части второстепенными персонажами, а не активно действующими героическими фигурами. Тем не менее они обладают могуществом, хотя бы в качестве помощниц, инициаторов войны и мира. Например, неправомерное обращение с Бранвен со стороны ее мужа-ирландца приводит к катастрофическому конфликту между Уэльсом и Ирландией, который почти уничтожил обе страны. Поначалу Рианнон кажется сильной и дерзкой, настоящей богиней потустороннего мира, способной противостоять земной силе Пуилла, самостоятельно выбирать себе мужа. Но по мере развития сказания она, как и Бранвен, становится архетипической «злой женой», а не мифической героиней. Единственная «настоящая женщина» в «Мабиноги» — Блодейвет, злая прелюбодейка из четвертой ветви. Ее нарочитая аморальность объясняется тем, что она была не вполне человеком, ее создали колдовством из цветов. Отношение к женщинам в валлийской мифологии, возможно, больше, чем какие-либо другие черты, выдает внедренную христианскую идеологию, представляющую женщин в виде ни к чему не способных «довесков» при мужчинах или слабых и несчастных дев (например, Гойвин в четвертой ветви) — либо же бесчеловечных существ, насквозь пропитанных злом (как Блодейвет).

• ПУЙЛЛ И РИАННОН •

И тот взял коня и устремился в погоню. Он выехал в поле, прищипорил коня, но чем больше он его погонял, тем дальше от него была всадница. Он совсем загнал лошадь, пока не убедился, что ему не догнать ее; тогда он вернулся к месту, где был Пуйлл.

Мабиноги. Первая ветвь

Первая ветвь «Мабиноги» начинается со сверхъестественной встречи Пуйлла, лорда Ллис Арберта, и Арауна, короля потустороннего мира. Когда Пуйлл и Араун в один и тот же день отправились на охоту, между ними возник спор о том, чьи собаки загнали оленя, которого они оба — не зная друг о друге — преследовали. Они уладили свои разногласия после того, как Пуйлл принял предложение Арауна поменяться местами на один год и один день с условием, что Пуйлл убьет соперника Арауна, Хавгана. Пуйлл согласился и приятно провел время, пируя в королевстве Арауна.

Далее рассказывается о том, как Пуйлл получил в жены Рианнон, а это произошло весьма необычным способом. Сначала она явилась ему, когда он сидел на священном кургане (Горсет Арберт), как прекрасная наездница в золотых доспехах и верхом на ослепительно-белом коне, которого не могли догнать ни Пуйлл, ни его самый быстрый всадник. Рианнон остановилась, только когда он окликнул ее; вскоре они вступили в брак.

Рождение и детство их сына Придери было окутано магией потустороннего мира. Во-первых, Рианнон не зачинала в течение трех лет после свадьбы, и придворные Пуйлла стали ворчать из-за отсутствия наследника, требуя, чтобы лорд избавился от бесплодной жены. Пуйлл попросил своих людей предоставить им отсрочку еще на год, прежде чем он вынужден будет развестись, и — о чудо! Как и положено в настоящей

Гваул и «Барсук в суме»

Когда Пуйлл и Рианнон праздновали помолвку, в зале появился молодой человек, и его пригласили принять участие в торжествах. Согласно традиции, он попросил милости у повелителя, и Пуйлл ответил, что даст незнакомцу все, что бы он ни пожелал. И тот попросил Рианнон. Оказалось, что этот путешественник был не кем иным, как Гваулом, отвергнутым соискателем руки Рианнон. Она пришла в ярость, а Пуйлл оказался в затруднительном положении: он был бы опозорен, если бы нарушил данное слово.

Рианнон пришла в голову идея, как решить проблему. Она дала Пуйллу небольшую суму и велела припрятать ее. Затем обратилась к Гваулу и сказала, чтобы он вернулся за ней через один год и один день, тогда она устроит пир в его честь, а затем взойдет на его ложе. Пуйлл должен был присутствовать, облаченный в рваную одежду, с сумой в руках, когда Гваул заявит права на его невесту. В назначенный день Гваул появился со свитой, и Пуйлл прибыл, как указала Рианнон, с мешком. Как они договорились заранее, Пуйлл попросил Рианнон наполнить суму едой. Но как бы много туда ни складывали, suma не наполнялась.

Гваул спросил Рианнон, когда наконец suma наполнится, и она ответила: только если могущественный лорд прыгнет в нее и утрамбует содержимое, Гваул немедленно прыгнул в суму, и в следующее мгновение Пуйлл затянул ее горловину, поймав в ловушку соперника, а затем дал сигнал в рог, чтобы призвать своих людей, и все они напали на свиту Гваула и связали ее. Каждый из людей Пуйлла, пришедший в зал, наносил удар по суме и спрашивал, что там внутри. «Барсук», — отвечали остальные, и так появилась игра «Барсук в суме». В конечном счете Гваул был освобожден и поспешил покинуть владения Пуйлла, чтобы залечить раны. А Пуйлл и Рианнон тем же вечером вступили в брак.

сказке, именно за этот год у Рианнон родился сын. А потом все пошло плохо. Накануне мая (всегда опасное время, поскольку приближался летний праздник Белтайн) ночью новорожденный исчез, а женщины, присматривавшие за ним, проспали.

Проснувшись, они были так напуганы неизбежным наказанием за неисполнение обязанностей, что сговорились свалить вину на мать мальчика, Рианнон, убив щенка и измазав его кровью ее руки и лицо, чтобы ее осудили не только за убийство, но и за каннибализм.

Несмотря на то что от него требовали казнить жену за ее предполагаемый ужасный поступок, Пуйлл ограничился тем, что наложил на нее наказание, связанное с ее особой близостью с конями, что напоминает о моменте встречи Рианнон и Пуйлла. Наказание состояло в том, что в течение семи лет ей приходилось вести себя так, словно она была тягловой лошастью, сидеть у конюшни рядом с воротами усадьбы и переносить на спине гостей королевского дворца. Таким образом, сказитель сочетает глубокое унижение королевы с напоминанием о символике лошади, магическом даре Рианнон. О том, как завершилась эта история и как была оправдана Рианнон, поговорим позже (см. с. 131–132).

• ТВОРЕНИЕ И ПАДЕНИЕ •

Все четыре ветви «Мабиноги» наполнены сверхчеловеческими существами и невероятными событиями, происходившими во владениях великих валлийских королевских домов: Диведа на юге и Гвинеда на севере. Напряженность в отношениях между этими двумя королевствами составляет важную тему сказаний и включает подтексты, касающиеся подлинных старинных конфликтов между Северным и Южным Уэльсом (соперничество, которое сохраняется даже в наши дни). Нелегко отделить «сказочные» аспекты преданий с их простыми понятиями добра и зла, страдания и радости от по сути языческого мифологического представления о мироустройстве. Кто такие боги, а кто простые смертные — игрушки тайных волшебных сил?

В четвертой ветви, которая содержит, пожалуй, самые явно выраженные языческие элементы, главный герой Ллеу Ллау Гифес, сын Арианрод, получил это имя, означающее «Яркий с Умелыми руками», от своего дяди Гвидиона, потому что мать отказалась как-либо назвать его. Имя Ллеу почти наверняка указывает на происхождение героя от древнего бога, владыки света, который, как и ирландский Луг, был еще и богом ремесел. Четвертая ветвь также предоставляет шанс приблизиться к утраченному в валлийской традиции мифу о происхождении мира: речь идет об истории короля Мата из Гвинеда и его подставке для ног.

Дева и король

И в то время Мат, сын Матонви, не мог прожить без того, чтобы, когда он сидел, ноги его не покоились на коленях девушки, за исключением времени, когда он отправлялся на войну. И девушку, что была тогда с ним, звали Гойвин, дочь Пебина из Дол-Пебин в Арвоне, и она была красивейшей из дев того времени.

Мабиноги. Четвертая ветвь

Четвертая ветвь разворачивается вокруг величественной фигуры Мата, лорда Гвинеда, сына Матонви. Мат почти наверняка персонаж божественного происхождения. Его история выделяется среди других фрагментов валлийской мифологии, поскольку она может отражать дохристианский миф о Сотворении и Падении. Природа Мата и вся его жизнь таковы, что, если бы обстоятельства не вынуждали его сражаться с врагами, он оставался бы дома, а еще у него была странная привычка: когда он сидел, то ноги клал на колени девушки, причем она непременно должна была быть невинной. Имя этой живой «подставки для ног» Мата было Гойвин. Мат находился под действием странного запрета, который можно

объяснить лишь в контексте языческой мифологической традиции и соответствующих представлений о сакральной власти, характерных и для ирландских мифов: смертный король обязан вступить в союз с земным воплощением богини власти. Девственный статус «богини», по-видимому, отражает идею, что именно в девственности и невоплощенной женской сексуальности сосредоточена особая сила, критически необходимая для процветания страны.

Но ассоциация между королевскими ногами и землей может иметь еще более сложные корни. Когда капитан Кук в середине XVIII века прибыл на остров Таити, он столкнулся с традицией, согласно которой полинезийский вождь, путешествующий за пределами собственных земель, не имел права ступать ногами. Его положено было переносить; дело в том, что любая территория, на которую он бы поставил ноги, становилась потенциально его собственностью, и это могло привести к войне с соседями. Очевидно, что бессмысленно предполагать существование прямых связей между раннесредневековым Уэльсом и Полинезией XVIII века. Однако наблюдения Кука побуждают нас искать новые способы интерпретации странного поведения Мата.

Те, кто слушал это предание, с самого начала должны были понять, что это необычное условие сохранения власти Мата над Гвинедом почти наверняка будет нарушено. Так и получилось. Племянник Мата по имени Гилвэтиви страстно желал Говейн и сговорился со своим братом Гвидионом спровоцировать военный конфликт на границе Гвинеда, чтобы Мат вынужден был покинуть дворец и расстаться с той, кто держала на коленях его ноги. Гвидион начал войну между Гвинедом и южным валлийским королевством Диведом, упомянув в разговоре с Матом, что Придери, лорд Диведа, обладает некими удивительными животными, свиньями, которых никогда не видели на севере и мясо которых, по слухам, намного вкуснее говядины. Они

были доставлены в Дивед из Аннувна, потустороннего мира, в качестве подарка от магического правителя Арауна. Мат захотел заполучить этих свиней и послал Гвидиона исполнить его поручение. Гвидион был волшебником и мог наколдовать практически что угодно благодаря своему дару сказителя. Он пришел ко двору Придери как друг, но затем обманом похитил свиней. В последующей битве силы Гвидиона оказались превосходящими, и Придери был убит.

Когда Мат вернулся домой, он обнаружил, что его девственная «подставка для ног» утратила невинность, поскольку Гилвэтни изнасиловал ее. И тогда король нанес ответный удар, превратив двух братьев в диких животных. После этого Мат сразу отпустил отныне бесполезную Гойвин, выдав ее замуж за одного из придворных, и объявил о поиске новой девы. Одна из претенденток, Арианрод («Серебряное колесо»), первой пришла к королю. Ей нужно было пройти испытание на девственность, переступив через магический посох Мата. К сожалению, она позорно провалилась: переступив через волшебный посох, женщина родила близнецов. Один из них, Дилан, уплыл в море, и в мифе о нем больше не упоминается; второй был принят и воспитан Гвидионом. Сказитель не сообщает, удалось ли Мату найти новую деву для своих ног. Если он потерпел неудачу, то можно сделать вывод, что его сила была в значительной степени утрачена.

От стыда за то, что не выдержала испытания на девственность, Арианрод отреклась от своего второго сына. Она прокляла его, сказав, что у него не будет имени, если она сама не решит назвать его; что он никогда не будет носить оружие, если она сама не вооружит его; и что у него никогда не будет жены. Гвидион, дядя ребенка, обошел все эти запреты с помощью магии. Итак, второго сына Арианрод назвали Ллеу Ллау Гифес. Чтобы преодолеть третье проклятие матери, Ллеу получил волшебную жену, созданную Гвидионом из цветов. Ее звали Блодейвет («Цветочная

женщина»). Но она была неверна ему и стоворилась с любовником убить своего мужа (см. с. 153–156).

Смертельно раненный ударом копья возлюбленного Блодейвет, Гронва, Ллеу пронзительно вскрикнул, превратился в орла и взлетел на дуб, где его в конце концов нашел Гвидион. К дереву его привела свинья, которая кормилась у корней (снова в этом мифе появляются свиньи!).

• ЗОЛОТАЯ ЧАША И ЗАЧАРОВАННАЯ ЗЕМЛЯ •

И в середине двора был мраморный фонтан, и на краю его — золотая чаша, подвешенная на четырех цепях, которые уходили ввысь так, что их концов не было видно. И он восхитился красотой чаши и подошел, чтобы взять ее. Но как только он взялся за чашу, его руки прилипли к ней, а ноги — к мраморной плите, на которой он стоял, и дар речи покинул его, так что он не мог произнести ни слова.

Мабиноги. Третья ветвь

Манавидан, сын Ллира, главный герой третьей ветви, был отпрыском валлийского королевского дома Диведа, братом Брана и Бранвен. Как и его ирландский божественный двойник Мананнан мак Лир, Манавидан был колдуном и трикстером. У него также были непревзойденные навыки ремесленника. Он женился на Рианнон, героине первой ветви, после смерти ее первого мужа, Пуйлла. Другим связующим звеном между этими двумя ветвями «Мабиноги» является Горсет Арберт. В первой ветви с этого особого места Пуйлл впервые увидел Рианнон. Но появление Манавидана возле Горсет стало началом катастрофы. Он и его новая жена пришли к кургану вместе с его пасынком Придери и женой юноши, Кигвой. Когда они взошли на курган, на землю

Диведа пало заклятие: королевство просто исчезло, ничего не осталось от него, кроме тумана.

Все четверо решили отправиться в Англию в поисках счастья, оставив опустевший Дивед позади. Добравшись до очередного города, мужчины создавали мастерскую и лавку, работали как кузнецы, сапожники или шорники, но были настолько хороши в любом деле, что лишали всех остальных шансов зарабатывать ремеслом, а потому их прогоняли разгневанные конкуренты. Итак, изгнанные из Англии, они вернулись туда, где ранее был Дивед, и выжили благодаря охоте. Но потусторонний мир всегда оставался рядом. Во время одной охотничьей вылазки Манавидан и Придери столкнулись со сверхъестественным кабаном, огромным и ослепительно-белым (таким же потусторонним, как белый конь Рианнон), который привел охотников и их собак в странный замок. Манавидан с подозрением отнесся к этому месту, но, несмотря на предупреждения спутника, Придери настоял на том, чтобы пойти за животным в замок. Первое, что он увидел внутри, была сверкающая золотая чаша, подвешенная к потолку на цепях. Едва он прикоснулся к ней, на него пали чары, так что он не мог ни двигаться, ни говорить. Его мать Рианнон услышала, что произошло, последовала за ним в замок и тоже оказалась под действием странных чар.

Манавидан больше не мог охотиться, потому что его собаки исчезли в замке вместе с Придери, так что он занялся сельским хозяйством и начал выращивать пшеницу. Эта часть мифа может быть фрагментом древнего сказания, которое объясняло, как было введено в Уэльсе пахотное земледелие (так же как кража сверхъестественных свиней Придери Гвидионом может быть мифологической историей, объясняющей введение свиноводства). Когда Манавидан готовился собирать урожай, два его поля были опустошены нашествием мышей.

Он ждал в засаде, пока они нападут на следующее поле, но грызуны двигались слишком быстро, и в итоге все мыши

убежали, кроме одной беременной, более медлительной. В причудливой сцене наказания Манавидан попытался повесить мышь, но его остановил епископ, пытавшийся спасти животное. Однако Манавидан узнал «епископа»: это был колдун, который наложил злые чары на Дивед из-за давней обиды на Рианнон и ее первого мужа Пуйлла. «Мышь» была его женой. Манавидан заключил с ним сделку; в обмен на ее жизнь он потребовал возвращения Диведа и освобождения Придери и Рианнон от чар заколдованной золотой чаши. В итоге Манавидан пощадил «мышь», и она вновь обрела человеческий облик.

• МАГИЧЕСКИЕ КУБКИ •

Какое значение имела золотая чаша, которая наложила заклинание на Придери и Рианнон? Чаши, тарелки и кубки из драгоценного металла были важными символами процветания и зачастую обладали религиозными функциями на протяжении всего раннего железного века и раннего христианского периода в Британии и Европе. В начале хронологического ряда находится чаша из листового золота из Цюриха (Альтшеттен), изготовленная в VI веке до н. э. Сосуд был декорирован фризом из оленей, зайцев

Рис. 30. Кованая золотая чаша VI века из Цюриха, декорированная фигурами зайцев, оленей и полумесяцев

и чередующихся полумесяцев и полных лун. Очевидно, это был церемониальный объект, используемый в ритуальных действиях, возможно связанный с ночными культами.

На другом конце хронологической шкалы находится великолепный ирландский потир из серебра с инкрустацией золотом, изготовленный около 700 года и найденный в Ардаге, графство Лимерик (Ирландия). Подобные чаши, языческие или христианские, служили не только для питья, но и для трансформации. Сок плодов и зерен превращался в хмельной напиток. Согласно христианской традиции, в чаше-потире вино в момент евхаристии становится кровью Спасителя. Христианский книжник, записавший валлийские мифологические предания, вполне мог подразумевать подобные золотые и серебряные чаши, когда писал о волшебном сосуде, из-за которого Придери и Рианнон оказались во власти колдовства. Если так, сказание представляет собой удивительную смесь языческой и христианской традиций, когда магические животные из потустороннего мира завлекают людей в ловушку, а «христианский» церковный сосуд служит для колдовства, намекая на скрытый подтекст особой силы и влияния христианства.

Рис. 31. Серебряный потир из Ардага, около 700 года н. э., с именами апостолов в сочетании с причудливым кельтским декором в виде животного орнамента

Священный Грааль

Одной из самых широко известных и знаковых историй средневековой кельтской литературы является история Святого Грааля. Легенда о Граале возникла не в Уэльсе, а во Франции. Самая ранняя версия была написана Кретьеном де Труа около 1180 года. История Грааля — это главным образом «повесть о странствии и поиске предмета». Французская версия вошла в число так называемых романов Артуровского цикла. Главным героем был Персеваль, рыцарь при дворе короля Артура, который, блуждая по пустыне, встретил хромого старика, пригласившего его в свой замок. Во время ужина Персеваль стал свидетелем странной процессии, возглавляемой рыцарем с копьем, с которого капала кровь, следом шла красивая девушка с драгоценной, богато декорированной чашей или блюдом, которое называли Грааль. За девушкой шли люди со свечами и группа придворных в траурных одеждах.

Слишком вежливый, чтобы задавать вопросы о том, что видел, Персеваль ушел спать, а на следующее утро обнаружил, что замок пуст. Он продолжил странствия, но по пути встретил молодую женщину, которая упрекала его за то, что он не спросил о процессии, которую видел в замке. Эти упреки повергли Персеваля в сомнения и тоску, и он начал долгие поиски замка, чтобы раскрыть секрет Грааля.

Другие средневековые французские авторы взяли за историю Грааля, используя роман Кретьена де Труа, и добавляли всё новые и новые подробности: в сюжете появился Иосиф Аримафейский, собравший кровь распятого Спасителя, а кровоточащее копье объявили оружием римского сотника Лонгина, который присутствовал при распятии Иисуса Христа. Согласно одной из версий легенды, Грааль был чашей, из которой Иисус пил во время Тайной вечери.

• УЭЛЬС — ИРЛАНДИЯ: ВОЙНА МИРОВ •

Археологические свидетельства указывают на прочные связи между Ирландией и западом Британии с ранней доисторической эпохи. Валлийская мифология содержит многочисленные

ссылки на связи с Ирландией, которые отнюдь не всегда были дружескими. Одним из наиболее катастрофических событий, описанных в четырех ветвях «Мабиноги», была великая война между Уэльсом и Ирландией — конфликт, который едва не погубил обе страны.

Функция мифа состоит в том, чтобы объяснить происхождение альянсов и конфронтаций между самостоятельными сообществами. В раннесредневековом ирландско-британском обществе Ирландское море соединяло, а не разделяло пограничные земли. Но между народами, обитавшими по берегам этого «кельтского пруда», не только заключались договоры о дружбе; нередко могли возникать и конфликты, особенно если племена-соперники боролись за землю, рыбу или минеральные ресурсы. Центральным сюжетом второй ветви «Мабиноги» является ссора между Браном, королем Харлеха в Северном Уэльсе, и ирландским правителем Матолухом из-за помолвки последнего с сестрой Брана, Бранвен. Начало истории кажется несколько надуманным: хотя ирландский король совершал поездку в Уэльс, чтобы просить руки Бранвен, появление его тринадцати кораблей у северного побережья Уэльса, по-видимому, оказалось полным сюрпризом для повелителя Харлеха. Увидев флотилию, Бран и его люди подумали, что началось вражеское вторжение, и вооружились, готовые защищать свою землю.

Матолух уверял Брана, что он настроен дружелюбно и хочет жениться на Бранвен. Ее брат согласился, и все — как валлийцы, так и ирландцы — отправились в Абервроу на острове Англси, где находился престол повелителей Гвинеда. Возможно, это место было выбрано в качестве церемониального центра из-за его островного положения на самом краю Британии: изоляция, дикая и скалистая береговая линия, отделенная от материка узкой полосой воды с коварными течениями, — сюда можно было добраться только на плоскодонных судах или небольших лодках.

Как только придворные двух стран собрались, начался большой праздничный пир. Однако пировали в шатрах, потому что Бран был слишком велик телом, чтобы поместиться внутри какого бы то ни было здания.

Вскоре праздник обернулся катастрофой: Эвнисиен, брат Бранвен, жестоко покалечил лошадей Матолуха, поскольку был разгневан помолвкой. Единственный подарок, который мог смягчить ярость потенциального жениха, был самым ценным сокровищем Брана (речь идет о котле возрождения). Несмотря на эти неприятные обстоятельства, брак состоялся, и Бранвен отправилась в плавание в свой новый ирландский дом. Но Матолух не забыл и не простил оскорбление, и при ирландском дворе с Бранвен обращались крайне жестоко. Узнав о тяжелом положении сестры, Бран объявил войну Ирландии. Котел — вещь, не обладающая верностью прежнему владельцу и во многом коварная. Матолух воспользовался им, чтобы возрождать своих воинов, и обратил волшебство против Брана. Каждую ночь убитые в бою ирландцы погружались в котел и являлись оттуда, готовые снова идти в бой. Но это были зомби, тела нежити, которые не могли ни говорить, ни делать ничего, кроме как сражаться и убивать. Наконец, судьба свела вместе Эвнисиена, виновника всех бедствий, и волшебный котел: Эвнисиен прыгнул внутрь и погиб, а сам сосуд разбился на четыре части. Сердце Бранвен было разбито, она винила во всем случившемся себя. Она умерла на берегу реки Алав возле Холихеда, откуда могла из своей страны видеть Ирландию — родину супруга.

В Ирландии после кровавой бойни с валлийцами осталось в живых лишь пять беременных женщин, спрятавшихся в пещере. В один и тот же день каждая из них родила мальчика. Когда дети выросли, они создали супружеские пары с одной из матерей (не со своей, конечно) и разделили землю на пять частей, которые стали пятью средневековыми провинциями

Ирландии. Эти пять мужчин обошли поля былых сражений, собирая трофеи, и нашли немало золота и серебра. Возможно, этот аспект легенды связан с открытием в средневековой Ирландии кладов с золотыми предметами, относящимися к бронзовому и железному векам.

• ПЕРЕДИР И ВЕДЬМА •

«Ах, господин, — сказала она, — я с моими отцом и матерью спасаемся здесь от девяти глостерских ведьм, которые уже опустошили все наши владения, кроме этого замка, и убили всех, кто там жил».

Передир

Молодой герой Передир был седьмым сыном графа Эврога (такое имя носил древний Йорк, и Эврог считается основателем этого средневекового города). Передир, вероятно, является персонажем — двойником Персеваля из романа Кретьена де Труа, открывающего Артуровский цикл сказаний о Граале. Эврог и шесть его сыновей погибли в бою, единственным выжившим был Передир. В валлийском предании мать стремилась сохранить его жизнь, поэтому спрятала его в пустынном месте. Однажды, прогуливаясь, молодой человек встретил рыцарей короля Артура. Когда он рассказал об этом своей матери, она велела ему пойти ко двору Артура. После серии неудач и схваток со знатными воинами Передир прибыл в Каэрлеон, к Артуру.

Сквозная тема истории Передира — непрекращающаяся борьба добра со злом. Наиболее яркое изображение она находит в легенде о девяти ведьмах из Каэрлойва (Глостер). Смысловым ядром повествования в тексте, озаглавленном «Передир», являются связи, которые он устанавливает

Рис. 32. Передир приходит на помощь стражнику, которого душит одна из девяти ведьм из Каэрлойва

между различными частями Британии: Северной Англией, западными графствами и юго-восточным Уэльсом. Передир получил от некоей дамы предупреждение о девяти ведьмах: эти злобные создания опустошили всю землю вокруг ее замка. На следующий день после этого разговора, на рассвете, Передир встретил одну из ведьм, напавшую на стража замка. Герой вмешался и ударил ее по голове. Колдунья узнала его, приветствовала по имени и заявила, что ей было предсказано пострадать от его руки. Она дала ему ряд советов, заверив, что намерена обучить его приемам ведения войны. Такая военная подготовка с наставницей-женщиной напоминает фрагмент истории Кухулина, героя Ульстера, которого обучала боевым навыкам Скатах, чье имя означало «Теневая» — ее сверхъестественный статус заявлен в той легенде открыто (см. с. 122–124). Как и ведьмы Передира, Скатах обладала даром пророчества. Передир вырвал у ведьмы обещание, что владелице замка

больше не будет причинен вред. Затем он провел с девятью ведьмами три недели, обучаясь у них военному делу.

Некоторое время спустя герой узнал, что ведьмы снова причиняют вред людям. На этот раз они напали на семью самого Передира, убили его двоюродного брата и искалечили дядю. Передир заручился поддержкой Артура, а также рыцаря Гвалхмая, собрал группу воинов и отправился на борьбу с ведьмами. Они предвидели, что Передир и его отряд уничтожат их, что и произошло. Судя по всему, ведьмы из Каэрлойва были схожи с ирландскими воинственными фуриями Бадб и Морриган: все они были пророчицами, имели прямое отношение к битвам и воинским искусствам, обладали чрезвычайно разрушительной силой. Их судьба была тесно связана с молодыми героями, с которыми магические воительницы находились в дихотомических отношениях Добра и Зла.

Число девять в валлийской мифологии

Девять ведьм, с которыми имеет дело Передир, представляют один из многих примеров кельтской мифологии, когда числа — в частности, три (см. с. 36–39) и кратные ему — обладали особым магическим значением. Связь между потусторонними женщинами и числом девять является устойчивым мотивом в рассказе о путешествии Артура в Аннувн (валлийский потусторонний мир), зафиксированном в «Добычах Аннувна». В этом сказании Артур встречает девять священных дев, охранявших магический котел, который герой стремился украсть. Более тысячи лет назад римский автор Помпоний Мела написал о другой группе из девяти девственных жриц, проживавших на одном из островов Силли, к западу от побережья Корнуолла. Эти женщины служили знаменитому оракулу и обладали способностью предсказывать будущее, лечить больных и даже управлять морем, ветрами и погодой.

• ТАЙНА АРТУРА •

«Поезжай ко двору Артура, — сказала она ему, — ибо там собрались лучшие мужи, благороднейшие и храбрейшие. Если ты увидишь по пути храм Божий, остановись и помолись. Если увидишь пищу и питье, в которых нуждаешься, возьми их, коль это не нарушит приличий. Если услышишь крик о помощи, особенно женский, иди и помоги. Если увидишь драгоценную вещь, возьми ее и отдай бедняку; так ты заслужишь уважение. Если увидишь красавицу, служи ей, даже если она того не хочет; так ты прославишься как благородный муж».

Передир

Артур — самая знаковая фигура в средневековых мифах и преданиях. В валлийской мифологии он ассоциируется с любопытной смесью христианства и языческой магии. В этих текстах часто упоминается единый Бог, но герой постоянно имеет дело с заколдованными животными и волшебными котлами. С именем Артура связано несколько мест, в том числе Каэрлеон (его римский амфитеатр считали залом, где стоял знаменитый Круглый стол), кельтский монастырь в Тинтагеле (Корнуолл) и аббатство Гластонбери (Сомерсет). Имя Артура прямо или косвенно отражается в целом ряде географических названий: от Камня Артура — неолитической каменной гробницы в Херефордшире — до Престола Артура — городища железного века в Эдинбурге. Основной комплекс сказаний Артуровского цикла содержится в средневековых французских романах, прежде всего в сочинении Кретьена де Труа, созданном в конце XII века. Но Артур упоминается и в ряде валлийских мифологических преданий, в том числе в «Килхухе и Олвен» и «Передире». Его всегда изображают как героическую фигуру, величественного безупречного воина, окруженного сонмом галантных рыцарей.

Артур и сон Ронабви

Валлийское мифологическое сказание, известное как «Сон Ронабви», датируется XIII веком (дата относится к его письменной фиксации, а не созданию, конечно). Речь в нем идет о королевстве Повис и его правителе Мадауге, брат которого Йоруэрт был просто ходячей бедой: он все время пытался свергнуть законного правителя, подговаривая на бунт сельских жителей. В какой-то момент Мадауг послал своих людей разыскать беспокойного брата. В том числе на поиски отправился и Ронабви. Как следует из названия легенды, ее сюжет строится вокруг сна этого чело- века, посетившего его во время битвы, когда он лежал на бычьей шкуре. Сон представляет собой весьма сложное видение.

Центральным персонажем сна был Артур, который назван императором Британии; его вражда с неким Итаугом, «Смутяном Британии», привела к битве при Камланне около 540 года н. э. (Эта битва между христианами-бриттами и язычниками-саксами является историческим фактом, зафиксированным в «Анналах на пасхальных таблицах».) Одной из сверхъестественных черт «Сна Ронабви» является магическая армия воронов Овейна, сражавшаяся против рыцарей Артура, в то время как два предводителя разыгрывали партию в древнюю настольную игру фидхелл (сложный аналог шахмат). Воины-вóроны взяли верх, но военачальники согласились заключить мир. Когда игра подошла к концу, Ронабви проснулся и обнаружил, что проспал три дня и три ночи.

В ранних исторических источниках, таких как «История бриттов» Ненния (IX век), Артур представлен как защитник Британии от иностранных захватчиков, приходивших с севера, запада и востока. Его наиболее значимая победа, признанная историческим фактом, датируется началом VI века: он взял верх над англами у горы Бадон близ Бата. На самом деле Артур не был ни королем, ни основателем династии. Он был военачальником, главой союза малых королевств, возникших

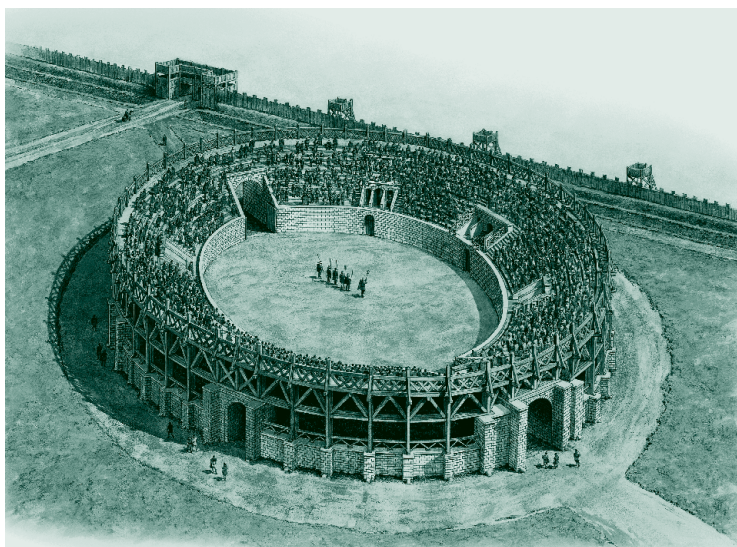

Рис. 33. Реконструкция римского амфитеатра в Казэрлеоне (Уэльс), как он мог выглядеть в конце I или начале II века н. э.

в Британии после ее отделения от Римской империи в начале V века. Легенды, связанные с именем Артура, оказались гораздо важнее, чем сам человек. Вполне подлинный исторический персонаж, Артур вдохновил сказителей и писателей на создание целого созвездия историй о средневековом рыцарстве, героизме и непревзойденном боевом мастерстве — историй, действие которых охватывало не только Уэльс, но и всю Британию, и даже выходило за ее пределы.

ДОЛЯ ПОБЕДИТЕЛЯ: МИФИЧЕСКИЕ ГЕРОИ

Когда многие собираются на совместную трапезу, они располагаются в круг — так, что самый влиятельный человек оказывается в центре... превосходит ли он остальных военными навыками, или знатностью семьи, или богатством... Когда угощение подано, самый отважный герой берет лучший кусок, и если другой человек заявит на него права, они оба встанут и сражаются до смерти.
Афинея, IV

В III веке н. э. греческий ритор Афинея описал ряд обычаев, которым следовали галлы. Не последнее место в его описании занимают пиршество и выбор момента для совместной трапезы в честь величайших воинов. Главным угощением на таких пирах было мясо, которое, по словам более раннего автора Диодора, варили в котлах и жарили на вертеле. Алкогольный напиток передавался по кругу в едином для всех сосуде, но самый важный гость всегда удостоивался лучшей порции. Мясо ели, хватая обеими руками крупный кусок и откусывая от него помногу. Два элемента этих наблюдений античных авторов важны для понимания кельтской мифологии: совместная еда и питье и «доля героя». Обе темы играют важную роль в ирландской и валлийской мифологической литературе, а изобильное потребление мяса — особенно свинины — и алкоголя связано с валлийским и ирландским потусторонним миром. Что особенно важно: выбор претендента на трон и дальнейшая поддержка короля в Ирландии зависели от его щедрости к своему народу и его способности обеспечить привольную жизнь знати. Один из королей, Брес, потерпел сокрушительную неудачу: его скупость была легендарной, и якобы она стала непосредственной причиной неурожая: отсутствие плодородия страны

служило доказательством того, что сама Ирландия отвернулась от него и лишила его права на власть.

Безудержное употребление алкоголя, как любого психотропного вещества, может менять состояние ума и вызывать переживания «бытия вне тела». В конце доисторического периода в Европе пьянство было, очевидно, связано с погребальными ритуалами и особыми церемониями, возможно потому, что оно считалось средством установления контакта с миром духов. На протяжении железного века в Британии и в континентальной Европе существовал обычай хоронить высокопоставленных мертвецов с приборами для еды и питья, причем не на одного человека, а для целого пира, который напоминал античные симпозиы — мужские попойки в Древней Греции. В погребении вождя, который умер около 550 года до н. э., обнаруженном в Хохдорфе в Германии, тело находилось на ложе, а перед ним стоял стол для совместной трапезы девяти человек, а также большой греческий котел, наполненный 300 литрами меда. Девять рогов для питья были развешаны на стенах погребальной камеры, а собственный рог вождя, помещенный над его головой, был наполнен 5,5 литрами хмельного напитка.

Группы богатых захоронений, найденные в Юго-Восточной Англии и Северной Галлии, демонстрируют повышенное внимание к погребальным пиршествам. В тех регионах основным алкогольным напитком было средиземноморское вино, а амфоры с вином соседствовали в погребальных камерах с кубками, ситами для процеживания вина, кувшинами оливкового масла и цилиндрическими сосудами с местными напитками «попроще»: элем или перебродившими ягодными соками. Все это изобилие призвано было подчеркнуть значимость употребления алкоголя, возможно, для общения с богами: судя по всему, целью было облегчение для покойного пути в потусторонний мир и сохранения им там прежнего статуса знатного и влиятельного человека.

Свидетельства железного века об устройстве масштабных пиров найдены археологами и в древней Ирландии. Тщательно изготовленные кубки для питья, например из Кешкарриган в графстве Лейтрим, с изящной ручкой в виде птичьей головы, могут относиться к железному веку или к раннему периоду после христианизации страны. Они явно были созданы для более важных случаев, чем повседневное домашнее использование.

Великий кубок из Каррикфергюса в графстве Антрим, как и другие подобные сосуды позднего железного века из Уэльса, был предназначен для раздачи общего напитка — вероятно, в соответствии с обычаем, описанным у Диодора. Возможно, такие сосуды для питья использовались во время религиозных церемоний, а затем считались связанными с сакральными ритуалами и духовными силами, так что не могли оставаться в бытовом обиходе и заслуживали почетного погребения в болотах (считалось, что вода — это врата между мирами людей и духов). Но, пожалуй, самым ярким свидетельством важности пиршества может являться огромный ирландский рог для питья,

Рис. 34. «Рог привилегий», предназначенный для церемонии вступления на престол короля из рода Каванах в Лейнстере (Ирландия), XII век

отделанный бронзой; он датируется XII веком и известен как «Рог привилегий» рода Каванах. Триста лет спустя его использовали в церемонии вступления на трон королевства Лейнстер как символ передачи сакральной власти.

• ПОТУСТОРОННИЙ ПИР •

*Зарезал тогда Мак Дато для них кабана. Трижды
по двадцать коров вскармливали его семь лет своим
молоком... Принесли им того кабана, и сорок быков лежали
вокруг него, да еще другая пища.*

Повесть о кабане Мак Дато

Волшебные свиньи

Рассказ о гадаринских свиньях в Новом Завете — тоже история об одержимости. Когда Иисус изгнал «легион» бесов из бесноватого, он направил этих злых духов в стадо свиней, которые в неистовстве бросились в море с утеса и погибли. Как мы увидим в 6-й главе, тема заколдованных свиней широко распространена в кельтских мифах, и, вероятно, это объясняется тем, что свинина служила символической, статусной пищей, а кабан (вепрь) считался храбрейшим из животных.

Акцент на свинине в ирландских мифологических сказаниях соответствует ее роли в жизни британского и континентального мира железного века согласно археологическим данным: свиные хрящи часто находят в захоронениях людей высокого статуса, среди предметов, указывающих на богатство и ранг покойного. Одной из примечательных групп являются так называемые погребения колесниц середины позднего железного века, обнаруженные в основном в Восточном Йоркшире и в регионе Марны на востоке Франции. Главной особенностью таких могил является захоронение мужчины или женщины вместе с легкой двухколесной колесницей, помещенной в погребальную камеру целиком

Ирландская и валлийская мифологии содержат частые упоминания Счастливого потустороннего мира, где не прекращаются пиры и охоты. В Ирландии центром пиршества были постоянно пополняющиеся котлы с едой и самовозрождающиеся свиньи. У каждого божества был в мире духов свой дом-сид, и в каждом из них пиршество занимало основное место в жизни хозяев. В одном из ирландских сказаний, «Разрушении дома Да Дерга», нарисована пугающая картина «жаркого из свинины», когда одну и ту же свинью убивали и съедали каждый день, а наутро она возрождалась, чтобы снова быть убитой и съеденной. В этом тексте хозяин праздника описан как человек, несущий свинью через плечо, зажаренную, но все еще визжащую. Он появляется перед Конайре, королем Ульстера, как чудовищный

Рис. 35. Каменная фигурка из позднего железного века: человек с гривной на шее и изображением дикого кабана вдоль торса

или в разобранном виде, обилие металлических предметов, включая оружие или личные вещи, а также остатки свиных ребрышек.

Почтение к диким кабанам и уверенность в их храбрости проявлялись, в частности, в изображениях кабана на шлемах и щитах воинов железного века. В I веке до н. э. кто-то сделал подношение — вероятно, богу победы — на реке Уитем в Линкольншире: щит, украшенный фантастическим изображением кабана, и воинские трубы с основанием в виде головы вепря. В битве такой декор должен был устрашать противника: античные авторы особо отмечали, что галлы использовали на поле боя психологические приемы воздействия, почти такие же эффективные, как оружие.

человек с одним глазом, одной рукой и одной ногой, с голеньями толщиной в хомуты и ягодицами размером с огромные сыры — все эти телесные отклонения указывали на его принадлежность к потустороннему миру.

В Ульстерском цикле есть особая легенда под названием «Повесть о кабане Мак Дато»; речь в ней идет, в частности, о порции свинины, на которую имеет право герой и которая становится поводом для острой вражды между Ульстером и Коннахтом. Мак Дато был королем Лейнстера, у него был огромный пес, на которого с завистью взирали жители обеих провинций. Король обещал подарить собаку и в Ульстер, и в Коннахт. Когда обе стороны пришли, чтобы забрать животное, король Лейнстера пригласил их на пир в главном зале, и центральным блюдом была, разумеется, гигантская жареная свинья. Между воинами Ульстера и Коннахта вспыхнула ссора по поводу того, кому должна быть предоставлена почетная лучшая порция, «доля героя», и тогда Мак Дато выпустил своего пса, чтобы посмотреть, какую сторону он предпочтет: пес выбрал ульстерцев, и люди Коннахта были побеждены. Учитывая, что рассказ был частью Ульстерского цикла, результат вряд ли можно назвать неожиданным.

Пиршества существовали и в валлийском потустороннем мире. Самое яркое описание такого пира можно найти в первой ветви «Мабиноги», когда Пуйлл, героический лорд Диведа, менялся местами с Арауном, королем потустороннего мира, на срок в один год и один день. Пуйлл нашел в ином мире самый роскошный двор, который когда-либо видел, с огромными залами и ожидающей его знатью. Королева Арауна предстала в шитой золотом шелковой парче, наряды рыцарей и дам сверкали драгоценными камнями, столы ломились от яств — с такой расточительностью Пуйлл никогда раньше не сталкивался. Он провел год в охоте, пирах, пении и приятных разговорах.

• КЕЛЬТСКИЙ ГЕРОЙ •

Герои играют центральную роль в мифах: они — сверхчеловеческие, полубожественные персонажи, которые соединяют материальный мир и мир духов. Такие гибридные, необычайные, «пограничные» фигуры одновременно очень мощны и уязвимы, потому что не принадлежат ни к какому лагерю. Боги не могут устоять перед соблазном общения с ними, часто используя их в своих интересах, например в битвах за превосходство над богами-соперниками. Мы видим это и в античной мифологии, где немало великих людей, героев-полубогов, таких как Ахилл, Геракл и Эней.

В кельтской мифологии герои — почти исключительно мужчины — были воплощением, идеалом мужской доблести. Некоторые, как валлийский Бран, были великанами; другие, как герой Ульстера Кухулин, с самого раннего детства демонстрировали выдающиеся, сверхчеловеческие качества воина.

Герои и единоличная битва

Сверкают семь драгоценных камней.

Острыми копьями вооружен,

В красном плаще с застёжками он. <...>

Все войско сразит он своей рукой.

Напрасно вы теснитесь толпой —

Все сложите головы из-за него.

Федельм речет ему торжество.

Похищение Быка из Куальнге

Пророчица Федельма предупредила королеву Медб о мастерстве Кухулина, героя Ульстера, в единоличной схватке (см. ниже). Центральным текстом среди мифических сказаний Ульстера является «Похищение Быка из Куальнге» — сага о войне между великими ирландскими государствами Ульстером, королем

которого был Конхобар, и Коннахтом, управляемым королевой Медб. Давний конфликт между ними разгорелся из-за соперничества между двумя великими быками: кто лучше — бурый Донн из Ульстера или Финнбеннах, «Белорогий», из Коннахта. Хотя бык, принадлежавший королеве Медб, был известен своей храбростью и крутым нравом, она жаждала заполучить Донна и пыталась «одолжить» его. Когда ульстерцы отказались, королева собрала большую армию для вторжения в Ульстер, чтобы силой взять Донна, и с этого началась великая война. Ульстерцы оказались в невыгодном положении из-за проклятия, которое в определенное время делало их слабыми, как женщины при родах. Единственным человеком, свободным от этого бедствия, был Кухулин, и он, герой-сверхчеловек, в одиночку выступил против воинов Коннахта; впрочем, ему помогала богиня битвы Бадб, его покровительница. Два быка также сражались друг с другом: Донн из Ульстера убил Белорогого быка Медб, но затем погиб, обессилев в этой схватке.

Единоличным бой и одинокий герой — обычные тропы в мифологии: можно припомнить битву между Ахиллом и Гектором у стен Трои, между Давидом и великаном-филистимлянином Голиафом в Ветхом Завете. Описывая сражения галлов железного века в I веке до н. э., античные авторы не раз упоминали именно такую форму военной прелюдии: войска готовились к бою, но сперва каждая из сторон выставляла героя для единоборства. Иногда дело ограничивалось обменом похвальбой и оскорблениями, демонстрацией прекрасных доспехов, грохотом оружия и воинственными возгласами. Но если схватка все же происходила, ее исход часто решал вопрос о победе или поражении без общего кровопролития. Таким образом, роль героя как бойца, выступавшего от имени всех, была чрезвычайно важна для сообществ, и не только для престижа: он помогал племени не терять попусту ограниченный человеческий ресурс.

• КУХУЛИН: ГОНЧАЯ КУЛАННА •

«Коли отыщется в Ирландии щенок того же семени, что эта собака, — ответил тот, — обещаю растить его, покада не станет служить он, как было прежде. А до этой поры сам я как пес буду беречь его землю и скот»... «Да и мне самому не решить бы вернее, — промолвил Катбад, — отчего бы теперь не носить тебе имя Кухулин?»

Похищение Быка из Куальнге

Величайший герой Ульстера Кухулин изображен как существо сверхъестественное, некто больший, нежели обычный человек. Неясно, кто был его отцом, предположительно Луг, бог света и ремесел. Как и подобает истинному гиганту среди смертных, Кухулин уже в детстве проявил себя значительными деяниями: когда ему было всего пять лет, он в одиночку разгромил 50 молодых воинов короля Конхобара. Еще ребенком он потребовал, чтобы ему дали оружие и признали полноправным бойцом; сломав 15 комплектов оружия, он наконец выбрал то, что принадлежало самому королю, но попросил сперва укрепить его, чтобы оно соответствовало силе нового малолетнего владельца-богатыря. Необычайно ранняя зрелость Кухулина видна была и по его внешности: он был не только ослепительно красив, но и имел телесные особенности: волосы трех цветов, по семь зрачков в каждом глазу и по семь пальцев на руках и ногах.

Часть его имени «Ку-» по-ирландски означает «собака»; такое определение часто использовали как форму привилегированного титула особо доблестных и умелых бойцов. Первоначально имя Кухулина было Сетанта, но он примечательным образом обрел «собачье» прозвание. В детстве он убил собаку кузнеца Куланна и в качестве добровольного покаяния и компенсации пообещал тому служить вместо собаки и охранять кузницу, назвав себя «собакой Куланна».

Эта ситуация в дальнейшем грозила Кухулину гибелью, поскольку из-за этого на нем лежал гейс: никогда не употреблять в пищу собачье мясо. Нарушение такого запрета-проклятия в мифах обычно предвещает личную катастрофу, и, действительно, ближе к концу жизни герой вынужден был нарушить этот запрет, чтобы не переступить другое табу — отказ от гостеприимства. Ему, как гостю, подали собачье мясо, и он попал в ловушку двух взаимоисключающих запретов, из которой невозможно было выбраться. Съев предложенное ему мясо, Кухулин определил свою судьбу: вскоре он был убит в бою.

Связь Кухулина с животными выделяла его именно как сверхъестественного героя. Помимо собак особыми животными для него были лошади. Два жеребенка родились в тот же момент, что и он, и они выросли вместе с ним, а потом служили ему в колеснице. Их назвали Серый из Махи и Черный из Сайнгленн (Чудесной долины). Судьбы этих коней были неразрывно связаны с его собственной: перед последним роковым сражением Кухулина Серый плакал кровавыми слезами.

Обучение у Скатах

Молодой Кухулин обучался военному делу у Скатах, чье имя означает «Та, что в тени». Она была не только грозным бойцом, но и пророчицей, которая могла предсказывать будущие события. Она превосходно обучила Кухулина, превратив его в боевую машину, которую никто не мог победить. Скатах жила «на земле Альбы» (все, что мы знаем об этом месте, — это то, что оно находилось где-то к востоку от Ульстера — возможно, в Шотландии). Когда молодой герой прибыл туда, другие ее ученики направили его на остров, до которого надо было идти по мосту, недоступному для человека, еще не обладавшего боевыми навыками. Трижды Кухулин пытался преодолеть мост, и трижды дальний конец сооружения опрокидывался, сбрасывая его и нанося удар по спине. Наконец Кухулин

Божественный Повелитель Собак в римской Британии

Божество, которому поклонялись в святилище в Неттлтон-Шраб в Уилтшире, называлось Аполлон Куномагл, «Повелитель собак». Анонимный бог-охотник в виде каменной скульптуры из Саутуарка в Лондоне представлен стоящим между двумя большими собаками. Это только два из многих местных божеств римской Британии, связанных с охотой. Собаки, по-видимому, занимали центральное место в охотничьем культе, и не исключено, что близость между собаками и божествами охоты каким-то образом питала миф о Кухулине.

Согласно многим традициям, охотник был фигурой, стоящей особо от других, и от него требовалось перед охотой воздерживаться от всего, что могло осквернить его, в том числе от сексуальных контактов. Не менее сложными были и отношения между

охотником и добычей. Необходимо было проявлять уважение к диким животным, иначе они покинут территорию и лишат возможности охотиться. В мифологическом сознании охота заключала в себе замысловатые и явно противоречивые связи между ее участниками. В некотором смысле охотничья собака служила посредником между людьми и животными; не случайно в одном из валлийских преданий стая потусторонних охотничьих собак обеспечивала переход между миром людей и миром духов. Сам Кухулин, как герой-полубог, также исполнял роль посредника между уровнями космоса.

Рис. 36. Римско-британская резная фигура бога-охотника из лондонского района Саутуарк

пришел в бешенство и пробежал по мосту так быстро, что не нарушил его равновесия.

Прекрасная дочь Скатах, Уатах, встретила героя Ульстера у ворот материнского дома. Она сообщила ему, что, если он действительно хочет изучать искусство боя, он должен прыгнуть в дупло большого тиса, где отдыхала ее мать, положить меч между ее грудей и заставить ее пообещать ему три вещи: тщательное обучение, приданое для вступления в брак с Уатах и пророчество о его будущем. Он сделал это, и Скатах приняла его в ученики.

Герой-берсерк

Тут в первый раз исказился Кухулин, став многоликим, ужасным, неузнаваемым, диким. Вздогнули бедра его, словно тростник на течении иль дерево в потоке, задрожало нутро его, каждый сустав, каждый член. Под оболочкою кожи чудовищно выгнулось тело — так, что ступни, колени и голени повернулись назад, а пятки, икры и ляжки очутились впереди. Сухожилия икр стянулись впереди голени, и каждый могучий округлый их узел был не меньше кулака воина. У затылка сошлись мышцы головы, и любой из их непомерных, бессчетных, могучих, увесистых круглых бугров был подобен голове месячного ребенка...

Похищение Быка из Куальнге

Хотя ирландская мифология изобилует героями, Кухулин единственный, кто регулярно впадал в некий раж, своего рода маниакальное перевозбуждение в бою, которое позволяло ему убивать огромное количество вражеских воинов. Но в этом состоянии герой становился настолько безумным, что не мог различить своих и чужих. Очаровательная история о такой бессмысленной бойне повествует, как однажды ульстерцы были так напуганы неистовством своего героя, что

Магическое оружие Кухулина

Как и положено сверхъестественному герою, Кухулин владел особым оружием и доспехами, которые помогали ему одолеть врагов. Самым ужасным было Га Булга — копье с зазубренным наконечником, всегда наносившее смертельные раны. Бог моря Мананнан подарил герою щиток к шлему, защищавший лицо. А колесничий Кухулина мог надевать плащ-невидимку, покрывавший всю колесницу, его самого, Кухулина и лошадей.

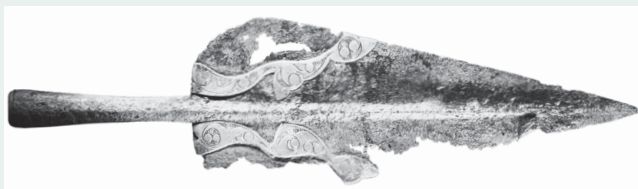

Рис. 37. Наконечник копья из железного века, декорированный золотом; найден на дне Темзы в пределах Лондона

отправили навстречу Кухулину группу обнаженных женщин в надежде, что берсерк смутится, увидев их, и это успокоит его. Однако это не удалось, и стало ясно, что нужно нечто более радикальное, чтобы вывести героя из его яростного безумия. Ульстерцы решили охладить его в котле, и потребовалось три сосуда ледяной воды: первый котел взорвался от жара его тела; во втором вода кипела и бурлила; только вода в третьем охладила его достаточно, чтобы бешенство Кухулина сошло на нет.

Боевой раж, в который впадал герой, имел ужасные физические последствия: тело Кухулина сотрясали спазмы, жилы извивались под кожей, волосы вставали дыбом, вокруг головы появлялось сияние, мышцы его раздувались, как будто хотели вырваться из тела наружу, один глаз выпучивался, а другой глубоко погружался в череп, губы растягивались в гримасу, обнажая глотку, мощный боевой клич вырывался из его груди

и вызывал духов битвы, которые завывали вместе с ним — так, что противники сходили с ума от страха.

Прикосновение богов:

Кухулин и сверхъестественное

Поднялся мальчик на колесницу, но лишь начал трясти ее и раскачивать, как разлетелась она на мелкие кусочки. В щепки разнес он вторую и третью, да и все семнадцать колесниц, что держал Конхобар в Эмайн для утех юношей, и ни одна не устояла перед ним... Возница привел лошадей и запряг в колесницу, а мальчик взошел на нее и принялся раскачивать, но невредимой осталась колесница.

Похищение Быка из Куальнге

Сверхъестественный статус Кухулина подкрепляется дальнейшими рассказами о нем, особенно пророчествами о его героических деяниях и его близкими отношениями с боже-ствами. Еще в детстве будущий герой Ульстера потребовал, чтобы ему разрешили носить оружие. Друид Катбад предсказал, что человек, который впервые взялся за оружие в тот день, будет жить недолго, но славно. Когда между Коннахтом и Ульстером назревала война, пророчица Федельма правильно предсказала королеве Медб, что ее королевство будет побеждено белокурым юношей, от головы которого исходит сияние, губы кривятся в рычании, в глазах которого не по одному, а по нескольку зрачков — и этот человек утопит Коннахт в море крови.

На протяжении всей своей жизни боги и богини и мучили Кухулина, и помогали ему. Во время изнурительной болезни героя вылечил его отец Лут, но наибольшее божественное влияние на Кухулина оказали боевые фурии, Морриган и Бадб. Обе они являлись порой в виде триады, обладали способностью менять облик, и зачастую их видели на поле битвы в виде ворон, пирующих на телах павших. Самая поразительная встреча между

Кухулином и этими грозными богинями произошла во время конфликта из-за двух великих быков Ульстера и Коннахта.

К герою подошла знатная молодая девушка и заявила, что любит его, восхищается его великими делами и потому принесла ему дары в виде сокровищ и скота. Довольно грубый ответ Кухулина состоял в том, что в данный момент его не интересует секс, у него на уме вещи поважнее. В ответ на его резкость девушка раскрыла свою истинную личность: это была Морриган. Она угрожала напасть на него в реке как морской угорь, затем на земле как серая волчица и, наконец, как рыжая телка. Его встречные угрозы заставили ее на время покинуть Кухулина.

Рис. 38. Бронзовая скульптура в натуральный размер изображает умирающего Кухулина, привязанного к дереву, чтобы он не упал; Бадб представлена в образе ворона битвы на его плече. Создана Оливером Шепардом в 1916 году для главного почтамта Дублина

Смерть героя предвещало появление «мойщицы у брода», одного из воплощений Морриган: она мыла доспехи тех, кому предстояло быть убитыми. Когда Кухулин поднялся на колесницу, оружие упало к его ногам, словно покидая его (или, возможно, оплакивая его грядущую гибель). Кухулин получил смертельные ранения на поле битвы, погиб, как положено герою, — с оружием, сделанным богом (его копье было выковано богом-кузнецом Вулканом). Зная, что он вот-вот умрет, Кухулин привязал себя к столбу, чтобы умереть стоя, лицом к врагу, сияние вокруг головы героя потускнело, и Морриган (по другой версии — Бадб), сидевшая на его плече в виде вороны, дала знать его противникам, что он мертв и приближаться к нему безопасно.

• ПРИДЕРИ И ВАЛЛИЙСКАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ •

Мальчика нянчили в доме, пока ему не исполнился год. Через год он уже мог ходить и выглядел старше трехлетнего ребенка, даже самого рослого и здорового. Когда же ему пошел второй год, он выглядел как шестилетний. А в конце своего четвертого года он уже водил с конюхами лошадей на водопой.

Мабиноги. Первая ветвь

Чтобы стать кельтским героем, нужно, чтобы детство было особенным — например, как у Кухулина. Это утверждение справедливо и по отношению к Придери, сыну Пуйлла, лорда Ллис Арберта, и его жены Рианнон, которая сама была сверхъестественным существом, предположительно богиней лошадей. Мы уже знаем (см. с. 94–96), что младенцем, вскоре после рождения, Придери исчез, а его мать была несправедливо и жестоко наказана. Но что стало с ребенком, украденным с ложа уснувшей Рианнон?

Тайные шаманы

Сказания, в которых Кухулин занимает центральное место, позволяют осторожно предположить, что этот образ сложился в древности, задолго до Средневековья. Эти легенды пронизаны образами, явно указывающими на архаическую традицию шаманизма. Герой Ульстера переживал опыт выхода из тела, когда впадал в состояние берсерка, и его спазмы и странные физические движения-деформации можно сопоставить с состоянием шамана. Тесная связь героя с собаками и лошадьми означает, что эти животные были его духовными помощниками, что тоже типично для шаманов, которым определенные существа помогали поддерживать контакт между миром людей и миром духов.

Что касается Морриган, она предстает в этих сказаниях оборотнем, что тоже отсылает нас к теме шаманизма. Эпизод в «Похищении Быка из Куальнге», когда Морриган использовала свою силу для преобразования у брода, также возвращает нас к шаманизму. Во многих шаманских традициях мелкая вода ассоциируется с шаманскими ритуалами, потому что именно в таких местах мембрана между миром людей и миром духов считалась самой тонкой и проницаемой.

Рис. 39. Бронзовый конь из Нёйи-ан-Сюльяс (Франция)

Рис. 40. Золотая монета железного века с изображением обнаженной всадницы с копьем и щитом (Британия)

Место действия в сказании перемещается из Ллис Арберта в Гвент-Искод, ко двору местного лорда Теринона Турива Лианта. На протяжении многих лет дом его был омрачен странным событием, которое происходило каждый год накануне мая: лучшая кобыла рождала превосходного жеребенка, который каждый раз исчезал, едва появившись на свет. В ту самую ночь, когда в Ллис Арберте при неясных обстоятельствах пропал сын Рианнон и Пуйлла, Теринон решил не спать всю ночь и следить за своей конюшней, чтобы попытаться раскрыть тайну.

Как только его кобыла родила очередного жеребенка, в окне появился огромный коготь, который схватил новорожденного и потащил его наружу. Теринон немедленно нанес удар, отрубил когтистую руку и вернул жеребенка. Когда он это сделал, со двора донесся потусторонний крик и шум. Теринон выбежал из конюшни, но ничего не смог разглядеть в темноте. Возвращаясь к лошадям, он обнаружил, что на пороге лежит прекрасный мальчик, завернутый в шаль из шелковой парчи, что, безусловно, свидетельствовало о благородном происхождении младенца.

Теринон и его жена решили оставить ребенка у себя и воспитать его как собственного сына, назвав его Гури Златовласый из-за светлых волос мальчика. Вскоре они начали замечать, что малыш намного опережал своих сверстников, а за год он вырос так, словно минуло уже года три. Тут рассказчики мифов умело начали замыкать символический круг повествования. Слушатели, вероятно, уже догадывались, что ребенок этот был не кем иным, как пропавшим сыном Рианнон и Пуйлла, но прежде, чем раскрылась его истинная личность, сказитель тщательно подготовил кульминационную сцену.

Когда Гури исполнилось четыре года, жена Теринона предложила, чтобы тот жеребенок, которого спас ее муж в день обретения мальчика, был подарен сыну. Этот жест как бы намекает на конскую тему и Рианнон, повторно связывая ее сына и лошадей. Круг замыкается, когда история о пропавшем сыне Пуйлла доходит до Гвент-Искода; Теринон догадывается, что их приемный сын удивительно похож на Пуйлла, и возвращает

Рис. 41. Богиня Эпона в традиционной позе, на коне, с плодом в руке. Божественная всадница могла послужить источником легенды о Рианнон

его в Ллис Арберт к великой радости безутешных родителей. Рианнон очищена от ужасного обвинения и тяжкого наказания, но решает переименовать мальчика, назвав его Придери, что буквально означает «забота» или «беспокойство».

Как и в истории Кухулина, сверхъестественные и необычные мотивы в жизни героя акцентированы, выделяя Придери из числа обычных людей. Непонятно, почему Рианнон избежала казни, несмотря на обвинение в двойном преступлении: детоубийстве и каннибализме. Ребенок необъяснимым образом исчез и был найден вдали от дома на пороге — в том особом, символическом месте, которое традиционно означало промежуток между мирами, где люди и потусторонние существа могли соприкасаться. Подчеркнута и связь Придери с лошадьми — в частности, параллелизмом с жеребенком мужского пола, родившимся в момент его обретения. Мотив обмена младенца тоже типичен для кельтской мифологии и обычно указывает на удивительную дальнейшую судьбу персонажа. И, конечно же, самым ярким проявлением грядущего героизма и чертой сверхъестественного существа был быстрый рост Придери, а также тот факт, что он — как и Кухулин из Ульстера — назван самым красивым и физически совершенным из людей.

МАГИЧЕСКИЕ ЖИВОТНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ СУЩЕСТВА

«О, Орел из Гверн-Абуи, мы, посланцы Артура, пришли к тебе спросить, слышал ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?» Орел ответил: «Давно я прилетел сюда; и когда это случилось, здесь лежал большой камень, о который я каждый вечер точил когти».

Килхух и Олвен

Основой кельтской мифологии было ощущение, что духи скрываются в каждом уголке ландшафта. Отношения между людьми и воспринимаемым ими духовным миром могли быть непростыми, полными риска и нестабильности. Границы между двумя мирами иногда сдвигались и становились проницаемыми, что открывало пути для взаимного проникновения. основополагающий принцип постоянного присутствия оборотней и магических животных, судя по всему, гласил: материальный мир, населенный людьми, по природе своей нестабилен. Он больше похож на зоны землетрясений на подвижных тектонических плитах. Способность божеств вмешиваться в человеческую жизнь была первостепенной темой кельтских мифов.

Хотя такие мотивы никогда прямо не назывались, в легендах можно найти признаки шаманского статуса целого ряда людей, которые обладали способностью перемещаться между мирами. Одним из главных способов осуществить это зачастую было умение принимать форму животных. «Нормальный» порядок вещей мог быть буквально опрокинут: животные и люди обменивались физическими формами, боги являлись людям в виде обычных людей, зверей или чудовищ, а богини чередовали облик юной девы, зрелой матроны и старухи.

Нарушители правил могли быть превращены в животных в качестве наказания, а звери иногда наделялись человеческими навыками и способностями, такими как речь, а иногда и пророческим даром. Некоторые животные — особенно собаки, лошади и крупный рогатый скот — без сомнения, являлись посланниками из потустороннего мира. Это можно понять по их внешности: они были ослепительно белыми, красными или белыми с красными ушами. Средневековый сказитель упоминал цвет животных, чтобы донести до слушателей информацию о магии и чарах. Те же, кто слушал сказания, были знакомы с такой символикой и воспринимали ее значение как нечто само собой разумеющееся.

• ПРОКЛЯТИЕ МАТА •

И он поднял волшебный жезл и ударил им Гилвэтуи, и тот превратился в оленюху. Он ударил и Гвидиона, который хотел убежать, и тот стал оленем. «В наказание я велю вам жить вместе, как диким зверям, облик которых вы приняли. И у вас будет то же потомство, что и у них. Через год в этот же день вы придете ко мне».

Мабиноги. Четвертая ветвь

В ирландских мифах изменение формы между человеческой и животной часто было совершенно добровольным. Например, богини сражений — Морриган и Бадб — по желанию превращались из женщин в ворон и обратно. В мифологической традиции валлийцев, однако, изменение облика зачастую являлось наказанием за проступки. Так случилось с племянниками короля Мата Гвинедского. Когда Гвидион и Гилвэтуи составили заговор с целью овладеть Гойвин, девственницей, державшей ноги короля на коленях (см. с. 98–99), они нанесли

удар по самым основаниям власти Мата. Поэтому неудивительно, что он быстро и жестоко отомстил братьям, лишив их человеческого облика и даже пола.

Он превратил племянников в три разные пары диких животных попеременно: год за годом в течение трех лет они меняли облик. На первый год Гилвэтиви стал оленихой, а его брат — самцом оленя, и в конце года они появились при дворе Мата со своим олененком. В следующем году их пол поменялся: Гвидион стал дикой свиньей, а Гилвэтиви — диким кабаном, и в конце года пара предстала перед королем со своим поросянком. В следующем году виновные братья превратились в пару волков и произвели на свет волчонка.

В конце третьего года Мат снял чары, но их потомство, хотя и обрело человеческий облик, сохранило способность к оборотничеству. Дети были крещены и названы в честь животных: Гитун (олень), Гихтун (свинья) и Блейтун (волк). Их магическая природа выразилась также в слишком быстром росте и взрослении. Как и герои Кухулин и Придери, все трое в детстве развивались так стремительно, что не соответствовали обычному человеческому возрасту. Таково было последствие колдовства Мата.

• МУДРОСТЬ ЛОСОСЯ •

Трижды пытался Кухулин вступить на мост и перейти его, но воистину никак не мог этого сделать. Тогда искажился Кухулин, подошел к мосту и, совершив прыжок лосося, вскочил прямо на его середину.

Сватовство к Эмер

Параллели между валлийскими и ирландскими мифологическими традициями нигде не являются более очевидными,

чем в общей истории о волшебном лососе, который обладал дарами знания, мудрости и пророчества, намного превосходящими любые человеческие возможности. Не сразу понятно, почему это существо вплеталось в богатый гобелен легенд о людях, животных и связях с духами. Но можно предположить, что наблюдение за жизненным циклом лосося, его путешествиями на большие расстояния, требующими значительных физических усилий, умением существовать как в пресной, так и в соленой воде, его безошибочным инстинктом возвращения в домашние воды для размножения и его способностью подниматься до водопадов — едва ли не взлетать к ним — привело к убеждению, что лосось обладает сверхъестественными качествами и невероятным умом.

Миф о мудром лососе сохранился в цикле фениев, главным героем которого был Финн (название «фениев» происходит от его имени). Сказание о лососе полно шаманизма, поскольку юноша Финн обретает таланты с помощью барда Финнегаса (обратите внимание на общую основу их имен), который жил на берегу реки Бойн — зачарованного водного пространства, олицетворения богини Боанн и ворот в мир духов. В момент встречи Финна и Финнегаса последний ловил знаменитого Лосося мудрости в заводи: он тщетно занимался этим в течение семи лет. Лосось, в свою очередь, приобрел необычайные свойства, поедая орехи, выросшие на девяти волшебных деревьях, плодоносящих на морском дне.

Когда Финн подошел к Финнегасу, тот как раз поймал рыбу и передал ее юноше с указанием приготовить ее на огне. В процессе готовки молодой герой случайно дотронулся до жгучей горячей мякоти рыбы большим пальцем и инстинктивно положил палец в рот, чтобы облегчить боль. Мгновенно он был наделен всей мудростью и знаниями, которыми обладал лосось, и стал великим провидцем. Этот жест Финна породил ирландскую поговорку о «большом пальце провидца» и веру в то, что

большой палец может обладать особой духовной силой. История перекликается с валлийским преданием «Котел Керидвен» (см. с. 32), в котором юный слуга Гвион, помешивая магическое варево в котле, случайно обрел знания из-за того, что часть вещества попала ему на руку: на самом деле Керидвен готовила волшебное яство для своего злополучного сына Аватгу.

Рис. 42. Гранитная скульптура железного века из Ланньюнока (Бретань, Франция) с чрезмерно крупными поднятыми большими пальцами

Большой палец пророка

Обожженный большой палец молодого Финна непреднамеренно принес ему все знания Лосося мудрости. Так называемый «большой палец провидца» стал частью кельтской традиции, которая предшествовала раннесредневековым собраниям сказаний и легенд, поскольку к концу железного века в Галлии существовали изображения божеств с очень крупными, акцентированными поднятыми большими пальцами. Некоторые из конных богинь на бретонских монетах включают образы женщин-колесничих (возможно, ранних предшественниц Медб, см. с. 160–161), держащих поводья указывающими вверх гигантскими большими пальцами. Гранитная статуя из Ланньюнока, также в Бретани, изображает безголовое туловище, практически лишенное деталей, за исключением пары очень крупных кистей рук с выступающими поднятыми большими пальцами. У одного из найденных в болоте тел позднего железного века (из Линдоу-Мосс в Чешире) был дополнительный большой палец. Может ли быть, что его воспринимали как провидца?

Валлийский вариант рассказа о Лососе мудрости содержится в предании «Килхух и Олвен». В стремлении найти божественного охотника Мабона, сына Модрон (их имена означают «Молодой сын» и «Мать»), чтобы заручиться его помощью в поисках Олвен, Килхух советовался с чередой заколдованных зверей, способных общаться с людьми, а также с одним из людей Артура, человеком по имени Гурир («Переводчик языков»). Среди говорящих животных в этом предании упоминался Лосось Ллин Ллив, одно из древнейших (и, следовательно, самых мудрых) существ на земле. Гурир узнал о существовании Лосося от другого говорящего дикого создания, Орла Гверн-Абуи, который пытался поймать магическую рыбу, но вместо этого был утянут ею глубоко под воду. Затем птица и рыба помирились, и Орел подумал, что Лосось сможет помочь Гуриру и его товарищу найти Мабона. Орел вызвал Лосося, и тот согласился помочь. Он взял двух мужчин

Рис. 43. Бронзовая фигура из римской Британии: бог войны держит в руках рогатых змеев

на свои огромные плечи и отнес их к Мабону, который томился в темнице. В конце концов охотник был освобожден рыцарями Артура и присоединился к Килхуху в поисках Олвен.

• СМЕШАННЫЕ ТЕЛА: АРХЕОЛОГИЯ ОБОРОТНИЧЕСТВА •

*Я приду к тебе в облике серой волчицы, чтобы возглавить
полчища против тебя.*

*Я явлюсь тебе в виде безрогой красной телки и приведу
стадо к твоему водоему, и ты не узнаешь меня.*

Из разговора Кухулина и Морриган.

Похищение Быка из Куальнге

Проницаемость и размывание границ между людьми и животными, столь очевидные в мифологии, находят параллели в иконографии западноевропейского железного века и в искусстве эпохи римского господства. Образы строятся из сочетания несочетаемого: формы быков или кабанов могут задаваться

Рис. 44. Одна из внутренних серебряных пластин Гундеструпского котла (Дания) эпохи железного века с изображением божества с оленьими рогами, которое держит в руках змею с рогами барана

Люди-кошки

*Кайрбре крут и грозен был,
Юг и север захватил,
Уши кошки — краше всех! —
На ушах — кошачий мех.*

Средневековый ирландский поэт Эохайд Уа Флойнн

Эти строки сохранились в тексте XII века. Его центральным персонажем был военачальник по имени Кайрбре Жестокий. Животные черты этого красавца, вероятно, указывали на звериную беспощадность жестокого завоевателя, но конкретный намек на кошек заслуживает особого внимания: это признак хитрости и скрытности. Однако поэт, вероятно, обращался и к древней шаманской традиции, согласно которой мужчины и женщины, проводившие церемонии, надевали костюмы животных, чтобы достичь близости с духами. Найденные в римской Британии глиняные черепки из Каэрлеона (Южный Уэльс) изображают человеческие головы с кошачьими ушами, а другая бородатая каменная голова с заостренными кошачьими ушами была обнаружена в Донкастере (Йоркшир).

Рис. 45. Глиняный антефикс (фигурная черепица на углах кровли) в виде человеческой головы с кошачьими ушами из римского укрепленного лагеря легионеров в Каэрлеоне (Южный Уэльс)

с помощью рогов или иных характерных деталей, появляются лошади с человеческими лицами и змеи с рогами барана. В иконографическом репертуаре часто встречаются полулюди. Самым стойким гибридом можно назвать образ человеко-оленя; наиболее выразительный из них — на Гундеструпском котле, где человек с оленьими рогами сидит в окружении животных, включая оленя с точно такими же рогами, стоящего рядом с человеко-оленом, как будто нам показывают процесс превращения, перехода из одного состояния в другое.

Гендерное смешение также присутствует в фигурах с оленьими рогами, так как на некоторых галльских бронзовых статуэтках изображены женщины с разветвленными рогами на головах. У нас нет точного имени для этого персонажа, однако есть одна подсказка благодаря изображению на резной каменной колонне из Парижа, установленной в 26 году н. э. в честь Юпитера. Среди множества античных и собственных галльских образов этого памятника можно найти бородатую голову с оленьими рогами, с каждого из которых свисает кольцо; над ним читается надпись «Кернунн» (Cernunno — «Рогатому»).

Рис. 46. Каменный рельеф: человеческая голова с оленьими рогами с подвешенными на них кольцами; памятник в честь Юпитера, установленный Союзом лодочников на Сене, Париж, 26 год н. э.

Перемешивание тел зафиксировано и в человеческих останках железного века. Некоторые погребения содержат смешение частей тел человека и животных, как если бы во время процессуальной церемонии хотели продемонстрировать зыбкость границ между ними. И эти археологические находки в погребениях, и иконографические свидетельства говорят нам о способе восприятия мира, в котором возможно преодоление порогов и границ, где существование плавно и непрерывно, а люди и животные способны обмениваться формами в обоих направлениях. Вполне возможно, подобные идеи кельтской мифологии

Шаманские люди-птицы в Ирландии

...но тут сбросили птицы оперение и предстали перед Конайре воинами с мечами и копьями. Вступился тогда за него один из птиц-воинов и сказал: «Я Немглан, король птиц твоего отца».
Разрушение дома Да Дерга

В двух мифических сказаниях содержатся мощные образы провидцев-оборотней, которые обретали форму птиц, чтобы их души перелетали между слоями Вселенной; их считали существами с двумя душами. «Осада Друим Дамгайре» представляет хронику соперничества между Кормаком, королем Ульстера, и Мог Руитом, слепым пророком; оба они утверждали, что обладают магическими способностями, превосходящими силы соперника. Чтобы попасть в мир духов и таким образом выиграть состязание, Мог Руит надел плащ из шкуры быка и головной убор из пестрых птичьих перьев. Пестрота имела большое значение, поскольку двойная окраска символизировала двойственный статус Мог Руита как существа, принадлежавшего как к миру людей, так и к миру духов.

Благодаря птичьему облику провидец мог летать и вызывать поддержку духов против магии Кормака. Физическая слепота пророка также является ключом к пониманию его статуса провидца, поскольку многие пророки в древности были лишены обычного зрения, что приводило к обострению их внутренних визионерских сил. Прорицатель Тиресий в древнегреческой

отражают гораздо более раннюю — вероятно, шаманскую — традицию, которая признавала важность животных как проводников между мирами и необходимость для людей принимать облик животных ради общения с духами.

• ГОЛОС ВОРОНА: ИРЛАНДСКИЕ БОЕВЫЕ ВЕДЬМЫ •

Мощная мифологическая традиция в Ульстерском цикле связана с богинями войны. Сами они не принимают участия

мифологии и израильский пророк Ахия в Ветхом Завете были слепы. В некоторых современных шаманистских общинах, например у индийского народа савара, шаманы-провидцы закрывают лица при входе в состояние транса, достигая духовного зрения и способности поддерживать связь с духами.

Человек-птица по имени Немглан был тесно связан с мифическим ирландским правителем Конайре Мором, чья жизнь описана в сказании «Разрушение дома Да Дерга». Его история пронизана намеками на чары, магию и проницаемость границ между мирами людей и духов. Как и герой Ульстера Кухулин, Конайре Мор был связан гейсами: ему запрещалось охотиться на птиц или убивать любую птицу. Этот запрет был наложен отцом во время его зачатия. Перед вступлением на королевский престол Конайре получил указания от Немглана, который наложил на нового короля серию гейсов и усилил запрет на причинение вреда птицам. Однажды Конайре нарушил гейс в отношении птиц, и тогда стая птиц, которых он пытался убить, сбросила все свои перья и напала на него. Во главе этого птичьего войска был Немглан, оборотень, который пытался защитить Конайре от остальных летучих созданий. Как и Мог Руит, Немглан был шаманом, существом с двумя душами, способным пересекать порог между мирами людей, животных и духов.

Рис. 47. Каменный рельеф железного века: человек-птица из долины Камоника (Италия). Шаманская практика ношения крыльев с перьями восходит к периоду свыше 5000 лет назад

в битвах, но вмешиваются в ход событий, вызывая напряженность между противоборствующими силами, провоцируя кровопролитие, и — вероятно, самое зловещее их свойство — в виде воронов клюют трупы павших на поле боя. Эти темные божества были озабочены прежде всего смертью, но также демонстрировали сексуальную ненасытность, пытались соблазнить молодых героев, например Кухулина, как мы уже видели (см. с. 126–128).

Две основные боевые фурии — это Бадб и Морриган. До некоторой степени их личности сливались. У каждой из них была способность к многослойному изменению формы: от молодой девы до старухи, от одной до трех одновременно и от женщины до ворона или вороны. Эти предсказательницы несвоевременной и насильственной смерти могли стирать визуальные границы пола: иногда они представляли не просто в виде старухи, а как древние бородатые ведьмы. И тогда

было затруднительно понять, мужское или женское начало они выражают. Связь между вороном/вороной и мертвыми очевидна: черные птицы-падальщики не делали различия между животными и людьми. Должно быть, эти птицы были частыми и первыми посетителями мест массовых убийств. Их сгорбленные силуэты, клювы, выдирающие куски мертвой плоти воинов, напоминали людям злобных старух. Стирание границы между птицей и ведьмой усиливалось хриплым, но похожим на человеческий голосом ворона, а также способностью птицы имитировать человеческую речь.

Любопытным археологическим явлением позднего железного века на юге Британии является неоднократное ритуальное захоронение костей воронов. Давно известно, что люди, построившие городища в Уэссексе, выкапывали глубокие зерновые ямы для хранения семян в течение зимы, но впоследствии эти ямы

Рис. 48. Каменный рельеф с изображением лесного божества с собакой, палицей и открытой сумой, на плечах у которого сидят вороны, из Му, Бургундия (Франция)

аккуратно очищались и заполнялись останками людей и животных. Их не сбрасывали туда как мусор, а складывали целые тела или фрагменты тел людей и животных в определенном порядке. Животные там были почти исключительно домашние, за исключением воронов; причем процент этих птиц среди других видов в погребениях был гораздо выше, чем в природе.

Такая традиция — размещение воронов в ямах наряду с обычными конями, собаками и овцами — требует объяснения. Возможно, как и в более поздних мифах, эти птицы были символами смерти и войны. Но существует предположение, что останки воронов присутствовали в захоронениях, потому что их перья использовались для украшения ритуальных головных уборов жрецов или шаманов. Переодевание в костюмы животных, в том числе использование рогов и перьев, возможно, играло важную роль в религиозных церемониях.

Если в скандинавском материале изображены «подлинные» полулюди-полуживотные, люди-птицы из долины Камоника (Италия) представляют собой менее двусмысленные изображения: мы видим обычных мужчин и женщин в костюмах птиц. В римской Галлии люди-птицы изображались не как слитные формы человеко-птицы, а только как хранители птиц. Скульптура из Му (Бургундия) представляет образ лесного божества, хранителя леса: у него желуды, посох и нож для подрезки ветвей, его сопровождают гончая и две птицы с солидными клювами, похожие на воронов: они сидят у него на плечах и обращены к его лицу — возможно, что-то говорят ему.

• ТРУДЫ ЛЮБВИ: КИЛХУХ И ОЛВЕН •

*Тут юноша залился краской, и внезапно любовь к этой
деве проникла во все его члены, хотя он никогда не видел ее.
И, заметив это, отец спросил его: «Что с тобой, сын мой?»*

Что тебя опечалило?» — «Моя мачеха предсказала мне, что я не женюсь ни на ком, кроме Олвен, дочери Повелителя Великанов». — «Что ж, сын мой, ничего трудного в этом нет, — сказал ему отец. — Ведь в родне у тебя сам Артур. Иди к нему и принеси прядь своих волос ему в дар».

Килхух и Олвен

Другим распространенным животным валлийских сказаний является свинья. Мы уже говорили об ее значении в качестве еды на пирах, а также о том, что галлы считали кабана самым смелым и самым грозным из животных (см. с. 116). Особенно важную символическую роль кабан играет в сказании «Килхух и Олвен». Собственно, имя главного героя означает «Бегущий кабан». Килхух был знатным по рождению и приходился двоюродным братом королю Артуру. Ассоциация героя со свиньями появляется в самом начале сказания, еще до его рождения. Во время беременности мать Килхуха, Голейтит, испытывала ужасное отвращение к этим животным. Однажды она случайно столкнулась со стадом свиней и настолько испугалась, что у нее начались преждевременные роды, и как только родился ребенок, она бросила его. Его нашел свинопас, который и назвал младенца «Бегущим кабаном», и связь Килхуха со свиньями сохранилась на всю жизнь. Он вырос и влюбился в Олвен, дочь великана по имени Исбададен. Отец Олвен выдвинул все возможные возражения против их брака и дал Килхуху несколько невыполнимых заданий. Сам факт, что ему удалось с ними справиться, доказывает его сверхчеловеческий героический статус. Ядро мифа о Килхухе и Олвен составляло самое немыслимое задание Исбададена: принести ножницы, бритву и расческу, которые находились между ушей огромного вепря Турх Труита, некогда бывшего человеком и королем.

Благодаря мистической связи Килхуха со свиньями Турх был для него подходящим противником — добро против зла,

благословенный против проклятого. Само описание Турха сразу давало слушателям представление о том, что зверь явился из потустороннего мира. Не только из-за его огромных размеров, но и из-за того, что щетина вепря блестела как трепещущие серебряные крылья. Килхух заручился помощью короля Артура в этом, казалось бы, невозможном деянии. Турх был грозным противником, но добро одержало верх над злом; приборы для стрижки и расчесывания были с боем сняты с головы зверя, а сам волшебный вепрь бросился в море. Килхух использовал бритву, ножницы и расческу, чтобы привести в порядок бороду Исбададена, и получил Олвен. Килхух и Олвен поженились и жили долго и счастливо, в любви и верности, пока за ними не пришла смерть.

• МАГИЧЕСКИЕ БЫКИ •

Многим был славен Донн Куальнге: пятьдесят телок покрывал он каждый день, и еще до того же часа назавтра приносили они телят; лопалось брюхо у тех, кто не осиливал родов, ибо тяжким было для них семя Донна Куальнге. Вот и еще одно диво: пятьдесят юношей могли каждый вечер тешиться играми на его чудесной спине. Вот и другое диво: ста воинам давал он приют и защиту в своей тени от зноя и холода. Славился он и за то, что ни дух, ни призрак, ни оборотень из ущелий не смел показаться вблизи от него. Славился он и мычанием, что издавал вечерами у своего сарая, навеса и хлева — тут уж сполна наслаждался напевом всякий на севере, юге иль в центре Куальнге, когда бык мычал вечерами у своего сарая, навеса и хлева. Все это малая доля того, чем был славен Донн Куальнге.

Похищение Быка из Куальнге

Крупный рогатый скот занимал центральное место в ранне-средневековой экономике и являлся основой процветания Ирландии: коровы были мерой богатства, и статус правителя определялся количеством поголовья и великолепием его стад. Важность крупного рогатого скота в ирландском обществе оказала огромное влияние на сказание «Похищение Быка из Куальнге», где в центре повествования находятся два огромных магических быка. В начале сказания выясняется, что эти быки не были обычными животными. Бурый бык Донн был таким большим, что пятьдесят мальчиков могли танцевать на его спине. Финнбеннах («Белорогий бык») из Коннахта имел красное тело, белую голову и белые ноги; эти цвета со всей очевидностью указывают на его происхождение из потустороннего мира. Оба быка начали свою жизнь как люди-свинопасы, но были превращены в животных, сохранив способность к человеческому мышлению и языку. Их смертельная схватка, олицетворявшая противостояние двух ирландских провинций — Ульстера и Коннахта, в то же время демонстрировала их роль в плодородии родных земель, их изобилии и процветании.

Галло-британская иконография позднего железного века до пришествия римлян, а затем и римского периода, содержала

Тарбфесс

Символика быков на пластинах котла из Гундеструпа напоминает о примечательном мифологическом ирландском ритуале Тарбфесс, или «Бычий сон». Легенда была связана с королевским престолом Тары и выборами законного короля Ирландии. Быка убивали, разделывали и готовили, затем специально избранный человек съедал мясо и выпивал бульон. После еды он ложился спать. В то время как четыре друида пели над ним, он должен был получить видение, раскрывающее личность следующего законного короля.

следы древних традиций. Именно из этих глубин времени происходит мифологическая идея магического скота. Котел из Гундеструпа, вероятно, предназначался для жертвоприношения быков — по крайней мере, его декор насыщен символизмом этого ритуала. Быки воспринимались как сверхъестественные существа. В изображениях на пластинах котла они намного больше натуральной величины в сравнении с маленькими человеческими фигурами.

Древний галльский миф о быке

В 26 году н. э. Союз лодочников, которые плавали по всей Сене, поставил в Париже большой каменный столп Юпитеру. На памятнике было написано несколько имен богов, каждое из которых сопровождалось соответствующим изображением. Некоторые из этих богов были римскими, другие относились к местному пантеону. На одной из сторон есть надпись «Тарв Тригаран» — «Бык с тремя журавлями». Снизу вырезан в камне огромный бык, стоящий перед ивой. Две птицы — цапли или журавли — расположились на его спине, а еще одна — на голове. Цапли, журавли и ива связаны с водой. К той же символике жизни и расцвета относится и изображение почек на дереве. Птицы ассоциируются со скотом, поскольку кормятся паразитами на шкурах животных.

Некоторые особенности памятника наводят на мысль об утраченном мифологическом нарративе, поскольку почти идентичное изображение было найдено далеко на востоке у Трира, на реке Мозель. На обоих памятниках сцена с участием быка и трех цапель или журавлей включает и образ ивы и лесного божества. На парижском рельефе лесной человек назван по имени — Эсус. В эпической поэме «Фарсалия» (ее тема — великая гражданская война между Помпеем и Юлием Цезарем) римский поэт Лукан упоминает трех грозных галльских богов Тараниса, Тевтата и Эсуса. Почти

Рис. 49. Каменный рельеф с изображением быка по имени Тарв Тригаран и трех журавлей на памятнике в Париже, установленном Союзом лодочников в 26 году н. э.

наверняка Лукан говорил о том же Эсусе, который назван на памятнике из Парижа.

«Огненный пес» из Капел-Гармон

В конце I или в начале II века н. э. кто-то предпринял путешествие на отдаленное болото на крайнем северо-западе Уэльса, в место, известное сегодня как Капел-Гармон (часовня Гармона). Они несли с собой большой и тяжелый металлический остов для очага, украшенный головами быков, который предназначался для обжарки мяса на вертеле или просто для подвешивания посуды над огнем и приготовления пищи. Такие стояки называли «огненными собаками», их много раз находили при раскопках в Британии и Галлии. Но этот

стояк — совершенно особенный, поскольку исключительно красиво сделан, свидетельствуя о высоком мастерстве кузнечного дела, а также потому, что он, судя по всему, был «принесен в жертву».

Горизонтальная перекладина соединяет две вертикальные опоры, каждую из которых венчает голова домашнего животного. Но эти две головы не являются изображениями обыкновенных быков: это некие «барочные» существа, у них пышные гривы, как у лошадей, образованные из соединенных одиннадцати шариков. При внимательном рассмотрении стойки из Капел-Гармон выясняется, что каждая голова животного уникальна, то есть их создавали как изображения двух отдельных существ с разными «физиономиями». Описания быков в «Похищении Быка из Куальнге» во многом схожи с головами на «огненном псе» из Капел-Гармон: у них тоже были гривы и они тоже были созданиями из потустороннего мира.

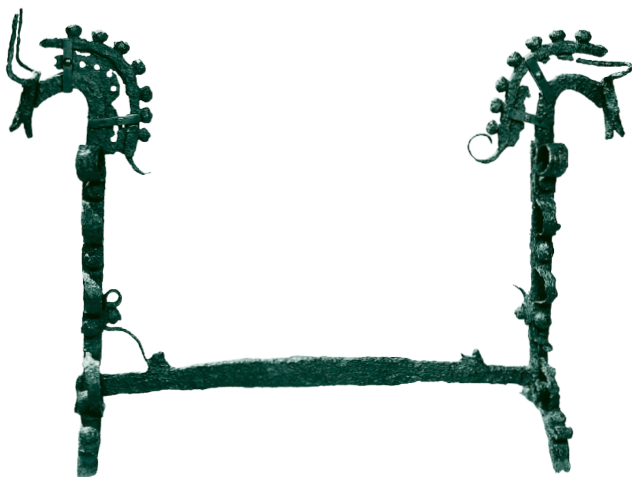

Рис. 50. «Огненный пес» железного века. Стойка для очага, декорированная головами быков с лошадиными гривами, Капел-Гармон, Северный Уэльс

Неизвестно, использовалась ли когда-либо стойка для очага, найденная в Капел-Гармон, или это была чисто ритуальная вещь. Но ее история подошла к концу, когда ее намеренно поместили в болото с большим камнем на голове каждого быка, подобно тому, как совершали древние захоронения людей в болотах. Это был очень ценный и значимый объект. Современный валлийский кузнец, который пытался воспроизвести эту стойку, признался, что производство металлических частей заняло у него целых три года. Учитывая, что такие стойки предназначались для использования в парах, их ценность с точки зрения человеческих ресурсов была огромной. Жертвоприношение такого предмета могло означать столько же, если не больше, чем человеческое. Станный облик быков с лошадиными гривами делал их фантастическим воплощением магических, потусторонних животных.

• ОРЕЛ И СОВА: ВАЛЛИЙСКИЙ МИФ О ДНЕ И НОЧИ •

Четвертая ветвь «Мабиноги» полна рассказов об оборотничестве, изменении формы. Проклятие Мата, когда он трансформировал Гвидиона и Гилвэтиви, о котором шла речь ранее в этой главе, — не единственный эпизод, когда границы между людьми и животными разрушались. Подобная тема возникает и в сказании о роковом любовном треугольнике между красивой молодой девушкой Блодейвет, ее мужем Ллеу Лау Гифесом и третьим мужчиной по имени Гронв.

Чтобы поставить эту историю в контекст, необходимо сделать краткое примечание по поводу затруднительного положения Ллеу. После изнасилования Гойвин Арианрод предложила себя в качестве новой «подставки для ног» короля Мата, но провалила испытание на девственность, родив близнецов. Именно вокруг второго ребенка разворачивается

основное повествование. Будучи опозоренной, Арианрод отвергла своего второго сына Ллеу и наложила на него три проклятия, призванных помешать ему занять полагающееся ему место в обществе.

Гвидион и его дядя Мат объединили свои магические способности, чтобы найти способ преодолеть заклятие Арианрод и обрести жену для Ллеу. Они добились этого, создав женщину из цветов — ее назвали Блодейвет. Но та завела любовника, Гронва, и вместе они решили убить ее мужа. Волшебная сущность Ллеу была раскрыта, поскольку наряду с негативными запретами, наложенными на него матерью, действовал еще один набор гейсов, предназначенный для его защиты. Он не мог быть убит ни внутри, ни снаружи дома, ни на воде, ни на земле, ни голым, ни одетым. Кроме того, Ллеу мог быть ранен только копьём, сделанным во время, когда кузнечное дело было запрещено. Все эти условия формировали границы и правила, указывавшие на глубокую связь самого Ллеу с силами потустороннего мира. Воспользовавшись хитростью, Блодейвет обманным путем выведала у Ллеу секретную формулу, с помощью которой охранявшие его заклятия могли быть преодолены, и он признался ей:

«Я скажу тебе, — ответил он. — Нужно сложить для меня баню на речном берегу, окружив котел с водой плетеной оградой и закрыв его соломенным навесом. Потом надо привести козла и поставить его у бани, и когда я поставлю одну ногу на край котла, а другую — на спину этого животного, всякий, кто застигнет меня в таком положении, может убить меня».

Мабиноги. Четвертая ветвь

Тем временем Гронв тайно трудился над созданием смертоносного копья. Наконечник он смазал ядом. И когда все было

готово, Блодейвет убедила Ллеу занять то место, где он подвергался риску, а Гронв выпрыгнул из укрытия и нанес сопернику смертельную рану.

Но вместо того чтобы упасть замертво, Ллеу издал громкий крик и улетел, превратившись в орла. Гвидион выяснил, что произошло, и проклял Блодейвет, превратив ее в сову, которая охотилась по ночам и которую — из-за ее позора — избегали все другие птицы. Затем Гвидион нашел Ллеу, спрятавшегося в ветвях дуба, и вернул ему человеческий облик. Разгневанный и обманутый муж убил Гронва и взял в свои руки власть в королевстве Гвинед.

Сложность этой истории в том, что она представляет собой скрытый миф о добре и зле. Потому что Блодейвет не была смертной женщиной из плоти и крови, она была в корне порочна, недостойна доверия и в конечном счете слишком опасна, чтобы находиться среди людей. Способный оборачиваться птицей Ллеу носил имя, означавшее «Яркий», а имя его

Рис. 51. Бронзовая фигура орла из римско-британского храма в Вудитоне, Оксфордшир

матери Арианрод означает «Серебряное колесо»; это указывает на то, что он был небесным божеством, и его убежище на дубе является дополнительным подтверждением того. В античной мифологии и орел, и дуб были связаны с главенствующим римским богом Юпитером. Валлийская легенда окрашена христианской моралью. Магические практики, такие как заклинание, создающее женщину из цветов, прямо и последовательно осуждались. Закон в итоге возобладает, свет воссияет и разгонит тьму.

Дьявол: от мифа до Таро

Кельтская мифология полна образами злых женщин с неестественной внешностью, но как обстояло дело с описаниями бесов? В современном оккультизме, представленном, в частности, картами Таро, дьявол изображается как сидящее существо — наполовину человек, наполовину рогатый козел с копытами, бородой и женской грудью. В средневековой Европе дьявола изображали с рогами и часто использовали как образец гораздо более раннюю иконографию упоминавшегося выше Кернунна. В кельтском представлении о Кернунне нет никаких намеков на то, что он воплощал темную сторону, однако его двойственность как получеловека-полуживотного в христианские времена стала ассоциироваться с категорически осуждаемыми представлениями о зоофилии, языческом хаосе. Адепты новой религии верили, что человек создан по образу и подобию Бога, а потому противоположен животным по своей природе.

**ОПАСНЫЕ СВЯЗИ:
«ЧУДОВИЩНОЕ ПРАВЛЕНИЕ ЖЕНЩИН»***

Почти все галлы высоки ростом, белы телом, русоволосы; взгляд у них живой и угрожающий; они страшно сварливы и чрезвычайно заносчивы. Когда один из них поссорится с другим и ему станет помогать его жена, которая сильнее его и голубоглаза, то целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда та, гневно откинув голову, скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнет наносить кулаками и ногами удары не слабее снарядов катапульты, выбрасываемых при помощи скрученных жил.

Аммиан Марцеллин. История. Книга V

В эмоционально мощной трагедии «Вакханки» афинский драматург Еврипид передал чувства тревоги и отчаяния, охватывавшие общество после более чем двадцатилетней кровопролитной гражданской войны между Спартой и его родным городом-государством. Пьеса была написана в 407 году до н. э., после того как Еврипид бежал из Афин в относительный мир и спокойствие Македонии. Центральной темой трагедии являются два противоположных аспекта человеческой (точнее, мужской) природы: цивилизованный и дикий, — а также напряженное соотношение между феноменами *номос* (порядок) и *физис* (природа).

Ассоциация трагедии Еврипида с кельтскими мифами заключается в том, как представлены женщины. Автор «Вакханок» помещает женщин на сторону животного и необузданного мира

* Название трактата протестанта Джона Нокса «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин» (1558), обращенного против католических королей Марии Стюарт и Марии Тюдор, вошло в поговорку.

Ведьмы в мифах и у Шекспира

Три отвратительные ведьмы, которые предсказывают гибель Макбета и ведут его к ней в прославленной трагедии Шекспира, имеют сильное сходство с Бадб и ирландской Морриган. Как и эти мифологические персонажи, шекспировские ведьмы стары, аморальны, искусны в пророчествах и гендерно двойственны. Один из персонажей пьесы, Банко, говорит о них так:

Вы женщины, должно быть?

*Но странно все же мне: вы бородаты...**

Шекспир написал «шотландскую пьесу» в период активной «охоты на ведьм» при короле Якове I, используя слухи о заговоре шотландских ведьм с целью убить короля, раскрытом в 1591 году. Шекспир преднамеренно представил ведьм существами, стоящими за пределами всякой человеческой порядочности, мстительными, разрушительными и исполняющими ужасные ритуалы. На судебных процессах над ведьмами говорилось, что жертвы подвергались заклинаниям из-за отказа оказать гостеприимство ведьмам. Именно так ирландский король Конайре Мор был уничтожен Бадб в сказании «Разрушение дома Да Дерга». Подобно Кухулину, герою из Ульстера, Конайре Мор оказался под действием противоречащих друг другу гейсов, а также упоминавшегося выше «птичьего гейса» (см. с. 143): ему было запрещено оставаться наедине с женщиной после захода солнца, но он также был связан универсальными законами гостеприимства, которые требовали принимать и развлекать гостей. Так двойные обязательства Конайре Мора привели его к гибели. Направляемые Бадб, враги отсекали ему голову, но странная связь Конайре с потусторонним миром проявилась и после его смерти: отрубленная голова заговорила с его соратником Мак Кехтом, который отомстил за смерть короля.

* Пер. А. Радловой.

природы, на дикую сторону, подчеркивая их фундаментальную противоположность упорядоченному цивилизованному миру мужчин, порядку и обустроенной городской среде. В его представлении женщины слабы и в силу этого больше подвержены излишествам дикой природы, а находясь под опьяняющим влиянием бога Диониса, способны к сексуальному бесчинству и ужасным актам насилия, включая убийство, расчленение и даже поедание людей.

Отношение ко многим выдающимся женщинам в валлийских и особенно в ирландских мифологических текстах представляет женские персонажи в столь же нелестном (и явно не феминистском) свете.

Возможно, подобная оценка появилась во многом благодаря христианским монахам, записавшим версии древних мифов, так как для клириков настоящие женщины не должны были появляться в публичных местах, скрываясь дома, а их чистоту и целомудрие следовало ревностно охранять. Поэтому Ульстерский цикл интерпретирует королеву Медб из Коннахта как женщину с неконтролируемыми сексуальными и военными

Рис. 52. Внутренняя пластина Гундеструпского котла (Дания): голова и бюст женщины, обрамленные двумя колесами

аппетитами, за что ее часто высмеивает рассказчик. Даже ее смерть была позорной: Медб была убита из пращи зарядом из головы твердого сыра. Истории о других ирландских героях, таких как Дейрдре Печалей (см. с. 84–85), подчеркивают неизбежность гибели для мужчин, обольщенных женской красотой. К валлийским героиням в письменных легендах относились не так жестко, но по большей части женщины эти предстают бесцветными, играя всего лишь роль катализатора мужских действий. Рианнон и Блодейвет выделяются как исключение, но даже их состояние и поступки диктовались волей мужчин.

• ВОИТЕЛЬНИЦЫ: МЕДБ И МАХА •

Недолго спустя вышла Медб с третью ирландского войска на север и подошла к Дуи Собайрхе. В тот день не отставал от нее Кухулин, пока первой не подошла Медб к Куиб. По пути на север убил Кухулин Фер Тайdle, отчего и название Тайdle, да сыновей Буахалла, отчего название Карн Мак Буахалл, да погубил Луаске в Лейтре, отчего название Лейтре Луаске. В болоте сразил он Бо Булге, отчего и название Греллах Бо Булге. На холме сразил он Муиртемне, отчего и название Делга Муиртемне.

Похищение Быка из Куальнге

Медб играет важную роль в Ульстерском цикле. В катастрофическом конфликте между ирландскими провинциями Ульстер и Коннахт, описанном в «Похищении Быка из Куальнге», именно зависть к великому бурому быку Ульстера заставила ее спровоцировать масштабную войну, обреченную на бесплодную победу. Медб была избранной правительницей Коннахта. Ее супруг, Айлиль, почти не имел влияния, вся власть была у нее. Она была жестокой, кровожадной, хитрой и распутной

и, обладая этими качествами, не придерживалась той модели поведения, которая считалась уместной для средневековой христианки. В дошедшей до нас письменной версии сказания все ее поступки вызывают осуждение, и предсказание «все кончится слезами» повторяется раз за разом. Так и оборачивается дело.

Само имя Медб отражало ее характер, поскольку означало «Та, которая опьяняет». Согласно мифологическим текстам, она управляла Коннахтом из королевских столиц — Тары и Круахана. Она почти наверняка изначально была божеством, а не земной королевой, но в литературной версии представлена как обычная женщина. По сути, Медб была богиней власти, одной из нескольких ирландских богинь, утверждавших правление смертных королей. Она, как и ее сестры, покровительствовала трем основным сферам: сексуальности (которая давала Ирландии плодородие), войне (которая защищала страну) и территории (которая обеспечивала пространство для жизни населения).

Христианские моральные принципы, которых придерживался редактор (монах, записывавший сказание), проявляются в преувеличении странностей в поведении Медб. Все в ней рисуется экстремальным, неумеренным и — на взгляд христианина — неприемлемым. Она выпивала, она разрушала, она была сексуальной и способной одолеть самого яркого героя в свирепой гонке на колеснице по полю боя. Легко увидеть тесную параллель между Медб и менадами в «Вакханках» Еврипида. Медб и ее противник, король Ульстера Конхобар, были предельно схожи: он тоже был жестоким и коварным. Эти двое были отражением друг друга. Божественные черты Медб проглядывали сквозь ее человеческий облик: подобно многим богам и шаманам, она имела духов-помощников. В ее случае это были белка и птица. Медб владела магией, была оборотнем, способным по собственному желанию трансформироваться из старухи в юную деву.

«Назови свое имя!» — сказал король.

«Мое имя, данное мне при рождении, — сказала она, — хорошо запомнят все на этом празднике. Маха, дочь Санрита, сына Имбата — вот мое имя».

Тогда пустили бежать коней. Бежала женщина быстрее коней, но вдруг с криком упала на землю и родила близнецов, мальчика и девочку. С тех пор и назвали это место Эмайн Маха.

Недуг уладов

Эмайн Маха: престол королей

В Ульстерском цикле крепость Эмайн Маха служила королевской резиденцией мифического короля Конхобара, священным местом собрания, где проходила церемония вступления на престол правителей Ульстера. Но археологические свидетельства показывают, что это место уже за столетия до Раннего Средневековья имело большое символическое значение, поскольку оно отождествляется с древним укрепленным центром железного века Наван в графстве Арма. Здесь в 94 году до н. э. (мы знаем это так точно благодаря дендрохронологической датировке строительного материала) на возвышении была построена огромная круглая храмовая

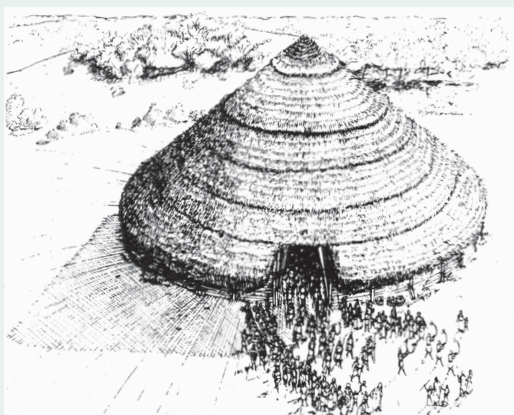

Рис. 53. Крепость Наван (реконструкция), графство Арма

Богиня Маха разделяет некоторые свойства Медб, но самая яркая ее особенность — тройственность образа, которая связывает Маху с боевыми фуриями Морриган и Бадб. Как и Медб, Маха была богиней власти, и один из величайших королевских центров Северной Ирландии, Эмайн Маха, назван в ее честь. Маха представлена в легендах как персонаж «три в одном». Каждая из трех частей имеет свое происхождение, но вместе они составляют одну многогранную личность. Все три Махи,

структура из дуба с высоким центральным столбом, который виднелся за много миль. Крыша была соломенной, и все здание вскоре после постройки было преднамеренно сожжено, возможно, принесенное в жертву небесным богам.

По соседству в долине лежало небольшое озеро Лохнашад, в которое в качестве религиозного подношения были сброшены четыре красиво украшенных церемониальных бронзовых трубы. Возможно, они использовались в ритуале, который сопровождал разрушение храма, послужив, таким образом, дополнительной жертвой. Очевидно, что крепость Наван датируется гораздо более ранним периодом, чем мифическая Эмайн Маха, но археологические исследования продемонстрировали долгую жизнь этого места как церемониального центра, существовавшего более тысячи лет. Особенно важна одна находка из железного века Навана — череп берберской обезьяны (магота), вероятно привезенный из Северной Африки в качестве великолепного экзотического подарка правителю Навана.

Рис. 54. Бронзовая церемониальная труба железного века, одна из четырех ритуальных труб, найденных в озере возле крепости Наван

однако, были явно связаны с властью, плодородием земли и служили персонификацией самой Ирландии. Одна, как Медб, была воительницей-королевой, другая — женой короля Немеда и пророчицей (имя короля важно, поскольку происходит от кельтского слова *неметон*, что означает «священная роща»), третья — самая сложная и интересная — богиней, вышедшей замуж за смертного человека по имени Круннху.

Эта последняя Маха была неразрывно связана с конями и, несомненно, была богиней лошадей, как римская Эпона и валлийская Рианнон. Именно она наиболее полно описана в мифах. Маха была самой быстрой из земных бегунов: ее стремительность заставила Круннху заключить пари с Конхобаром, что она сможет обогнать самую быструю королевскую колесницу. Маха в то время была беременна и просила о снисхождении, но ее вынудили участвовать в гонке; она победила, но умерла, родив близнецов. Истекая кровью, она прокляла всех мужчин Ульстера, наложив на них заклинание

Рис. 55. Сланцевая пластина с рельефным изображением трех богинь из римского Бата

«родовой слабости», которое будет обрушиваться на них каждый раз при приближении врага и будет длиться в течение четырех дней и ночей. Еще одно свидетельство того, что Маха была покровительницей коней: одного из двух коней в колеснице Кухулина (единственного ульстерца, не подверженного проклятию) называли Серым (из) Махи.

• ФЕДЕЛЬМА — ДУХ, ПРОВИДИЦА И ШАМАНКА •

Тогда повернул колесницу возница, и пустилась Медб в обратный путь. Вдруг открылось ей чудесное видение, и то была юная девушка, шедшая навстречу рядом с колесницей. Девушка ткала бахром, держа в правой руке ставок из светлой бронзы с семью золотыми полосками на концах. В зеленых разводах был плащ на ее плечах, скрепленный на груди заколкой с тяжелым навершием. Тонки были алые губы на ее румянном лице, а ясные глаза смеялись. Белизной сверкали ее зубы, и всякий решил бы, что это рассыпанный жемчужный град. Цвета новой парфянской кожи были ее губы. Звуки арфы, чьих струн касаются искусные пальцы, напоминал ее дивный голос. Сквозь все одежды светилось ее тело, словно снег, выпавший в одну ночь. Белоснежны были ее стройные ноги с красными, ровными и острыми ногтями. Три пряди золотистых волос девушки были уложены вокруг головы, а четвертая висела по спине до икр... В руке ее был жезл из светлой бронзы, инкрустированной золотом. В глазах ее было по три зрачка. Девушка была вооружена. Колесницу ее влекли два черных коня. Похищение Быка из Куальнге

Кровавый финал великой войны между Ульстером и Коннахтом, составляющий суть Ульстерского цикла, был предсказан

с большой точностью одним из самых странных участников драмы. В начале кампании, когда Медб объезжала войска на колеснице, перед королевой и ее армией появилась молодая девушка. Внешность ее была поразительной, как говорится в приведенной выше цитате. Когда королева спросила, кто она, девушка ответила, что ее зовут Федельма и что она поэт из Коннахта. Из множества других заданных ей вопросов самым примечательным был следующий: «У тебя есть *имбас форо-снай*, свет предвидения?» Федельма ответила утвердительно, и Медб попросила ее предсказать исход войны и судьбу ее войска. Тогда Федельма в ужасных ритмических строках поведала, что видит войско, покрытое алым, и описала Кухулина, героя Ульстера, как того, кто погубит Коннахт.

Но кем или чем была эта Федельма? Подсказки таятся в самом описании ее внешности. Особенно важен акцент на глазах с тройными зрачками, указывающих, что она не была обычным человеком, а явилась из потустороннего мира. Тройной взгляд может символизировать ее способность смотреть в прошлое, настоящее и будущее или сквозь три слоя Вселенной: небеса, землю и подземный мир. Пятнистый плащ также указывает статус существа с «двумя душами». Такое одеяние часто носили шаманы, подчеркивая свою способность путешествовать между мирами. Двухцветная, мерцающая или пятнистая одежда отражала двойственность. Основная функция шамана — служить провидцем, предсказывать будущее, что и сделала Федельма. Сложнее объяснить ее появление как воительницы, вооруженной и на колеснице. Возможно, она была так экипирована, потому что противостояла злу, которое приносит война, и таким образом выражала позицию христианского рассказчика, записавшего эту историю. Прялка-жест Федельмы придает ее образу еще одно измерение: она обладала силой плести нить судьбы Медб и обрезать нити жизненной силы всего Коннахта, когда того требовали боги.

• ДЕВЫ, МАТРОНЫ И СТАРУХИ •

*Когда они были в доме, после заката на пороге появилась
женщина, она просила, чтобы ее впустили. Длинными,
как красны, и черными были ее голени. На ней был
ворсистый полосатый плащ. Борода ее достигала колен,
а рот располагался сбоку.*

Разрушение дома Да Дерга

Мы уже встречались с триадой, в виде которой могла появляться каждая из богинь — Маха, Морриган и Бадб. Они могли выступать в облике людей или падальщиков и в любой из трех стадий женственности: девы, женщины-матери или старухи. Таким образом, единое целое может превзойти рамки установленного возраста и представить весь спектр женских форм. В сказании «Разрушение дома Да Дерга» гибель Конайре Мора приходит, когда он вынужден оказывать гостеприимство одинокой женщине, несмотря на то, что ему запрещено оставаться с ней наедине. Ужасная ведьма, которая является к нему после заката, демонстрирует целый набор «маркеров» сверхъестественного:

Рис. 56. Глиняная статуэтка трех рейнских богинь, Бонн (Германия)

Изображение богини в облике ворона

На монетах, отчеканенных во II веке до н. э. армориканским (бритонским) племенем венеллов, изображен скачущий боевой конь, на котором сидит огромная птица-падальщик, чьи большие изогнутые когти впиваются в спину лошади. Внизу изображено некое подобие скорпиона и змея, которые, по всей видимости, нападают на коня. Соблазнительно увидеть в этой птице предка ирландских богинь-воронов. Может ли мифология ирландских боевых фурий-оборотней возникать из гораздо более раннего потерянного военного мифа, который сам по себе мог родиться из наблюдения за птицами-падальщиками, питающимися трупами на полях сражений?

Рис. 57. Золотая армориканская монета железного века с изображением коня и всадника-ворона

она странно выглядит, обладает мужскими и женскими признаками, носит двучетный плащ.

*Бадб и Маха — сила дара,
Морриган — в ней злые чары;
Битве жестокой рады
Эрнмаса светлые чада.
Книга захватов Ирландии*

Знаменитая встреча между человеком-правителем и богиней-старухой, возможно, лежит в основе сказок раннего нового времени о превращениях, таких как история о принце-лягушке. В этой последней содержатся элементы очень древнего мифа, возможно, зафиксированного еще в V веке н.э. Он гласит о возникновении рода Уи Нейллов — потомков Ниалла. Основателем череды династий считался Ниалл Девяти заложников, и, согласно легенде, его правление обрело легитимность благодаря встрече Ниалла с богиней власти под маской старухи. Ниалл и его братья были на охоте и испытывали жажду. Они нашли колодец, охраняемый гротескной старухой, которая предложила каждому из них воду в обмен на поцелуй. Все в ужасе отшатнулись, кроме Ниалла, который поцеловал ее, а затем занялся с ней сексом. Во время их соединения старуха превратилась в красивую молодую девушку (так же, как в сказке братьев Гримм, когда поцелуй девушки превратил лягушку в прекрасного молодого принца). Когда Ниалл спросил, как ее зовут, она ответила: «Власть». Ниалл стал королем, и его правление было подтверждено браком с самой Ирландией.

• ОСКОРБЛЕННЫЕ СУПРУГИ И ПОРОЧНЫЕ ЖЕНЩИНЫ •

Но на второй год в Ирландии началась смута из-за оскорбления, которому Матолух подвергся в Уэльсе, и из-за увечья его лошадей. И за это его названные братья и ближние люди попрекали его, и не знал он покоя от постоянных смут, пока они не придумали наказание за его бесчестье. И они назначили такую месть: они изгнали Бранвен из дома мужа, заставили ее стряпать для всех людей дворца, и мясник каждый день после разделки мяса приходил к ней и давал ей оплеуху.

Мабиноги. Вторая ветвь

Вторую ветвь «Мабиноги» часто называют «Бранвен» в честь центрального женского персонажа. Несмотря на то что она названа одной из трех величайших женщин Уэльса, сама Бранвен сегодня кажется несколько плаксивой и вялой жертвой мужского господства и агрессии, и только когда она подвергается жестокому обращению при дворе недавно обретенного мужа (см. с. 105), сказитель придает ей хоть какую-то индивидуальность. Она находит скворца на кухне, учит его говорить и рассказывает о своем брате. Написав брату письмо о своем положении при дворе мужа, она привязывает послание к основанию крыльев скворца и приказывает птице лететь в Харлех. Воинственная месть ее брата Брана наносит огромный ущерб Уэльсу и Ирландии. Полная скорби из-за страданий двух прекрасных народов, Бранвен умирает с разбитым сердцем.

Как и Бранвен, Рианнон, героиня первой ветви «Мабиноги», подверглась жестокому обращению и унижению. Сверхъестественный статус Рианнон становится очевидным из ее первого появления в сказании облаченной в мерцающие золотые одежды; ее верховая лошадь ослепительно белая, что выдает происхождение всадницы из потустороннего мира. Под видимым обликом Рианнон скрывается божественная природа: по случаю своей свадьбы она подносит каждому гостю подарок в виде драгоценных украшений, тем самым исполняя роль щедрой богини власти. Странное наказание, наложенное на Рианнон, когда ее несправедливо обвиняют в убийстве и поедании собственного сына (ее превращают в подобие вьючной лошади и заставляют переносить гостей к воротам дворца), может относиться к другой, вероятно более ранней, линии мифа о Рианнон, в котором она напрямую выступала как богиня лошадей.

— О дева, — спросил он ее, — девица ли ты?

— Я не знаю, господин, кем я еще могу быть.

Тогда он взял волшебный жезл и низко опустил его.

— Переступи через него, — сказал он, — и если ты девственна, я увижу это.

И как только она переступила через жезл, из нее вдруг выпал красивый светловолосый младенец, который сразу же поднял крик. Услышав этот крик, она выскочила в дверь и по дороге выронила какой-то маленький предмет, но, прежде чем кто-нибудь заметил это, Гвидион подобрал его, завернул в атласный платок и спрятал на дне сундука у изножья его кровати.

Мабиноги. Четвертая ветвь

Четвертая ветвь «Мабиноги», часто называемая «Мат», наполнена магией, и две женщины, которые доминируют в этом мифологическом сказании, несовершенно и выступают в качестве отрицательных персонажей. Это Арианрод и Блодейвет, соответственно мать и жена Ллеу Ллау Гифеса. Отсутствие целомудрия у Арианрод и ее жестокость по отношению к сыну осложняется дополнительным, неочевидным аспектом этой истории. Ведь волшебный посох Мата, используемый для проверки девственности, почти наверняка является фаллическим символом, то есть Арианрод занималась сексом со своим дядей и забеременела от него. Это может объяснить ее попытку сделать невозможным брак Ллеу, не допустить вероятность того, что у него будут дети. Но в кельтском мифе дети, рожденные в результате инцеста, не только являются демонстрацией позора, но и имеют героический статус. Как и в античной мифологии, инцест был допустим для богов, и любое его потомство было особенным, благословленным. И Мат, и Арианрод почти наверняка были божествами в более ранних преданиях: об этом говорит наличие магической силы у Мата, да и само имя Арианрод («Серебряное колесо») можно толковать как небесный эпитет, относящийся к луне.

Второй зловредной женщиной в жизни Ллеу была Блодейвет. Эта необычная жена была создана колдовством из цветов специально для него, но выбор цветов — дрок, дуб и таволга — показателен. Желтый дрок — это типичное сравнение для описания волос юной девушки, часто используемое как в валлийских, так и в ирландских мифах, а лепестки дуба и таволги белые, они служат символами чистоты. Это делает неверность Блодейвет неожиданной, словно бы в насмешку над первоначальным замыслом, но тем не менее вполне ожидаемой в силу ее нечеловеческой натуры. Она предстает своенравным, аморальным существом из мира духов, в некотором смысле скорее похожим на созданное фантазией Мэри Шелли чудовище Франкенштейна. Создатель Блодейвет, Гвидион, также способствовал ее уничтожению. А поскольку она не была человеком, ее нельзя было убить, и потому ей суждено — по воле магического заклятия Гвидиона — вечно оставаться в мире, но уже не как женщина, а как сова, символ ночи, печали и зла.

• ДРЕВНИЕ БОГИНИ В ТЕКСТАХ И АРХЕОЛОГИИ •

Многие из богинь, оставивших след в археологических свидетельствах или в текстах античных авторов о кельтах, демонстрируют явное сходство со сверхъестественными женщинами, появляющимися в более поздних ирландских и валлийских мифах. Некоторые были явно кровожадны, владели оружием и требовали человеческих жертв. Другие были, очевидно, могущественными, но по существу мирными. Как и их поздние мифические сестры, богини более раннего периода часто обладали тесной связью с животными, будь то лошади, собаки или птицы. Эта богатая, хотя и косвенная родословная особенно очевидна в ирландских мифологических

образах женщин-воительниц, таких как Медб и Морриган, которые следовали по стопам богинь войны, служивших объектами поклонения в древней Британии и Галлии.

Андраста

Писатель III века н. э. Дион Кассий упоминал о просьбе предводительницы британских племен Боудикки к богине Андрасте о победе над римлянами в Британии в 60 году н. э. Андрасте нужна была человеческая кровь в качестве жертвоприношения, после чего ее воля была явлена гордой королеве племени иценов посредством зайца, бежавшего в определенном направлении. Повстанцы поверили, что Андраста обещает им свою поддержку.

Несмотря на такое знамение, Боудикка и ее армия потерпели поражение, но не ранее чем уничтожили три римских города и половину римского легиона. Никакой определенный образ Андрасты не сохранился в древней британской иконографии. Тем не менее известны другие изображения богинь войны. На некоторых северных галльских монетах изображена обнаженная всадница с развевающимися волосами, размахивающая оружием и кричащая на врага.

Силурская богиня

Предположительно в III веке н. э. кто-то из почитателей установил небольшую статую местной богини из песчаника (см. рис. 58 на с. 174) в Каэрвенте, в Южном Уэльсе, столице силуров. Это племя отважно противостояло римскому господству на протяжении многих лет после того, как остальная часть Южной Британии была покорена, и смирились силуры лишь после того, как в соседнем Каэрлеоне около 75 года н. э. римскими легионерами был основан укрепленный город. Статуя, вероятно, стояла в храме — возможно, в том, что находился рядом с римским рынком и домом магистрата в Каэрвенте.

Рис. 58. Статуэтка из песчаника из Каэрвента: сидящая богиня с тисовой веткой и ягодами

Имя этой богини неизвестно, но скульптор все же предоставил некоторую информацию о ней. Богиня изображена сидящей в кресле с высокой спинкой, что означало высокий статус. Она держит фрукт или маленький хлеб, а также нечто, похожее на еловую ветку. Но, скорее всего, этот последний объект был ветвью тиса, символом долголетия и возрождения (из-за способности этого дерева регенерировать изнутри ствола). Если это так, то изображенная богиня напоминает Каэр Ибормейт, «Тисовую ягоду» и возлюбленную Энгуса, ирландского бога любви.

Нертус и Нехалления

В «Анналах», составленных в конце I века н. э., Тацит описал ежегодную германскую церемонию в честь богини плодородия по имени Нертус, святилище которой находилось в сакральной роще на святом острове. При подготовке к ее празднику полагалось спрятать все предметы из железа.

Богиню, задрапированную тканью, возили по полям в повозке в ходе ритуала, напоминающего церемонию «преодоления границ», которая до сих пор проводится в английских приходах, чтобы обозначить их физические пределы. Никому, кроме жреца богини, не разрешалось прикасаться к ее одеянию или повозке. Впоследствии, прежде чем вернуться в святилище, повозка и статуя богини очищались в священном озере двумя рабами. Но поскольку рабы прикасались к слишком святому объекту, их ритуально топили в озере Нертус. Хотя сама богиня представлялась как существо доброе и благожелательное, приносящее процветание земледельцам, у нее была и темная сторона, требовавшая жертвоприношений от почитателей.

Подобно Нертус, Нехалления была северной богиней: она принадлежала кельто-германским народам, живущим на территории, сейчас входящей в состав Нидерландов, у побережья Северного моря. Нехалления защищала

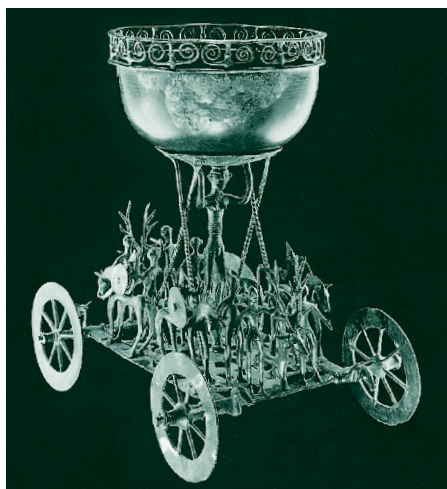

Рис. 59. Бронзовая культовая повозка с изображениями охотников на оленей верхом на конях и великой богини с чашей для подношений, VII век до н. э., Стреттвег (Австрия)

моряков-торговцев, перевозящих товары между Британией и Голландией. Хотя она не упоминается в древней литературе, Нехалления известна по богатому набору археологических находок — каменным скульптурам и надписям, которые пережили затопление ее храмов из-за вторжения моря на бывшие населенные земли. Нехалления часто изображалась с морскими символами, такими как лодки или рулевые весла, а также со знаками щедрости, такими как корзины с фруктами и хлебами. Ее постоянной спутницей была большая собака, которая изображена на ее памятниках сидящей рядом с богиней. Собака могла отражать роль богини как покровительницы и защитницы, а также свидетельствовать о ее роли как исцеляющего божества. Греческий бог-целитель Асклепий тоже был тесно связан с собаками: они жили в его святилище в Эпидавре из-за предполагаемой способности исцелять больных своей слюной.

Бретонские богини-гусыни

Большая бронзовая статуэтка позднего железного века из Динео (возле Ренна, Франция) изображает молодую богиню-воительницу. Все, что сохранилось до наших дней, это голова, руки и ноги, однако пальцы ее правой руки сложены так, будто держат копье. Голова увенчана шлемом, поверх которого находится гусь, его шея агрессивно выдвинута навстречу потенциальному врагу. Статуэтка, вероятно, представляла местную богиню-защитницу — возможно, племенного стража. Гуси известны своей территориальностью и способностью поднимать тревогу и предупреждать о вторжении чужаков. В обществе железного века эти птицы почитались как военные символы: их иногда хоронили вместе с воинами в могилах. Всадники на Гундеструпском котле носят шлемы с птичьим гребнем — вероятно, речь шла о гусях или воронах, которые были в кельтской мифологии тесно связаны с боевыми образами.

Рис. 60. «Гусиная богиня» позднего железного века из Динео, Бретань (Франция)

• ГЛАВА 8 •

ЗЕМЛЯ И ВОДА: КОТЕЛ ДУХОВ

На третий день дала девушка совет Кухулину и сказала, что если пришел он обучиться воинскому искусству, то пусть отправится туда, где Скатах обучает своих двух сыновей — Куара и Кета. Велела она Кухулину геройским прыжком лосося перенестись в тисовую рошу.

Похищение Быка из Куальнге

Многие истории, рассказанные в кельтских мифах, представляли собой попытку осмыслить мир и природные явления. Духи скрывались в каждой детали ландшафта. Каждая гора, озеро, ручей, болото и дерево обладали жизненной силой, которая вела свое происхождение из сверхъестественного мира. Такие идеи были сродни вере римлян в то, что каждое место обладает своим гением, особым духом. Для кельтов сама мысль о том, что земля населена духами, была настолько сильным импульсом для воображения, что их мифы (особенно сохранившиеся в Ирландии) опирались на убеждение: власть короля покоится на желании и одобрении богини власти, которая в то же время является олицетворением земли и всей страны, и только благодаря ее браку с королем последний может успешно править (см. с. 187).

• ДЕРЕВЬЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ •

...а здесь особенный ужас внушало то, что не знали богов, которых боялись. Шептали, будто утроба земли гремела порой, содрогаясь, будто сгибались вдруг и вновь выпрямлялись деревья, будто без искры огня пожаром светилась дубрава, и копошились везде, дубы обвивая,

Рис. 61. Иллюстрация XVII–XVIII века к Плинию:
церемония друидов у дуба и омелы

*драконы. Не посещали ее из соседних племен богомольцы,
лес уступили богам.*

Лукан. Фарсалия, III

В древней Ирландии особо почитали дуб, тис, ясень и орешник. Среди этих деревьев дуб, кажется, был самым священным, вероятно из-за его больших размеров и долговечности (впрочем, ею отличается и тис). Дубы доминируют в сельских пейзажах даже в наши дни, и легко представить, что в мире, где не было высотных зданий и городов, это дерево становилось неотъемлемой частью сакральных ландшафтов Ирландии и Уэльса.

Самое раннее упоминание о религиозном значении дуба встречается в «Естественной истории» Плиния Старшего,

написанной в I веке н. э. Автор рассказывает о ритуале друидов в Галлии, совершаемом у дуба Валлония, самого священного из всех деревьев. Согласно Плинию, друид взбирался на дуб на шестой день растущей луны и срезал растущую на нем омелу, ловя ее белой тканью. Приносили в жертву двух белых быков, а листья и ягоды омелы использовали для изготовления зелья, которое волшебным образом излечивало все болезни и делало бесплодных животных плодовитыми.

Древние друиды считали дубы особыми существами, хозяевами паразитической омелы, которая растет в виде ярко-зеленых

Целительная омела

Молодой человек, найденный в ходе раскопок в 1984 году в торфянике в Линдоу-Мосс в Чешире, был принесен в жертву богам в I веке н. э. Он получил жестокие удары по голове, ему перерезали горло в процессе удушения. Мягкие ткани тела хорошо сохранились (см. рис. 78 на с. 221) из-за нахождения в болоте без доступа воздуха, и таким образом было возможно исследовать содержимое его желудка. Было установлено, что он ел особый сорт хлеба, приготовленного из различных злаков и семян, в который была примешана пыльца омелы. Могло ли это быть священной пищей, предназначенной для избранного для жертвоприношения богам, или омела служила символическим целебным средством для облегчения его перехода в потусторонний мир?

Хотя обычно это растение считается ядовитым, современные свидетельства о целительной силе омелы поразительны. В 2012 году газета *The Times* сообщала, что у бывшего английского игрока в крикет Джона Эдрича, страдающего лейкоемией, качество жизни и ожидаемая ее продолжительность значительно повысились после двух инъекций омелы в неделю, сделанных онкологом в Абердине. По-видимому, растение обладает способностью укреплять иммунную систему человека, и сейчас ведутся исследования, чтобы выяснить, могут ли другие больные раком извлечь выгоду из подобного лечения.

шаров на очевидно мертвых зимних деревьях. Вязкие белые ягоды омелы символизировали луну, а их липкий сок напоминал семя. Священное значение дубов отражается во многих ирландских и валлийских мифах. В античном мире дубы ассоциировались с небесными богами. Подобная связь присутствует и в валлийском сказании о Ллеу, местном боге света, который, спасаясь от нападения, превратился в орла и устроился на дубе.

В соответствии с ирландскими мифологическими традициями, связанными с королевским статусом, дубы были в центре мест важных государственных собраний, таких как Тара (графство Мит) и Эмайн Маха (графство Арма), где проходили церемонии вступления новых королей на престол. В сборнике прозаических преданий, известном под названием «Старина мест», деревья, особенно дубы, упоминаются как источники мудрости. Этимология слова «друид» связана с понятием «мудрость дуба». Легендарный королевский центр Эмайн Маха, как мы уже видели, представлял собой огромную круглую структуру; в его центре находилось массивное величественное дерево, настолько высокое, что его можно было увидеть за многие мили, — живой священный дуб.

Магический валлийский дуб

*Дуб растет меж двух озер,
Темны воздух и простор,
Если правду я изрек,
Ллеу там крыла простер.*

*Дуб на поле том растет,
Он не мокнет, не гниет,
Двадцать песен он несет,
Ллеу Ллав Гифес там живет.*

Энглины, которые поет Гвидион к Ллеу
в четвертой ветви «Мабиноги»

Священные рощи

Античная литература и тексты на монетах свидетельствуют о почитании деревьев в древней Галлии, а названия некоторых племен отражают символику деревьев. Эбуроны были «тисовым племенем», лемовики — «людьми вяза». Священные рощи кельтской Галлии и Британии до римского завоевания пользовались исключительным почтением. Тацит, Лукан и другие авторы упоминают священные рощи галлов и британцев, где скрывались духи и совершались человеческие жертвоприношения. Заяц, которого британская королева Боудикка выпустила, чтобы узнать волю богини Андрасты в предстоящей битве с римлянами, был отпущен именно в такой роще.

Ллеу Плау Гифес был героем четвертой ветви «Мабиноги». Его история содержит любопытный эпизод, в центре которого оказывается волшебный дуб: смертельно раненный любовником его жены Блодейвет, Ллеу издал мощный крик и, превратившись в орла, взлетел в воздух и исчез. Дядя Ллеу, Гвидион, всегда защищал своего племянника и был озадачен его исчезновением. Скитаясь по Центральному Уэльсу в поисках Ллеу, Гвидион однажды пришел в крестьянский дом, где провел ночь.

Оказалось, что у придворного свинопаса были проблемы со свиньей, которая исчезала каждую ночь. На следующее утро Гвидион отправился на поиски свиньи; она долго брела, а потом наконец остановилась под дубом, где стала есть личинки и падаль. На дереве сидел орел; всякий раз, когда птица встряхивала перья, с них сыпался дождь личинок и куски гниющей плоти. Догадавшись, что орел был его преobraженным племянником Ллеу, Гвидион спел ему три варианта *энглин* (волшебных стихов), чтобы расколдовать его.

В песне Гвидиона упоминается о дубе, на котором сидел орел, а также о «цветах Ллеу», что явно указывает на Блодейвет,

его коварную жену, магически созданную из цветов. После третьей строфы птица приземлилась на колено Гвидиона; маг ударил орла посохом, и Ллеу вернулся в человеческий облик. Но гниющая плоть и черви означали, что здоровье его пошатнулось: от несчастного остались лишь кожа да кости. В конце концов после года лечения Ллеу выздоровел.

Роль дуба в этом валлийском мифе не сразу очевидна, но дерево, по-видимому, действовало как страж, позволяя раненому Ллеу балансировать между жизнью и смертью на дереве, которое достигало неба, так как он ждал спасения и возможности вернуться в мир живых. Орел, возможно, воплощал душу мертвеца, не способного войти в мир мертвых.

• МИФОЛОГИЯ ВОДЫ •

*Тир на н-Ог, Страна Юности, прекрасна, как Элизиум,
богата, как Нирвана, желанна, как Валхалла, зелена
и солнечна, как Эдем. Все души стремятся обрести вечные
небеса, и каждый раз, когда одна из волн Атлантики, «белая
лошадь», набегает на берег Страны Юности, еще одна душа
получает дозволение вступить туда.*

Из цикла фениев*

Учитывая, что домом ирландцев был остров в океане, неудивительно, что они почитали бога моря. Его звали Мананнан мак Лир, «Сын моря». Его валлийским аналогом был бог со сходным именем — Манавидан, сын Ллира. Но, как обычно, мы знаем больше об ирландском божестве. Поскольку его морское царство окружало землю Ирландии, Мананнан почитался как

* Фактически цитата взята из книги современного ирландского писателя Фрэнка Делейни (1942–2017) «Легенды кельтов». *Прим. ред.*

Река богини Боанн

Учитывая, что ключевая функция мифа состоит в объяснении особенностей мира природы, неудивительно, что вокруг главных рек Британии и Ирландии сплетались легенды, причем большинство рек оказалось во власти женских божеств. Британцы римского периода почитали Темзу как богиню Тамесис, а реку Северн — как богиню Сабрину. На севере Вербей была богиней реки Уорф. И самой известной рекой в ирландском мифе была великая Бойн, названная в честь богини Боанн.

История Боанн связана с топографической легендой. На одном уровне повествование может быть истолковано в контексте знаковой христианской темы о языческой распущенности и женском непослушании. Боанн была непокорной женой духа воды по имени Нехтан, владевшего колодцем, который ей было запрещено посещать. Как почти всегда случается с такими табу, оно было нарушено. Боанн не повиновалась мужу, и от его ярости вода в колодце вскипела и захлестнула Боанн потоком. Так она стала рекой Бойн. Согласно другой версии, Боанн имела тайную связь с одним из величайших ирландских богов, Дагдой. Плодом их союза стал Энгус, божественный покровитель влюбленных.

Рис. 62. Бронзовая статуэтка галльской Секваны, богини реки Сены (Франция)

защитник страны. Он был тесно связан с мифом о Счастливом потустороннем мире, который, как верили ирландцы, существует на островах далеко за морем. Текст VII века «Путешествие Брана» рассказывает историю смертного человека, привлеченного к этим островам прекрасной музыкой, разносившейся над водой. Бран отправился на остров со своими тремя сводными братьями и 27 воинами. Во время морского путешествия Бран встретил Мананнана на морской колеснице, запряженной «белыми лошадьми» бурного моря. На божестве был волшебный плащ, который, как и само море, искрился светом и переливался множеством цветов.

И Мананнан, и его валлийский двойник Манавидан были не только морскими богами, но и властителями магии,

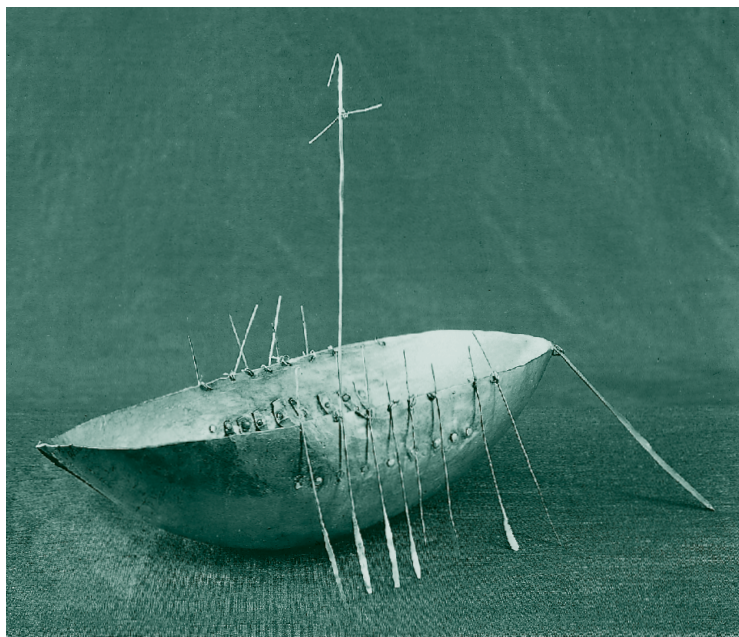

Рис. 63. Золотая модель лодки из Бройтера, графство Дерри (Ирландия), I век до н. э.

мудрости, обмана и ремесленного мастерства. Ирландский бог помог Лугу, владыке света, победить чудовищ фоморов. Он сделал это, с помощью магии создав корабль, который подчинялся мыслям команды и двигался без весел и парусов, — так могла бы скакать лошадь, способная передвигаться по воде; еще он дал Лугу Фрагарах, грозный меч, способный пробить любую броню. В валлийской мифологии Манавидан был не менее одаренным мастером, прежде всего кузнецом и земледельцем. Возможно, в определенных атрибутах Манавидана можно уловить отражение древнего общего мифа, который объяснял происхождение земледелия и кузнечного дела в целом.

Сила воды: лебединое озеро

*Здесь, на одинокой волне Дерравага,
что на долгие годы станет твоим водным домом,
ни сила Лиры, ни умения друидов не спасут тебя
от бесконечных скитаний среди пустынной пены.*

Книга захватов Ирландии

Превращение молодых девушек в лебедей на озерах является постоянным мотивом ирландской мифологии, и кажется, что для успешного изменения формы необходимо наличие водоема. Рассказ об Энгусе и Каэр — девушке-лебедю является ярким тому примером (см. с. 79–80). Другая легенда связана с богом моря Мананнаном мак Лиром. У его детей была злая мачеха по имени Айфе. От ревности она наложила на них заклятие, превратив в лебедей; для этого она сначала заманила их к озеру, а затем вызвала на помощь друида для наложения чар.

Условием их окончательного освобождения от птичьего облика было то, что они должны провести по триста лет в каждом из трех мест. Однако проклятие было снято лишь после того, как северный принц женился на уроженке Южной

Рис. 64. Холмы «Грудь Ану», Ратмор, графство Керри, в ранней ирландской мифологии считались грудями Ану, богини — покровительницы страны

Ирландии королевского рода и когда лебеди, потомки Лира, услышали звон колокола. Оба этих момента имеют особое значение: брак предполагает союз между севером и югом Ирландии и, в частности, прекращение вражды между Ульстером и Коннахтом. Также колокол был «голосом» христианства, означающим конец язычества и принятие нового единобожия. Но у истории несчастных детей, увы, не было счастливого конца. Конечно, заклинание перестало действовать, но к тому времени они стали древними стариками и умерли почти сразу после снятия чар. Тогда священник по имени Кемок похоронил их по-христиански.

• ВЛАСТЬ, САКРАЛЬНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ И СТРАНА •

Одним из наиболее ярких повторяющихся образов ирландской мифологии является олицетворение Ирландии как богини. Парные холмы в разных частях страны были известны как «грудь Морриган» или «соски Ану» (или Дану, в честь

Галло-римские божественные партнеры

Целый ряд найденных галльских каменных рельефов изображает мужчину и женщину рядом друг с другом. Они представлены в одинаковой пропорции, как равные партнеры. Там, где сохранились эпиграфические данные, можно прочитать римское имя мужского персонажа и кельтское у женского. Иногда присутствуют элементы ландшафта: река или нечто другое, всегда схематическое, как если бы это были знаки, позволяющие идентифицировать изображенную пару. Имена указывают на то, что это Меркурий и Розмерта или Аполлон и Сирона. Богиня всегда тесно связана с землей и местной галльской традицией, а бог имеет более гибкую и разностороннюю природу, а также может считаться принесенным извне.

Имя Розмерты означает «Подательница Добра», и ее сопровождают те же атрибуты, что и ирландскую богиню власти. Чаще всего это символы процветания земли, рог изобилия или миниатюрное строение на длинном шесте, который может олицетворять очаг и дом. Имя Сирона означает «Звезда», но, несмотря на предположение, что это небесная богиня, контекст ее образов показывает, что она была прежде всего богиней-целительницей. Каменные и бронзовые изображения Аполлона и Сироны были связаны с галльскими святилищами, куда шли больные. Эти культы также ассоциировались с весной и обновлением природы. Сам Аполлон также почитался как целитель и владыка света, поэтому партнерство Сироны с ним вполне уместно.

Рис. 65. Галло-римский каменный рельеф: божественные партнеры Меркурий и Розмерта, Гланум, юг Франции

Женитьба на кобыле

В 1185 году Гиральд Камбрийский записал средневековую королевскую церемонию вступления на престол Ульстера, основанную на идее сакральной королевской власти. Любопытно, что мифический брак между смертным королем и богиней власти получил в этом документе новый поворот, поскольку, по свидетельству Гиральда, включал символический союз между человеком (королем) и белой кобылой. На «свадьбе» король играл роль жеребца. Впрочем, кобылу после этого убивали, а ее мясо готовили в котле. Гиральд рисует довольно жуткую картину: избранный король садился в ванну с бульоном и мясом кобылы и так ел и пил вареные останки своей «королевы».

Эта история, возможно, была либо сфабрикована, либо преувеличена христианским автором. Тем не менее она содержит намеки на более ранние связи между лошадьми и богинями власти. Такие явные ассоциации с конями были у Махи, а в Уэльсе можно найти следы представлений о сакральном королевстве в первой ветви «Мабиноги», где Пуйлл, король Арберта, впервые видит свою будущую королеву Рианнон верхом на ослепительно-белой кобыле.

богини-основательницы). Чтобы земля процветала, предполагался ритуальный брак между богиней и смертным королем Ирландии. Если земной правитель был щедрым, земля процветала; если скупым, божество лишало ее благодати и земля-страна томилась, пока не появится новый царь. В знак того, что она принимает его как супруга, богиня передавала новому королю чашу вина, символизирующую ее обещание сделать Ирландию страной изобилия. Эриу, богиня Ирландии, также была подательницей вина. Другой богиней власти и вина (как следует из ее имени «Та, которая опьяняет») была Медб, королева Коннахта: она вступала в брак девять раз, за что ее сурово осуждали христианские писцы, зафиксировавшие

древние предания. Однако в языческом контексте ее «распуценность» обеспечивала плодородие земли.

Такая система партнерства между человеком и божеством была известна в ирландской традиции как сакральное королевство и явилась основой ранней ирландской мифологической литературы. В качестве концепции она не так уж далеко ушла от гораздо более позднего британского «божественного права королей», согласно которому монарх, помазанный Церковью, рассматривался как получивший божественную санкцию на власть, хотя ее следовало еще подтвердить справедливым и мудрым правлением.

Вполне возможно, что корни идеи сакрального королевства кроются в религиозном символизме, который можно проследить вплоть до периода римского господства в Западной Европе. На некоторых скульптурах изображены божественные пары, в которых женщина маркирована эмблемами плодородия, такими как рог изобилия, в то время как мужчина держит чашу или маленький горшок. Это очень ясно видно на каменном рельефе из Гланума (юг Франции; см. рис. 65).

• ЛАНДШАФТЫ ПРЕДКОВ: ТАКОЕ РАЗНОЕ ПРОШЛОЕ •

*Давным-давно в Эрине, когда Племена богини Дану
потерпели поражение от сыновей Миля, вынуждены
они были уйти в холмы и горы, где построили для себя
просторные дворцы внутри холмов.*

Книга захватов Ирландии

Всепроникающей идеей в ирландских мифах было осязаемое соседство потустороннего мира, в котором обитали духи. Доступ к этому невидимому королевству можно было получить разными способами (преодолев море, реку или пещеру).

Согласно поверьям, мир этот был рассредоточен в разных местах, включая острова. Главными элементами потустороннего мира были *сиды* — холмы и курганы в ландшафте, которые воспринимались как места обитания богов. Древние ирландские неолитические курганные захоронения, такие как Ньюгрейндж и Наут, были объявлены сидами, хотя они были построены людьми на несколько тысячелетий раньше, чем формировалась средневековая запись легенд и преданий. Легко

Рис. 66. Крытый вход в погребение в Ньюгрейндж, графство Мит (Ирландия), во время зимнего солнцестояния

понять, почему возникали такие ассоциации, ведь древние захоронения, особенно гробницы долины Бойн, поражают воображение. Они не только велики, но и очень живописны, как если бы и вправду были обителями старых богов.

Первоначально строители Ньюгрейнджа возвели фасад из сверкающего белого кварца, испещренного черным гранодиоритом, чтобы создать мерцающую, ослепительную стену с эффектом меняющегося цвета. Внутри этих массивных каменных гробниц были установлены плиты, украшенные причудливыми узорами. В Ньюгрейндже была тщательно продуманная система освещения входа и коридора, который вел к гробнице. Солнце проникало туда на рассвете во время зимнего солнцестояния и заливало светом проход к погребальной камере, словно вызывая мертвых к жизни. Неудивительно, что следующие поколения считали: такие фантастические памятники не могли быть творением человеческих рук.

Тара

Место королевских собраний в Таре (графство Мит) окутано преданиями. По общему мнению, это место вступления на престол легендарных и исторических королей. Доказательства как королевской легенды, так и реальной истории в Таре основаны на средневековой литературе, в том числе на мифологических прозаических сказаниях VIII века н. э. и на более ранних исторических документах, включая правовые трактаты.

Тара имеет огромное археологическое значение, поскольку там обнаружен целый ряд древних памятников. Но самое поразительное в этом месте то, что его репутация как церемониального центра, где принимали власть высокие короли Ирландии, почти полностью основана на священном монументальном ландшафте, который был на тысячи лет древнее раннесредневекового ирландского мифологического мира. Это ритуальное место содержит доисторические гробницы,

Королевское наследие Тары

Одним из ключевых фрагментов археологических свидетельств, связывающих Тару с ранними историческими королями, является погребальное поминание на найденном там камне-огаме. *Огам* — ирландская письменность в виде горизонтальных штрихов вдоль вертикальной линии, где каждая отдельная комбинация образует букву. Такая надпись сделана на погребальном камне Мак Каэртинна, раннего короля Лейнстера, чье имя фигурирует в юридическом трактате VII века.

Одна из самых известных находок Раннего Средневековья в Таре — так называемая «Брошь из Тары» (найдена не у самой Тары, а в близлежащем Беттистауне). Драгоценность, выполненная из позолоченного серебра, представляет собой брошь в форме кольца, инкрустированного стеклом, эмалью и янтарем и покрытого гравированным и филигранным орнаментом. Диаметр предмета — 4,6 см. Украшение использовали как застежку для плаща. Оно принадлежало лицу очень высокого ранга. Мог ли такой уникальный предмет некогда украшать мантию верховного короля Тары?

Рис. 67. Вид Тары с воздуха, место королевских собраний, графство Мит (Ирландия). Памятники датируются неолитом и бронзовым веком

изгороди, оборонительные насыпи и отдельные стоячие камни-менгиры, и все это было вплетено в легенду Тары. Первое укрепление в Таре датируется IV тысячелетием до н. э., за ним последовали поздненеолитические коридорные гробницы (похожие на Ньюгрейндж), такие как «Курган Заложников». Общины бронзового века возвели здесь круглые курганы, в которых оставили золотые сокровища.

• ЛИА ФАЛЬ •

В Раннем Средневековье доисторические достопримечательности были украшены и включены в новые комплексы памятников, связывая ритуальный ландшафт с мифо-историческими этапами жизни Тары. В одном из таких комплексов находился Лиа Фаль («Камень Фала») — мегалитический стоячий камень,

Рис. 68. Вертикально установленный Лиа Фаль на холме Тары, графство Мит (Ирландия)

которому в мифологии королевской церемонии отводилось видное место в качестве «вопящего камня». (Камень должен был издать громкий крик, когда его касался новый законный король.)

Конайре Мор был мифическим ирландским королем. Как и прочие претенденты, он должен был пройти серию испытаний, чтобы доказать свое право на престол. Первым испытанием было запрячь коней в колесницу: считалось, что лошади нападут на неправомерного претендента. Затем он должен был надеть мантию, лежавшую в колеснице: если он не был законным королем, плащ был бы ему велик. Следующим заданием Конайре было проехать на колеснице между двумя камнями, и если бы он не подходил на эту роль, камни сблизились бы и не позволили ему пройти. Наконец, его ждал Лиа Фаль: когда его коснется ось колесницы законного короля, он должен был издать громкий звук. Камень, безусловно, был фаллическим символом, знаком вступления в брак законного правителя и богини власти: их союз обеспечивал плодородие земли и процветание страны.

• КАЛЕНДАРНЫЕ РИТУАЛЫ •

«Никто не отправится в путь по этой стране, — сказала она, — если не проведет ночь без сна накануне Самайна, когда лето поворачивает на склон, и вплоть до Имболка, когда ярки кормят ягнят молоком и начинается весна; от Имболка до Белтайна в начале лета и от Белтайна до Брон Трогайн (Лугнасада), когда на землю приходит осенняя печаль».

Похищение Быка из Куальнге

Во всей полосе умеренного климата люди отмечают, празднуют и освящают смену сезонов. Начиная с христианского

праздника Пасхи и заканчивая январским огненным праздником Отправки в Валхаллу (Ап Хелли Аа) шетландских викингов, времена года играют фундаментальную роль в календарях сельских жителей — нигде в большей степени, чем в земледельческих общинах. В кельтской Ирландии было четыре основных сезонных церемонии, отмечавших различные этапы пахотного и пастушеского года. Самайн отмечался в конце октября — начале ноября, на стыке старого и нового кельтского года. Как и его наследник Хеллоуин, Самайн был опасным временем «небытия», когда мир останавливался и духи покидали свое обиталище в потустороннем мире, чтобы бродить среди живых.

По происхождению Самайн был связан с пастушеским календарем и, вероятно, с перегоном крупного рогатого скота и овец с открытых пастбищ на зимние стойбища, а также с отбором животных, предназначенных для выбраковки. Самайн был тесно связан с Тарой, и именно в это священное и опасное время часто происходили собрания знати и королевские церемонии, чтобы их могли благословлять боги, пришедшие в мир людей.

Праздником ранней весны был Имболк: его отмечали в начале февраля, и он был приурочен к рождению ягнят и появлению молока у овец. Название означало «Очищение», оно могло быть связано с белизной молока, а также с необходимостью проверять здоровье животных после зимнего содержания, когда инфекции легко распространялись по стаду. Имболк ассоциировался со св. Бригитой, изначально языческой ирландской богиней, отвечающей за молоко у животных. Бригита превратилась в святую в раннехристианский период, но все равно выполняла свои прежние обязанности, обеспечивая вдоволь молока, масла и сливок.

Два других кельтских праздника знаменовали собой начало и конец лета. Белтайн был огненным праздником и, как

Древний календарь галлов

В 1897 году куски большой панели из листовой бронзы были обнаружены умышленно захороненными в поле к северу от Колиньи в Центральной Франции. Эти фрагменты с гравированными надписями были частью огромного пятилетнего ритуального лунного календаря, написанного римскими буквами и, вероятно, датируемого I–III веком н. э., но текст был не на латинском, а на галльском языке. В календаре перечислены жертвоприношения и другие священные события, и каждый 28-дневный месяц делится на половины по две недели в соответствии с восходом и заходом луны; причем первый цикл из двух недель был более активным и отделялся от второго цикла галльским словом *Atenoux*. Одним из наиболее значимых слов в надписи является *Samonios*, означающее Самайн. Это указывает на то, что кельтские праздники ни в коем случае не ограничивались западными окраинами кельтского мира, но первоначально отмечались в гораздо более широком регионе, включая Галлию.

Календарь из Колиньи был ценным и весьма почитаемым объектом, который использовался для предсказания природных явлений и планирования религиозных церемоний. Так почему он был умышленно разбит на куски и захоронен? Возможно, его

срок истек, но объект обладал, по мнению друидов, слишком большой духовной силой, чтобы можно было расплавить металл и использовать его повторно. Или, вероятно, разбитые фрагменты стали результатом преследований и осознанной потребности местного духовенства сохранить секреты календаря, скрыв его и делая невозможным его чтение (как мы сегодня разрезаем использованные банковские карточки).

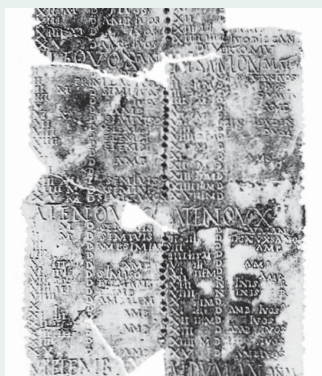

Рис. 69. Часть календаря из Колиньи, Эн (Франция)

и многие другие солнечные церемонии, отмечался в благодарность за наступление теплой погоды и обилие солнечного света, а также означал прошение, чтобы солнце всегда возвращалось и дарило созревание урожая. Церемония наступления Белтайна в Ирландии и Шотландии была приурочена к маю. Друиды разжигали костры в священных местах, таких как Тара, и стада скота прогоняли между парами костров, чтобы очистить животных. Этот ритуальный акт также служил практической цели сжигания омертвевшей кожи и очищения животных от паразитов.

Согласно средневековым ирландским текстам первый друид, который зажег огонь на Белтайн, звался Миде. Его костер стал традиционным по всей Ирландии, что вызвало ревнивый гнев собратьев-друидов. Миде ответил на это, вырезая и сжигая языки своих противников, тем самым освобождая их от их способности говорить и проклинать или накладывать гейсы на него. Потаенная форма Белтайна может быть идентифицирована и в валлийской мифологической традиции христианской эпохи, потому что именно в это время года происходили волшебные события. Например, в мае, накануне Белтайна, Придери, сын Рианнон и Пуйлла, исчез из кровати матери и волшебным образом вновь появился далеко от дома, у Теринона, лорда Гвент-Искода.

Последним в череде сезонных праздников был Лугнасад, который отмечался в августе, обозначая конец летнего периода и сбор урожая. Как следует из названия, эта поздняя летняя церемония была связана с Лугом, богом света и ремесла, который основал Лугнасад в честь своей матери Тайльtiu. Как и Самайн, этот праздник выбрали для проведения важных ритуальных и политических собраний при королевских дворах, таких как Тара и Эмайн Маха. Все сезонные церемонии проходили в поворотные моменты, в пограничные периоды, которые считались рискованными. Любая

трансформация воспринималась как событие, чреватое опасностью и находящееся под сильным влиянием капризной группы неприрученных духов, чью силу нужно было почитать и сдерживать.

В новое время в Британии и западном мире сохранились аналоги древних кельтских сельскохозяйственных праздников. Мы по сей день помним Майский день (Калан Май в Уэльсе). Праздник урожая является важным событием и в христианском мире. Хеллоуин (и приуроченный к нему христианский День всех святых) отмечает наступление зимней тьмы и приходится точно на Самайн. Вероятно, только Имболк не выжил с течением веков.

• Глава 9 •
НЕБО И АД: РАЙ И ПОДЗЕМНЫЙ МИР

*Ты той страны не найдешь милей,
Слава под солнцем ее велика,
Ветви от яблок согнулись к земле,
Цвет и листва здесь живут века.
Ойсин и Страна вечной молодости. Из цикла фениев**

Ключевым аспектом для человека является необходимость примириться со смертью и разобраться с вопросами, возникающими в конце жизни. Что происходит с нами, когда мы умираем? Является ли смерть концом или мы можем рассчитывать на загробную жизнь? И если да, как наше посмертное будущее связано с поведением в этой жизни? Если мы прожили ее достойно, можем ли мы ожидать награды на небесах? Отправляется ли злой человек в ад? В любом случае, что такое рай и ад и где они находятся? Сохраняем ли мы себя в какой-либо форме? Воссоединяемся ли мы в загробном мире с любимыми? Учитывая озабоченность этими проблемами, следует ожидать, что некоторые из основных элементов мифов по всему свету — это описание потусторонних миров.

В некоторых культурах рай и ад тесно связаны с лучшим и худшим в человеческой жизни. Библейский ад полон огня и мучений. Но для древних норвежцев Валхалла, зал пиршеств для доблестных воинов, была теплым местом, а Ад — вечным холодом, убогим, темным, отрезанным от мира людей рекой Гьёлль, подобной Стиксу в античной мифологии. В основе христианских представлений о небесах лежит вера в соединение с Богом. Для многих других религиозных традиций хорошая

* Автором этого стихотворения традиционно считается ирландский поэт Михаль Комин (1676–1760).

Рис. 70. Галльский пир, как его представляли
в гораздо более поздние времена

загробная жизнь включает все лучшее из человеческого опыта, но без его недостатков.

Для кельтов лучшей стороной потустороннего мира (который не делился на противоположные части вроде рая и ада) был вечный праздник, включающий пиршество, охоту и игры. Была и опасность — возможность столкнуться с враждебными духами и чудовищами, порождениями ночных кошмаров. Живые существа, которые имели смелость проникать в потусторонний мир, будучи все еще привязанными к миру людей (как ирландские герои Кухулин и Финн), подвергались наибольшему риску встретить там нечто ужасное. Для кельтов жизнь после смерти требовала сохранения физического тела с неповрежденной системой пищеварения. Как еще мертвые могли наслаждаться огромными кусками жареного мяса и кружками алкогольного напитка?

Согласно традициям саамов, живущих в Северной Скандинавии, мертвые населяют подземный мир, где ходят вверх

ногами по следам живых существ в зеркальном отражении жизни на земле. Возникает необычайно любопытная картина бытия после смерти: тела сохраняются, поддерживая прямые связи с материальным миром. Однако буквально все перевернуто с ног на голову в параллельной Вселенной, границы которой редко удастся преодолеть — не считая движения в одном направлении, от жизни к смерти. Единственное проявление потустороннего мира на земле — это духи и шаманы, которые имеют ограниченный доступ к нему по определенным «линиям разломов»: островам, порогам, пещерам, каменным трещинам и грудам камней, куда местные общины приходят приносить жертвы.

Саамское видение загробной жизни и доступа к духовному миру имеет много общего с представлениями о смерти в кельтской мифологии. Сочетание археологических свидетельств, античной литературы и раннесредневековых ирландских и валлийских текстов дает представление об осязаемом потустороннем мире, населенном духами предков и богами. Даже точки доступа, облегчающие возможность приблизиться к духам, были схожи: подразумевались особые места в ландшафте, наполненные мистической силой. Вода в кельтском понимании служила таким каналом доступа в потусторонний мир — возможно, из-за отражающих свойств, которые заставляют мир повторяться визуально, но вверх ногами.

Во время праздника Самайна, на пороге зимы, мир людей подвергался наибольшему риску вторжения со стороны обитателей мира духов: границы приоткрывались, и обитатели потустороннего мира бродили среди живых, принося им благо или вред, в зависимости от характера конкретного фантома. Ужасные боевые фурии могли являться людям, мыть оружие воинов у брода (символ пути между мирами) и пророчествовать, кто умрет на поле битвы. Именно во время Самайна, в период «небытия», живые кельтские герои, такие

как Финн и Кухулин, смогли войти в мир мертвых, оставаясь невредимыми.

• ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА •

*Он никогда в жизни не видел собак, подобных им по цвету.
Шерсть их была снежно-белой, а уши — алыми; и белизна их
шерсти сияла так же ярко, как алость их ушей.*
Мабиноги. Первая ветвь

Существа из потустороннего мира, которые вмешивались в жизнь людей, демонстрировали свое присутствие различными закодированными посланиями, которые были хорошо знакомы слушателям мифологических преданий. Мы уже сталкивались с самым характерным отличием: это цветные детали, особенно белые и красные, иногда в сочетании. И Ирландия, и Уэльс были богаты рассказами о белых красноухих животных, особенно о собаках, принадлежавших богам. У Арауна, короля валлийского потустороннего мира, была стая белых охотничьих собак с красными ушами, с которыми столкнулся Пуйлл, владыка Арберта, — с этого начинается первая ветвь «Мабиноги». Распознавание иномирных персонажей должно было сразу вызывать у слушателей сильное волнение; с этого момента все ждали чего-то важного и, возможно, катастрофического.

Согласно ирландскому мифу белые кабаны ворвались в ничего не подозревающий земной мир из потустороннего мира и заманили охотников-людей на погибель. В сказании «Килхух и Олвен» магические вепри, которых отец Олвен приказал одолеть Килхуху, отличались от обычных серебряными щетинками, блестящими как сталь. Страшная богиня битвы Морриган предстала перед Кухулином в облике рыжеволосой женщины с рыжими бровями. Она управляла

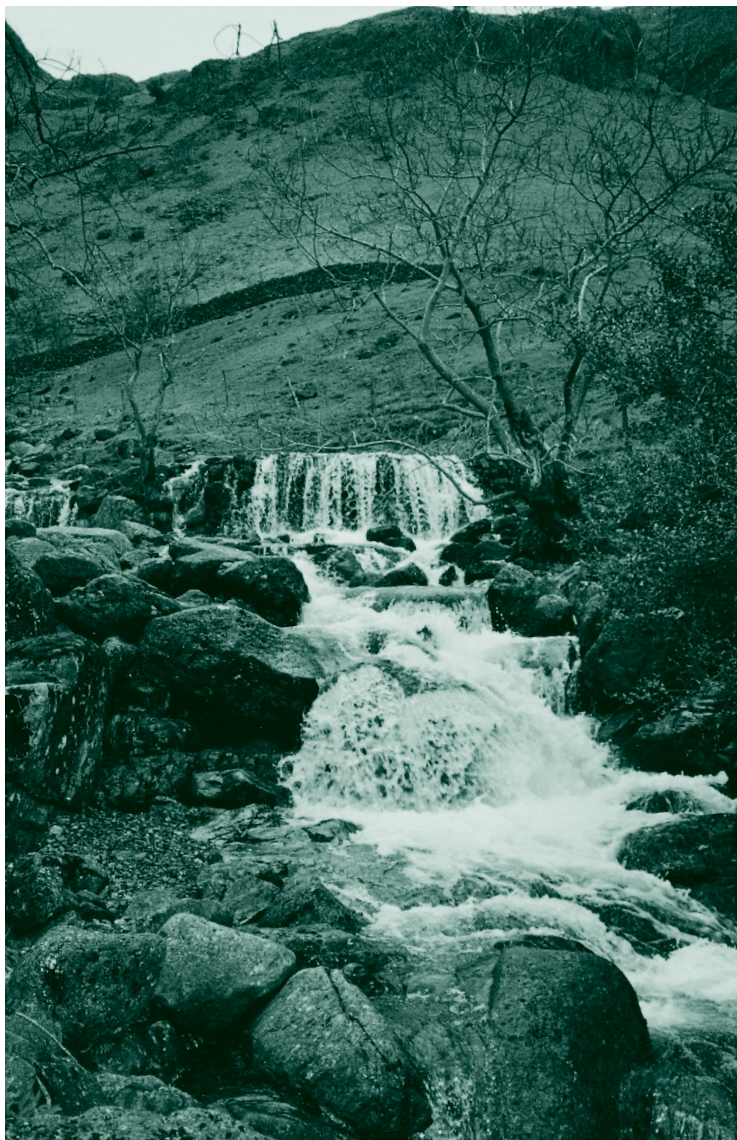

Рис. 71. Водопад в Грейт-Лэндгейл в Камбрии;
бурлящий поток воды ассоциировался с потусторонним миром

колесницей, которую везла одноногая красная лошадь (увечье коня, невозможное в действительности, — еще один признак происхождения из потустороннего мира). В другом из ее многочисленных проявлений Морриган предстала перед Кухулином как рыжая безрогая телка. Цвет придавал особый смысл письменным или устным преданиям, он будил воображение и помогал передать скрытое сообщение: белый был цветом костей и обескровленных трупов; красный — цветом крови и ран.

Еще один пример подобного визуального кода — сочетание цветов: полосы, пятна и пр. Святые мужчины и женщины носили пятнистые одежды, чтобы обозначить свою двойную идентичность как части мира живых и мира мертвых. Такова была ирландская пророчица Федельма, описанная в «Похищении Быка из Куальнге», одетая в пестрый плащ, когда она предстала перед королевой Медб и предсказала ее поражение от рук Кухулина. Слепой друид Мог Руит, бросивший вызов магическим силам Кормака, короля Ульстера, также носил пятнистый плащ из перьев, с помощью которого был способен перелетать между мирами.

• ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ •

[По учению друидов] тени не улетают от нас в приют молчаливый Эреба, к Диту в подземный чертог, но тот же дух управляет телом и в мире ином; и если гласите вы правду, смерть посредине лежит продолжительной жизни.

Лукан. Фарсалия, I

Античные авторы, такие как Цезарь и Лукан, описавшие обычаи древних кельтов Галлии, рассказывали в том числе об их представлениях о возрождении после смерти.

Сведения эти можно интерпретировать двумя способами. Согласно одному, люди обретали другие физические тела и заново рождались в материальном мире (этому также учит индуизм; на подобной точке зрения останавливался греческий философ-математик Пифагор). Согласно другому из них, люди сохраняли свои тела, но обретали молодость в параллельном потустороннем мире (примерно так считается в саамской традиции). Археологические свидетельства и раннесредневековая ирландская и валлийская мифологическая литература дают основания предполагать, что кельтская космология выбрала второй взгляд на жизнь после смерти.

Когда Пуйлл и Араун, владыка Аннувна (валлийского потустороннего мира), обменялись на один год и один день своими королевствами (см. с. 55), Араун наложил на Пуйлла два запрета: первый — не вступать в половые сношения с женой Арауна; второй — низвергнуть соперника Арауна из его мира, Хавгана. Пуйлл согласился следовать этим двум условиям, и во владениях Арауна обнаружил блистательный двор, полный золота, драгоценных камней и шелка, и столы, ломившиеся от роскошной еды и питья. Красивая жена Арауна была озадачена и огорчена тем, что ее «муж» не делил с ней постель, но Пуйлл не нарушил данное слово.

Кажется странным, что Араун не мог самостоятельно побороться за власть в потустороннем мире, но в этом заключается важный аспект обитателей мира духов: они были физически слабыми, лишеными жизненной силы и испытывали недостаток в мощной энергии смертных. В конце года Пуйлл нашел повод и убил Хавгана, а затем вернулся в свое земное королевство Арберт, чтобы обнаружить, что, согласно земному времени, он не отсутствовал и дня. Однако люди Пуйлла заметили в нем перемены после его пребывания в мире духов: они удивлялись, насколько благородным и щедрым он стал, даже в большей степени, чем прежде.

• КОТЕЛ ВОЗРОЖДЕНИЯ •

Я дам тебе котел, и свойство этого котла таково, что если погрузить в него сегодня убитого человека, то на завтра он будет так же жив, как раньше, кроме того, что не сможет говорить.

Мабиноги. Вторая ветвь

Дагда, или буквально «Добрый Бог», был ответственен за плодородие Ирландии и, оправдывая свой статус, имел ряд возлюбленных, включая Боанн, богиню реки Бойн. Дагда владел множеством волшебных орудий. Одними из самых важных были огромная палица и магический котел. Один конец палицы забирал жизнь, а другой — возвращал. Котел Дагды обеспечивал вечное процветание земли, поскольку обладал силой возрождения, мог предоставлять запас пищи, которая никогда не истощалась.

Вторая ветвь «Мабиноги» рассказывает историю о другом магическом котле возрождения, принадлежавшем Брану Благословенному. У него была способность воскрешать воинов, убитых в бою, настолько хорошо, что на следующий день они могли сражаться даже смелее, чем раньше. Но у этого сосуда воскрешения была и обратная сторона: воины, помещенные в него, возвращались, утратив способность говорить. По сути, это означает, что они превращались в своего рода зомби — нежить, вернувшуюся на землю лишь для того, чтобы сражаться.

Кельты высоко ценили дар речи, для них это было воплощением самого понятия «быть человеком». Ораторство и поэзия представляли собой краеугольные камни общественной жизни, поскольку сила слова была даже важнее военного искусства, а барды и пророки принадлежали к наивысшему рангу у кельтских народов. Слушатели сказания о котле Брана сразу понимали, что люди, возродившиеся в нем, были немые,

потому что теперь принадлежали миру мертвых. Божественная воля ненадолго вернула их на поле, но не как полновесные фигуры, а подобно пешкам в игре.

Изображения магического котла

Крайне редко археологические свидетельства оказываются пригодными для прямого сравнения с мифом. Но изготовленный в I веке до н. э., то есть столетиями раньше, чем письменные предания, Гундеструпский котел является именно таким исключительным объектом (см. также с. 34–35, 139, 149). Одна из самых выразительных панелей (см. илл. ниже) изображает сцену, удивительно похожую на валлийское сказание о котле Брана. Панель состоит из верхнего и нижнего регистров. Нижний представляет процессию пеших воинов, стоящих слева; все они, кроме одного, с мечами и продолговатыми щитами, а единственный воин в этом регистре, на котором есть шлем, держит особенно длинный меч, но не имеет щита. Позади него три трубача с *карниками* — длинными военными трубами, которые украшены декором в виде оскаленных каменных голов. В левом конце панели первый из пеших воинов

Рис. 72. Внутренняя пластина Гундеструпского котла (Дания)
с изображением возвращения воина к жизни в котле

Котел Артура

Валлийское поэтическое* сказание «Добычи Аннвуна» было записано в конце XIII или начале XIV века. В нем рассказывается о волшебном сосуде потустороннего мира, сделанном из сверкающей бронзы и усыпанном драгоценными камнями. Котел был капризным, он никогда не варил пищу для трусов, и ему требовалось дыхание девяти девственниц, чтобы сварить бульон; как все магические объекты потустороннего мира, он, с одной стороны, давал, а с другой — забирал. Когда Артур отправился в экспедицию, чтобы добыть этот котел, ему удалось формально преуспеть, но большая часть магии при этом была утрачена. Этот своенравный сосуд стал известен под названием *Peir Annwnfn* — «Котел потустороннего мира».

Древний котел, изготовленный в VIII веке до н. э. и брошенный в озеро Ллин Ваур в Южном Уэльсе вместе с другим, более фрагментированным сосудом и еще рядом сокровищ, сильно напоминает «Котел потустороннего мира», поскольку на нем тоже есть множество заклепок с куполообразными навершиями — гораздо больше, чем того требует необходимость для скрепления металлических частей. Ночью, освещенный только бликами огня, этот некогда ярко сияющий котел из красного золота мог отражать пламя, а заклепки блестели, как алмазы. Возможно, случайное открытие подобных артефактов в Раннем Средневековье породило легенды о древних объектах магии, и сказители стали вплетать старые образы в новые мифы. Если котлы находили в озерах или других водоемах, их определенно могли считать пришедшими из потустороннего мира.

Рис. 73. Котел (один из пары) для подношений духам, найден в озере возле Ллин Ваур, около 700 года до н. э.

* У автора ошибочно: прозаическое.

противостоит борзой собаке и огромной человеческой фигуре, более чем в два раза превосходящей ростом каждого из пеших воинов; этот великан бросает одного из воинов лицом вниз в большой чан или котел. В верхнем регистре изображены четыре всадника, обращенные вправо, их лошади высоко поднимают ноги в стороне от котла. Всадники вооружены и носят шлемы, украшенные символами животных. Во главе конных воинов находится змей с рогами барана.

Очень заманчиво интерпретировать сцену, изображенную на Гундеструпском котле, как аналог эпизода возрождения мертвых из «Мабиноги». Если это правильно, то пешие воины могут представлять собой погибших воинов, выстраивающихся в очередь для воскрешения в магическом котле регенерации, а оживленные оказываются в более высоком статусе всадников. Рогатая змея может быть помощником шамана, состоящим из двух душ, чья смешанная форма символизирует способность проводить другие души между мирами. Кажется, что пешие воины в нижнем регистре закрывают глаза, как при смерти, тогда как глаза всадников открыты.

Трапеза с мертвыми

*В том доме было семь дверей, и вели к ним семь дорог.
Внутри было семь очагов, и стояло там семь котлов,
и в каждом варились соленая говядина и свинина. Каждый,
кто входил в палату, брал в руку вилку и опускал ее в котел.*
Повесть о кабане Мак Дато

Ирландская «Книга вторжений» описывает, как божественная раса, Племена богини Дану, была вытеснена следующей волной захватчиков — гойделами, или кельтами. Племена богини Дану не исчезли из Ирландии полностью, но покинули мир людей, чтобы заселить потусторонний мир, устроив дома в курганах и холмах-сидах, под землей. Поэтому в потустороннем мире

Рис. 74. Неолитическая погребальная камера в Тинкинсвуде; вероятно, ранние кельты Уэльса считали ее местом обитания духов Южного Глэморгана (Южный Уэльс)

было много богов и много центров (бруиденов), и у каждого из богов проходили пиры. Эти дома отличались роскошью и гостеприимством, там мертвые могли есть и пить днями и ночами напролет, рекой текли алкогольные напитки, не иссякали запасы свинины, потому что каждый день убитых свиней воскрешали, убивали и жарили заново.

• ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ ПРОЩАНИЕ: ПОГРЕБАЛЬНАЯ ТРАПЕЗА •

*Похороны у галлов, сравнительно с их образом жизни, велико-
лепны и связаны с большими расходами. Все, что, по их мнению,
было мило покойнику при жизни, они бросают в огонь, даже
и животных; и еще незадолго до нашего времени по соблюдении
всех похоронных обрядов сжигались вместе с покойником его
рабы и клиенты, если он их действительно любил.*

Цезарь. Записки о Галльской войне, 6.19

Важное послание мифов — вера в то, что со смертью все не кончается, в загробную жизнь, которая вбирает в себя все хорошее, что есть на земле. Некоторые погребальные практики железного века в Британии и на близлежащих территориях континента демонстрируют важность пиров в ритуале прощания с умершими. Этот ритуал не является универсальным для всех географических областей, но встречается практически постоянно. Он подразумевает помпезную церемонию и совместную трапезу, однако предназначен только для богатых и влиятельных людей.

Так зачем же на самом деле устраивали такие грандиозные пиры на прощание? Являются ли еда, напитки и остатки разнообразного мяса в захоронениях утешением для скорбящих, которые вкушали «от похоронных пирогов»* в память о покойнике? Или это материальное свидетельство пиршества смерти имеет более глубокое значение с точки зрения веры в загробную жизнь? Предполагали ли участники похоронной трапезы, что на ней присутствуют не только люди, но и боги? Считалось ли предоставление еды и питья необходимым для того, чтобы мертвого человека приняли в Счастливый потусторонний мир? Помещение еды в могилы, вероятно, несет в себе много смыслов, но прежде всего оно служит, с одной стороны, подтверждением твердой веры в загробную жизнь, а с другой — признанием необходимости умиротворения духовных хранителей иного мира.

* Цитата из «Гамлета» У. Шекспира:
«Хозяйство, друг Горацио, хозяйство:
От похоронных пирогов осталось
Холодное на свадебный обед...» (пер. А. Кронеберга).

• ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ •

*Были там кельты, что также зовутся иберы.
 Честью считают в сражении пасть, и нечестьем считают
 Мертвых сжигать: и верят, что к небу восходит
 Тот, чей заброшенный труп разорвет голодающий коршун...*
 Силий Италик. Пуника, III

Два римских писателя — Элиан и Силий Италик — писали о любопытном обряде, который практиковали кельтиберы северо-востока Испании. Тела благородных воинов, убитых в бою, подвергали экскарнации: их оставляли на открытом воздухе, чтобы плоть их была съедена птицами-падальщиками. Считалось, что такие птицы были священными для бога небес и с их помощью души доблестных будут вознесены в его чертоги.

В эпических поэмах «Илиада» и «Энеида» Гомер и Вергилий описывают погребальные обычаи древних греков и троянцев, а также обряды в честь тех, кто храбро сражался и погиб в бою. Тела сжигали на огромных погребальных кострах, чтобы герои поднимались в небо в виде дыма и присоединялись к богам. Аналогии с этими ритуалами захоронения можно обнаружить у британцев во времена римского владычества. Примерно в 50 году н. э. один вождь умер в Веруламии (Сент-Олбанс). Некоторое время его останки сохраняли, затем был устроен погребальный костер. Тело вождя сожгли вместе с некоторыми его вещами. Затем пепел поместили в гробницу, окруженную ограждением, а у входа погребли тела двух женщин — возможно, в качестве духовных стражей мертвого вождя. Место захоронения на современной Фолли-лейн, к северу от римского города железного века, оставалось центром почитания на протяжении всей римской эпохи, будто память об этом благородном британце, как о некоем доброжелательном боге-предке, была связана каким-то образом с гением места.

Погребение благородного британца

В 1965 году экскаваторы, прорывавшие траншею для укладки газопровода к новым жилым домам в Уэлвин-Гарден-Сити на юго-востоке Англии, обнаружили богатое захоронение двухтысячелетней давности. Могила принадлежала человеку самого высокого ранга в британском обществе позднего железного века, который умер в конце I века н. э. Несмотря на то что современные рабочие повредили некоторые предметы, археологам осталось достаточно, чтобы провести реконструкцию захоронения. У одной стены стояли шесть больших средиземноморских винных амфор, предположительно некогда заполненных до краев. На полу находились 36 предметов посуды отличного качества, в основном местного производства, но были там две тарелки и винный кувшин, привезенные из Галлии. Тему винопития развивали серебряный кубок и ситечко для сбора осадка тяжелого красного итальянского вина. Перед кремацией тело было завернуто в медвежью шкуру, так как в могиле сохранились обожженные когти зверя. Рядом с человеческими останками был найден набор из 24 превосходных стеклянных фишек для использования в настольной игре. Возможной аналогией является древняя египетская погребальная игра *сенет*. Можно предположить игру между мертвецом и духами потустороннего мира. Возможно, умерший должен был победить, чтобы получить доступ к загробной жизни.

Рис. 75. Захоронение благородного человека с посудой для пиршества, конец железного века, Уэлвин, Хертфордшир

Другие заметные погребения позднего железного века в Британии могут дать представление о системах верований ранних кельтов в загробную жизнь. Одно из них представляет особый интерес: во-первых, потому что мертвый «герой» был женщиной, а во-вторых, потому что захороненные предметы и само тело передают мощное послание, связанное с красным цветом, столь значимым в символике потустороннего мира в кельтской мифологии. Женщина была похоронена в Ветванге в Восточном Йоркшире. Когда она умерла в возрасте около 35 лет, ее похоронили под двухколесной церемониальной колесницей, которую она могла использовать в бою. Скорбящие положили кусочки свинины на ее туловище, а на голени — зеркало.

Описанные черты захоронения подходят к известной серии погребений на колесницах в этой части северо-восточной Англии. Но погребальные предметы, включая конское снаряжение и головной убор, были украшены красными кораллами, импортрованными из Средиземноморья. Более того, судебно-медицинская экспертиза искаженных лицевых костей показала, что эта женщина всю жизнь имела уродливое ярко-красное образование на лице, около носа. Но она вовсе не стыдилась и не прятала болезнь, которая, вероятно, выделяла ее как кого-то особенного, а богатство ее погребения указывает на высокий статус. Возможно, эта «красная дама» занимала особое место в обществе, потому что ее воспринимали как выходца из потустороннего мира.

• ЖИЗНЬ В ИНОМ МИРЕ •

Когда Араун привел Пуylла в свое королевство Аннуvн в потустороннем мире, переход казался легким делом, без каких-либо особых барьеров или ворот, где надо было бы договориться об условиях. Араун просто заверил Пуylла в том, что

тот не столкнется с помехами. Ирландские мифы раскрывают и другие пути в мир духов. Вода — озёра или океан — обеспечивала такой доступ; пещеры, ведущие под землю, и древние курганы, такие как Ньюгрейндж, тоже могли быть дорогой в мир духов. Некоторые острова воспринимались как потусторонние места. Домом морского бога Мананнана был «потусторонний остров» Мэн.

Сказание VII века «Плавание Брана» описывает историю плавания Брана и его спутников в Страну женщин, на Остров яблонь, воплощение Счастливого потустороннего мира, куда его заманила одна из прекрасных богинь. Сказание является примером двойственной природы загробного мира. Там никто не старел, это место было неподвластно времени; Бран и его люди довольно долго жили там, но затем некоторые из его спутников стали скучать по дому и захотели плыть в Ирландию. Женщины острова предупредили их, чтобы те не касались земли, но, когда они подошли к берегу, один из моряков, стремившийся домой сильнее остальных, выпрыгнул из ладьи

Рис. 76. Клоханы (каменные домики-«соты») на острове Скелиг Майкл, удаленном на 8 миль от побережья Юго-Западной Ирландии

и побрел по мелководью. Как только его ноги коснулись пляжа, он рассыпался в прах, мгновенно состарившись на триста лет.

Этот потусторонний мир был Землей вечно молодых, или Тир на н-Ог (Tír na n-Óg), но чары переставали действовать, если люди возвращались в свой мир, подвластный времени. Название «Авалон», место легендарного островного погребения короля Артура, означает «Остров яблонь». Согласно средневековым французским романам Артуровского цикла, таким как история Святого Грааля, Авалон располагался в Гластонбери, на «острове» посреди болотистых, низинных и богатых яблоками Сомерсетских равнин.

Другие легенды также рассказывают о встречах между живыми людьми и потусторонним миром. Одна история повествует о человеке по имени Нера, который жил в Коннахте, когда у власти были королева Медб и ее супруг Айлиль. Нера вошел в потусторонний мир через точку доступа в пещере Круахан, естественную расщелину в обнажении известняка (графство Роскоммон); в мифе речь идет о сиде. Дело было на Самайн, во время осеннего праздника перехода между старым и новым годом, когда границы между мирами людей и духов становятся необычайно прозрачными.

Несмотря на то что Нера был смертным и незаконно вступил в страну богов, ему было позволено там остаться и даже жениться на богине. Она предсказала, что королевский двор Медб в Круахане будет уничтожен огнем, если сначала не будет разорен сам сид. Нера вернулся в мир живых зимой, чтобы предупредить Медб. Он принес с собой несезонные летние растения — первоцвет, чеснок и золотой папоротник, — чтобы доказать своему народу, что он пришел из потустороннего мира, где время отличается от земного. Силы Коннахта вторглись в сид и разграбили его, унося с собой огромные сокровища, но Нера остался там со своей женой и семьей, чтобы уже никогда не вернуться в мир людей.

• ВНИЗ К МЕРТВЕЦАМ •

Дж. Р. Р. Толкин в книге «Властелин колец» рисует несколько примечательных изображений мертвых. Пожалуй, самым поразительным является путешествие хоббитов Сэма и Фродо через Мертвые Топи по пути в Мордор под руководством бывшего соплеменника, а ныне злобного маленького существа Горлума. Пустынные пространства освещены странными болотными огоньками. Под поверхностью застоявшейся воды видны тела тех, кто погиб в битве со злыми силами, прекрасно сохранившиеся; их бледные лица выглядят так, будто они просто спят. В фильме Фродо сбивается с пути и падает в воду, словно присоединяясь к миру мертвых, которые стремятся удержать его в своем царстве под поверхностью болота.

Образы Толкина здесь перекликаются с археологическими находками останков людей, которые по тем или иным причинам были погружены в болота в эпоху железного века и в римский период в Британии, Ирландии и других частях Северной Европы, где существовали болота. Многие из этих древних «болотных людей» демонстрируют признаки насильственной и безвременной смерти, часто их удушали перед утоплением. По каким признакам выбирали кандидатов для такой смерти, остается загадкой, но это должно иметь какое-то отношение к желанию прервать нормальный процесс распада тела и, возможно, «заморозить» его на полпути между материальным и иным мирами.

Вероятно, считалось важным, чтобы человек не мог стать духом предка из-за своего недостойного поведения или какого-то проступка при жизни. Такое случалось именно по негативным причинам — например, потому что дух покойного был слишком опасен. А в целом люди предпочитали держаться на расстоянии от склонных к злобе неупокоенных духов. Так что они старались задобрить мертвых и правильно

Ойсин и Страна вечной молодости

Предательская природа потустороннего мира показана в истории из цикла фениев, очень схожей с «Путешествием Брана». У вождя фениев Финна родился сын Ойсин («Молодой олень»). Однажды во время охоты отряд фениев под названием Фианна встретил прекрасную молодую женщину по имени Ниам. Ойсин влюбился в нее, и она соблазнила его отправиться в ее Страну вечной молодости, Счастливый потусторонний мир. Пока он жил там, время остановилось, но в конце концов Ойсин стал тосковать по дому.

Ниам неохотно дала ему разрешение посетить Ирландию в последний раз, но просила его ни в коем случае не касаться родной земли открытой частью тела. Она дала ему свою белую лошадь. Однако когда Ойсин достиг Ирландии, он увидел, что прошли сотни лет, не осталось следа от фениев. Он был так потрясен, что резко натянул поводья лошади, та встала на дыбы и сбросила Ойсина на пляж, где старость мгновенно настигла его, он одряхлел и рассыпался в прах.

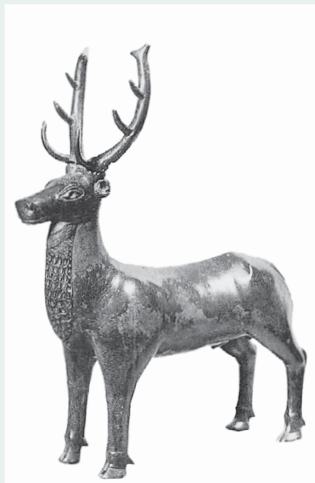

Рис. 77. Бронзовая фигурка оленя, конец железного века, Нёйи-ан-Сюльяс (Франция)

проводить их из мира живых, чтобы те готовы были помогать своему прежнему сообществу, выступать в качестве полезных посредников, способных соединить мир людей с миром богов.

Два ирландских «болотных тела» принадлежали людям, которые умерли примерно в 300 году до н. э. Они были обнаружены в 2003 году при добыче торфа в графствах Оффали и Мит. Вывод о том, что это были необычные персоны, основывается на их физических характеристиках и местах их обнаружения, в Средневековье служивших границами земель (вероятно, границы эти имели гораздо более древнее происхождение). Один из найденных, Человек из Олдкрогана,

Человек из Линдоу

В августе 1984 года машина для добычи торфа, работающая в районе Линдоу-Мосс в Чешире, извлекла человеческую руку, часть «болотного тела», пролежавшего в торфянике около двух тысяч лет. Останки принадлежали молодому человеку в расцвете сил; на момент смерти ему было около 25 лет. Он был полностью обнажен, если не считать нарукавной повязки из лисьего меха, при нем не было никаких предметов. Омела в не до конца переваренной им пище показывала, что он съел особый «последний ужин». Как и ирландские жертвы, этот человек получил ужасные травмы, приведшие к смерти; самыми значительными были два удара по голове, из-за которых треснул его череп. Вероятно, от этого он потерял сознание, после чего его удушили, перерезав при этом горло.

Три способа убийства побудили некоторых исследователей связать его смерть с раннесредневековым мифом о ритуальной тройственной смерти, постигшей некоторых ирландских королей. Одним из них был Диармайд Мак Кербал в VI веке н. э., который спросил у своих мудрецов, какая смерть его ждет. Ответ состоял в том, что он будет зарезан, утоплен в чане с элем и сожжен. Диармайд с презрением отнесся к такому пророчеству, но оно сбылось. Человек из Линдоу был выбран для особой смерти и погребения. Важно, что его тело застыло во времени,

был огромного по тем временам роста — 1,91 м — и соответствующего сложения. Его статус подтверждается уникальной плетеной кожаной повязкой, инкрустированной металлическими украшениями или амулетами. Другой, Человек из Клониавана, был более изящен и не так высок. Его особенной чертой была сложная прическа из длинных волос, удерживаемая на макушке с помощью своего рода геля для волос, сделанного из животного жира и сосновой смолы, привезенных из Южной Франции или Испании. Должно быть, это было дорогостоящее косметическое средство, что само по себе подчеркивает статус Человека из Клониавана. Присутствие

так как в болоте оно не могло разлагаться, поэтому обычные обряды похорон и простота перехода в загробный мир были для него недоступны. Его путешествие в потусторонний мир было остановлено у ворот, ведущих туда из мира людей.

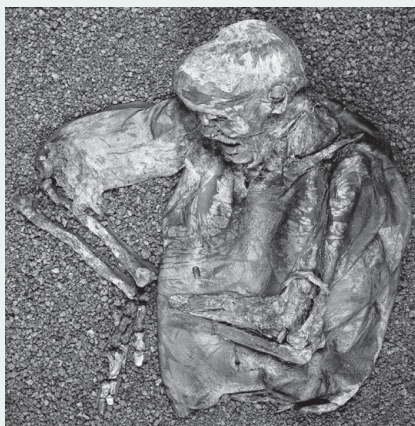

Рис. 78. Человек из Линдоу, конец железного века. Тело найдено в болоте возле Линдоу-Мосс, Чешир

паразитов в волосах указывает на то, что он достаточно долгое время жил с прической на жирно-смоляной основе, так что это сложное сооружение не было частью ритуала приготовления к смерти.

Оба человека длительное время подвергались жестоким истязаниям, что в итоге привело к ужасной смерти. Руки Человека из Олдкрогана были пронизаны насквозь витыми веревками из орешника; его соски были срезаны уже после смерти; наконец, он был обезглавлен и разрублен пополам. Человека из Клоникавана выпотрошили и долго били топорами по голове. Эти люди должны были занимать особое место при жизни и подвергаться особой смерти. Их захоронение в торфяных болотах на границе обитаемого пространства указывало на преднамеренное помещение их на предполагаемых вратах в потусторонний мир. Они могли быть принесены в жертву из-за преступлений, или нарушения табу, или просто потому, что они были особенными людьми, даже шаманами, которые были слишком опасны (и, возможно, слишком ценны), чтобы допустить их обычную смерть и погребение.

• НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА КЕЛЬТОВ •

Нелегко понять общую концепцию кельтского мира мертвых. Подобно химере, образы загробной жизни, кажется, постоянно меняются и варьируются в зависимости от того, какие свидетельства рассматриваются. Потусторонний мир может быть локализован на небе, под землей, в пещере или на острове. В отличие от мира людей, земное время не имеет там никакого значения. Мифологическая литература рисует капризный, непостоянный потусторонний мир, который был одновременно и замечательным, и ужасным. В ирландской традиции духи постоянно вмешиваются в дела живых людей,

во благо или во зло, в зависимости от своего каприза. Входы в потусторонний мир были пограничными местами, чреватými опасностями и риском для жизни. Но в то же время загробное царство представлялось как чудесная земля, изобилующая сокровищами и роскошными праздниками, место, где никто не старится. Валлийские мифы рисуют похожую, хотя и менее красочную картину.

И в Ирландии, и в Уэльсе потусторонний мир был неудобно близок к земной жизни. Предзнаменования и магические символы демонстрировали его родство с миром людей. Но прежде всего обе средневековые традиции рассказывали только о знатных семьях и об их опыте общения с миром духов. Для подтверждения мифологических гипотез археологическими данными необходимо обратиться к материальной культуре доримского железного века, и это, конечно, ставит серьезные вопросы о хронологии. Можно ли предположить, что древние котлы, сброшенные в воду, имели какое-либо отношение к природе магических котлов возрождения, многократно упоминавшихся в ирландской и валлийской мифологиях? Имеет ли щедрое свидетельство о погребальных трапезах в богатых гробницах железного века какое-либо отношение к пирам в ирландских сиадах? Как вообще традиции конца I века до н. э. сохранились и дошли до сказителей, а потом и до монахов-книжников, записавших легенды уже в Средневековье? Как и сам потусторонний мир, это ускользающие сюжеты, и однозначных ответов нам никогда не найти.

ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО: ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФА

Наказание для друида или жестокого человека, вовлеченного во зло, или для насмешника, или для несправедного сожителя, или еретика, или изменяющего супруга, а именно: семь лет на хлебе и воде.

Ирландский покаянный канон. VII век

«Воспитание в домах Двух Чаш» — ирландский текст Позднего Средневековья, в котором зафиксирован прямой вызов язычеству со стороны христианства. Энгус, бог — покровитель влюбленных, и Мананнан, бог моря, принадлежат к божественной расе Племен богини Дану. Но в тексте оба бога признают, что христианский Бог обладает гораздо большей силой, чем любое из языческих ирландских божеств.

Еще в VII веке н. э. были записаны ирландские предания, в которых сопоставлялась языческая и христианская вера, с неизбежной победой последней. Бригита была одновременно богиней и христианской святой. В своем языческом облике она принадлежала Племенам богини Дану и была как одиночным, так и тройным божеством. У нее был широкий спектр функций, в том числе ремесленное производство, исцеление (особенно помощь женщинам при родах) и поэзия; она также была покровительницей молочного и пивоваренного производства. Ее праздник приходился на Имболк, когда рождались новые ягнята.

Я нечист, но та дева наполнена Святым Духом.

Однако она не принимает мою еду.

Житие св. Бригиты

Бригита является редким примером кельтской богини, которая существует также как христианская святая. В VII веке н. э.

монах по имени Когитос написал житие св. Бригиты на латинском языке (*Vita Brigitae*). Там говорилось, что эта святая была основательницей христианского монастыря в Килдаре в V или VI веке, но она скорее принадлежала легенде, чем реальности. Обращение к Бригите в ранних текстах показывает удивительную смесь языческих и христианских элементов, что задает особое напряжение двух противостоящих систем. Бригита выросла в доме друида, и поскольку она не могла переварить пищу, которую он ей давал, потому что та была осквернена прикосновением руки язычника, она кормилась молоком особой белой красноухой коровы. Масть животного ясно указывала на принадлежность языческому потустороннему миру. Приемный отец Бригиты, друид, признал ее чистоту и приобщился к христианской религии. Он даже выбрал девочке имя (имя ирландской богини) после того, как три христианских монаха явились ему во сне и приказали называть ее Бригитой. Но даже будучи христианской святой, она сохранила некоторые из своих языческих обязанностей, особенно как покровительницы при изготовлении масла и пивоварении.

Если житие Бригиты представляет принятие христианства и его победу над язычеством как мирный и практически плавный переход, такого не скажешь об источниках VII века, например о житии св. Патрика, которому приписывают обращение Ирландии в христианство в 432 году. Его история наполнена эпизодами конфликтов между язычниками и христианами. В частности, Патрику приписывают вызов, брошенный им придворным друидам, советникам короля, которые возмущались пренебрежительным отношением Патрика к их духовным способностям. Особенно выразительная история касается вражды христианского святого с Лукатом, друидом короля Лозгайре. Тот попытался отравить вино Патрика в Таре во время крупного языческого религиозного праздника и, когда потерпел неудачу, бросил Патрику вызов и предложил

испытание огнем, которое выиграл Патрик. Лоэгайре признал превосходство Патрика и принял христианство.

Письменные свидетельства о жизни св. Бригиты и св. Патрика указывают на столкновение христианства и язычества и взаимодействие между ними в середине I тысячелетия н. э., о борьбе между друидами и святыми. Другие свидетельства также подчеркивают связи между старыми религиозными системами со множеством богов и новым монотеизмом. Тринитарная природа христианства — Отец, Сын и Святой Дух — хорошо сочеталась с устоявшимся триадизмом кельтского язычества. Мифы и более ранние культовые символы изобилуют тройными образами, поэтому триединство Бога было удобной и знакомой концепцией, которую христианские миссионеры могли использовать для воздействия на умы язычников.

Переход от язычества к христианству отобразился не только в литературе, но и в искусстве. В Лландаффском соборе в Кардифе есть каменный рельеф XIX века с изображением тройной головы, символа Троицы, который идеально соответствовал образам языческой тройной головы божества. Идею использования аспектов языческой веры в качестве проводников при обращении можно увидеть и в археологических свидетельствах, относящихся к константиновскому периоду, то есть к IV веку. В 1975 году металлоискатель обнаружил клад раннехристианской церковной утвари в римском городе Дуробрива (Кембриджшир)*. Среди найденных предметов оказались серебряные таблички в форме птичьих перьев, знакомые вотивные предметы, которые не раз встречались в языческих романо-британских святилищах. Однако они были украшены золотом с монограммой «Х-Р», символом,

* Ныне Уотер-Ньютон; клад больше известен в научной литературе как «клад из Уотер-Ньютона».

Рис. 79. Витраж с изображением св. Бригиты, XIX век, Баллилинан, графство Лиишь (Ирландия)

составленным из первых двух греческих букв слова «Христос». Безусловно, эти объекты тщательно соединяли символику старой веры и новой религии, облегчая проникновение последней в языческий мир.

Человеческая голова — еще один постоянный мотив мифологии и дохристианского искусства. Но раннехристианские художники тоже были очарованы этим религиозным символом. Головы преувеличенного размера появляются на ирландских крестах VIII–IX веков, подобно головам апостолов, сгруппированных вокруг основания Креста из Муна в графстве Килдар, или Христа на пластине с Распятием из Риннагана, около

Атлона. Возможно, наиболее запоминающимся произведением христианского кельтского искусства является одна из иллюстрированных рукописей, замечательная страница «Х-Р» из Келлской книги, написанной в конце VIII — начале IX века. Страница покрыта узорами, в том числе бесчисленными *трискелами* (тройная спираль, любимый мотив в декорации железного века в Ирландии и Уэльсе). Но доминирует на странице человеческая голова без тела.

Когда император Константин в начале IV века объявил христианство государственной религией Рима, язычество — кельтское или римское — определенно не исчезло в один момент, а продолжало существовать веками. Кельтские мифы, собранные в письменной форме монахами, но основанные на более раннем устном репертуаре местных сказителей, сохранили языческую традицию, которая, несмотря на манипуляции христианских книжников с сюжетами и персонажами, рассказывала немало о далеком прошлом. Некоторые монахи, фиксировавшие мифы в рукописях, возможно, даже воспитывались в среде устного рассказывания историй. Независимо от того, было это так или нет, и несмотря на христианскую адаптацию, исходные мифы Ирландии и Уэльса были сохранены ради исторической хроники страны и создают богатый и красочный гобелен с преданиями о древних богах, сверхъестественных существах, чарах и чудесах, о постоянном вмешательстве духов в человеческие дела. Сила языческой мифологической традиции продолжала проявляться спустя столетия после того, как христианство стало обычным явлением на кельтских землях, и никоим образом не была утрачена под воздействием новой монотеистической веры. Люди, жившие в конце I тысячелетия н. э., вполне могли быть христианами в публичной жизни и одновременно придерживаться многих языческих традиций и представлений.

• РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА •

Общие работы и переводы

- Davies, S., *The Mabinogion The Great Medieval Celtic Tales*, Oxford, 2007.
- Delaney, F., *Legends of the Celts*, London, 1980.
- Gantz, J., *Early Irish Myths and Sagas*, London, 1981.
- Green, M. J., *Dictionary of Celtic Myth and Legend*, London and New York, 1992.
- Green, M. J., *Celtic Myths*, London, 1993.
- Green, M. J., ed., *The Celtic World*, London and New York, 1995.
- Green, M. J., and R Howell, *Pocket Guide to Celtic Wales*, Cardiff, 2000.
- James, S., *Exploring the World of the Celts*, London and New York, 1993.
- Kinsella, T., *The Tá in*, Oxford, 1969.
- Mac Cana, P., *Celtic Mythology*, Feltham, England, 1983.
- O' Faolain, E., *Irish Sagas and Folk Tales*, Oxford, 1954.

Друиды

- Aldhouse Green, M. J., *Caesar's Druids*, New Haven and London, 2010.
- Chadwick, N., *The Druids*, Cardiff, 1997 (2nd edn, 1st edn 1966).
- Cunliffe, B., *Druids A Very Short Introduction*, Oxford, 2010.
- Fitzpatrick, A. P., *Who Were The Druids?*, London, 1997.
- Green, M. J., *Exploring the World of the Druids*, London and New York, 1997.

Археология

- Brunaux, J.-L., *The Celtic Gauls Gods, Rites and Sanctuaries*, London, 1988.
- Green, M. J., *The Gods of the Celts*, Stroud, 1986.
- Raftery, B., *Pagan Celtic Ireland*, London and New York, 1994.

Полемика о кельтах

- Collis, J., *The Celts Origins, Myths, Inventions*, Stroud, 2003.
- James, S., *The Atlantic Celts, Ancient People or Modern Invention?*, London, 1999.

Источники цитат

Работы, не включенные в список литературы, цитируются по следующим изданиям:

- Caldecott, M., *Women in Celtic Myth*, London, 1988.
- Carson, C., *The Tain: A New Translation of the Tain Bo Cuailnge*, London 2008.
- Duff, B., trans. *Silius Italicus*, *Punica*, London, 1949.
- Falconer, W., trans., *Cicero, de Divinatione*, London, 1922.
- Graves, R., trans., *Lucan, Pharsalia*, Harmondsworth, 1956.
- Harrison, G. B., (ed.), *Macbeth: The Penguin Shakespeare*, Harmondsworth, 1937.
- Hennessey, W. M., 'The ancient Irish Goddess of War', *Revue Celtique* 1, 1870~72.
- Jones, G., and T. Jones, *The Mabinogion*, London, 1974.
- Minahane, J., *The Christian Druids. On the Filid or Philosopher-Poets of Ireland*, Dublin, 1993.
- O'Faolain, E., *Irish Sagas and Folk Tales*, Dublin, 1986.
- Ross, A., *Pagan Celtic Britain*, London, 1967.
- Sjö blom, T., 'Advice from a Birdman: Ritual Injunctions and Royal Instruction in TBDD', in A. Ahlqvist, G. W Banks, R. Latvio, H. Nyberg and T. Sjoblom, eds, *Celtica Helsingensia*, Helsinki, 1996, 233–51.
- Stokes, W., *Coir Anman*, Leipzig, 1897.
- Thorpe, L., trans., *Giraldus Cambrensis. The Journey Through Wales*, Harmondsworth, 1978.
- Tierney, J. J., 'The Celtic Ethnography of Posidonius', *Proceedings of the Royal Irish Academy* 60, 247–75.
- Webb, J. F., trans., *Navigatio Brendani. The Voyage of Saint Brendan*, Harmondsworth, 1965.
- Webb, T., ed., *WB Yeats Selected Poems*, London, 2000.
- Winterbottom, M., *The Ruin of Britain and Other Works*, London, 1978.
- Wiseman, A., and P. Wiseman, trans., *Julius Caesar. The Battle for Gaul*, London, 1980.

Источники отдельных цитат в тексте:

5	W. B. Yeats Cuchulain's Fight with the Sea, lines 75–83; Webb (T.) 2000, 26.	124	Kinsella 1969, 150.
9	Wiseman and Wiseman 1980, 17.	126	Kinsella 1969, 85.
19	Jones and Jones 1974, 43.	128	Davies 2007, 18.
20	Raftery 1994, 98.	133	Davies 2007, 204.
26a	Davies 2007, 48.	134	Davies 2007, 52.
26b	Kinsella 1969, 48–9.	135	Kinsella 1969, 29.
31	Jones and Jones 1974, 30.	139	Kinsella 1969, 133.
36	Kinsella 1969, 37.	140	Ross 1967, 100; after Stokes 1897, 384, параграф 241.
40	Sjö blom 1996, 236.	142	Gantz 1981, 66 (с небольшими изменениями).
45	Wiseman and Wiseman 1980, 121.	146	Davies 2007, 180.
47a	Davies 2007, 68.	148	Kinsella 1969, 49.
47b	Wiseman and Wiseman 1980, 12.	154	Jones and Jones 1974, 70.
50	Cicero de Divinatione; Falconer 1922.	157	Caldecott 1988, 4.
52	Kinsella 1969, 3, 9.	158	Shakespeare, Macbeth, Act 1, Scene 3; Harrison ed. 1937, 23.
56	Gildas de Excidio Britanniae 4, 2–3; Winterbottom 1978, 17.	160	Kinsella 1969, 126.
58	Voyage of St Brendan; Webb (J. F.) 1965) 35–36.	162	Kinsella 1969, 7.
59	Giraldus Cambrensis; Thorpe 1978, 114.	165	Carson 2008, 12.
64	Davies 2007, 10.	167	Gantz 1981, 76.
66	Green 1997, 153.	168	Hennessey 1870–2, 37.
68	Kinsella 1969, 98.	164	Davies 2007, 29 (с изменениями).
69	Delaney 1989, 3.	171	Jones and Jones 1974, 63.
70	O'Faolain 1986, 3.	178a	Kinsella 1969, 30.
72	Gantz 1981, 39.	178b	Lucan Pharsalia; Graves 1956, 78.9.
81	Delaney 1989, 58.	181	Davies 2007, 62.
83	Green 1997, 129.	183	Delaney 1989, 85.
89	Davies 2007, 8.	186	O'Faolain 1986, 31.
94	Davies 2007, 9 (с небольшими изменениями).	190	O'Faolain 1986, 23.
97	Davies 2007, 47.	195	Kinsella 1969, 27.
100	Jones and Jones 1974, 46–7.	200	O'Faolain 1986, 164.
107	Jones and Jones 1974, 10.	203	Davies 2007, 3.
110	Jones and Jones 1974, 184–5.	205	Graves 1956, 38.
113	Tierney 1959–60, 247.	207	Davies 2007, 25.
116	Gantz 1981, 182.	210	Gantz 1981, 180.
119	Kinsella 1969, 62.	211	Wiseman and Wiseman 1980, 124.
121	Kinsella 1969, 84.	213	Duff 1949, 139.
		224a	Green 1997, 134, after Minahane 1993.
		224b	Green 1997, 136, after Minahane 1993.

• ИСТОЧНИКИ ЦИТИРОВАНИЯ •

Н.Ю. Живловой принадлежат переводы карт и эпитафий на с. 9, 66, 68, 140, 168, 181, 200, 213.

Опубликованные переводы источников на русский, использованные в эпитафиях:

Афиней. Пир мудрецов. Книги I–VIII / пер. Н. Т. Голинкевича. М.: Наука, 2003.

Гильда Премудрый. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / пер., вступ. статья Н. Ю. Чехонадской [Живловой]. М., 2003.

Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. с латинского и ком. ак. М. М. Покровского. М.: НИЦ «Ладомир» — «Наука», 1993. Репринт изд. 1948.

Из ранней валлийской поэзии / изд. подг. А. И. Фалилеев. СПб.: Наука, 2012.

Лукан, Марк Анней. Фарсалия / пер. с латинского Л. Е. Остроумова. М.: Ладомир, 1993.

Мабиногион. Легенды средневекового Уэльса / пер. с валлийского В. В. Эрлихмана. М.: НИЦ «Ладомир», 1995; 2-е изд. М.: Аграф, 2002.

Марцеллин, Аммиан. Римская история / пер. с латинского Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб.: Алетейя, 2000.

Плавание святого Брендана / пер. с латинского и старофранцузского Н. Горелова. М.: Азбука-классика, 2002.

Похищение Быка из Куальнге / пер. Т. А. Михайловой, С. В. Шкунаева. М.: Наука, 1985.

Предания и мифы средневековой Ирландии / пер. С. В. Шкунаева. М.: изд-во МГУ, 1991.

Саги об уладах: пер. с ирланд. / [сост. Т. Михайлова]. М.: Аграф, 2004.

Цицерон, Марк Туллий. Философские трактаты. (О дивинации.) / пер. с латинского М. И. Рижского. М.: Наука, 1985.

• ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ •

a = сверху, b = внизу, l = слева, r = справа

1 Photo Jean Roubier, 2 Paul Jenkins, 11, 12 Martin Lubikowski, ML Design, London, 16 Humbei Archaeological Partnership, Hull, 20 © National Monuments Service, Dublin Department of Aits, Hentage and the Gaeltacht, 22l Royal Irish Academy, Dublin, 22r Jesus College, Oxford, 24 Ulster Museum, Belfast, 25 Newport Museum & Art Gallery, 27 Illustration © Anne Leavei, 34, 35 Nationalmuseet, Denmark, 37 Coiimum Museum, Cnencester, 38 National Museum of Ireland, Dublin, 42 Paul Jenkins, 48 Musee Histonque et Archeologique, Orleans, 51 Paul Jenkins, 53 National Gallery of Scotland, Edinburgh, 55 Paul Jenkins, 60 Umversitatsbibhothek, Heidelberg / Bridgeman Art Library, 61 Rheimsches Landesmuseum, Stuttgart, 65 British Museum, London, 70 The Irish Times, 73 Photo Carole Raddato, 74 Paul Jenkins, 75 Bristol City Museum, 82 Gloucester City Museum, 83 Paul Jenkins, 86 The Irish Times, 90 Paul Jenkins, 91 Nationalmuseet, Denmark, 102 Landesmuseum, Zurich, 103 National Museum of Ireland, Dublin, 108 Barbara Crow, 112 © Crown Copyright (2014) Visit Wales, 115 National Museum of Ireland, Dublin, 117 Musee d'Archeologie Nationale, St-Germain en Laye, 123 TopFoto, 125 Werner Forman / Corbis, m Irish Tourist Board, 129 Musee Histonque et Archeologique, Orleans, 130 Paul Jenkins, 131 Miranda Aldhouse-Green, 137 Musee de la Prehistoire Fmistenenne, Brittany, 138 The Trustees of the British Museum, London, 139 Nationalmuseet, Denmark, 140 National Museum of Wales, Cardiff, 141 Musee National du Moyen Age, Pans, 144 Illustration © Anne Leaver, 145 Musee Archeologique, Dnon, 151 Musee National du Moyen Age, Paris, 152 National Museum of Wales, Cardiff, 155 Miranda Aldhouse Green, 159 Nationalmuseet, Denmark, 162 Stephen Conlm, 163 Paul Jenkins, 164, 167 Miranda Aldhouse Green, 168 Illustration Rowena Alsey, 174 Newport Museum & Art Gallery, 175 Aichaologiemuseum, Graz, 177 Musee de Bretagne, Rennes, 179 from William Stukeley, *Stonehenge a Temple Restor'd to the British Druids*, 1740, 184 Musee Archeologique, Dnon / Bridgeman Art Library, 185 National Museum of Ireland, Dublin, 187 Peter Zoeller / Design Pics / Corbis, 188 Miranda Aldhouse Green, 191 The Irish Times, 193 Department of Defence Dublin, 194 National Geographic Image Collection / Alamy, 197 Miranda Aldhouse Green, 201 Paul Jenkins, 204 Miranda Aldhouse Green, 208 Nationalmuseet, Denmark, 209 National Museum of Wales, Cardiff, 211 Paul Sampson / Travel / Alamy, 214 The Trustees of the British Museum, London, 216 Tom Bean / Corbis, 219 Musee Histonque et Archeologique, Orleans, 221 The Trustees of the British Museum, London, 227 Irish Tounst Board.

Курсивом выделены номера страниц, на которых расположены иллюстрации

А

Авагту 32, 137
Авалон 191
Айлиль 26, 160, 217
Алкоголь 113–114
Аммиан Марцеллин, *История* 157
Аннувн 109, 206, 215
Аполлон Повелитель собак (Куномагл) 123
Араун 55, 89, 92, 94, 99, 118, 203, 206, 215
Ардаг, потир из 103
Арианрод 92, 99, 153–154, 171
Артур, король 23, 59, 92, 110–112
Артур и котел 209
Артуровский цикл 107, 110
Афинея 113

Б

Бадб 36, 54, 62, 72, 109, 120, 126, 127–128, 134, 144, 167
Банба 36, 88
Белая книга Ридерха 23
Белтайн 95, 196, 198
Блейтун 135
Блодейвет 92–93, 99–100, 153–155, 160, 172, 182–183

Боанн 184, 207
Болотный человек из Клоникавана 221–222
Болотный человек из Линдоу 220–221, 137
Болотный человек из Олдкрогана 220–222
Борхес, Хорхе Луис, *Книга вымышленных существ* 26–27
Боудикка 173, 182
Бран Благословенный 40, 89–90, 92, 105–106, 170, 185, 207–208, 216
Бранвен 36, 89, 90, 92–93, 105–106, 170
Бригита, св. 196, 224–226, 227
Бьюкенен 14

В

Ведьмы 107–109, 143–145, 158, 167–169
Вепрь с Бенн Гулбан 87
Вода, мифы связанные 183–187

Г

Гай Юлий Цезарь, *Записки о Галльской войне* 13–14, 48–49, 51, 205–206
Гвалхмай 109
Гверн-Абуи, орел, см. Орел Гверн-Абуи

Гвидион 27–28, 98–100, 134–135,
154–155, 172, 182–183
Гвиневера, Гвенвифар 47
Гвион 32, 137
Гейсы (проклятия/запреты)
40–42
Герои, в кельтской мифологии
119–120
Гилвэти 89, 98–99, 134, 135
Гильда Премудрый, монах 56
Гиральд Камбрийский 57, 189
Гитун 135
Гластонбери, Сомерсет 110, 217
Гованнон 90, 92
Гоибниу 36, 71–72, 91
Гойвин 93, 97, 99, 134
Головы, мифы о 39–40
Горсет Арберт 64, 94, 100
Грааль, поиски 23, 104
Грайне 84, 86
Григорий Турский 56
Гронв 153–155
Гундеструпский котел 33–34,
35–36, 150, 208, 210
Гурир 138

Д

Дагда 31, 62, 71–73, 184, 207
Дану (Ану) 71–72, 187, 189
Девять, мифологическое значение
109
Дейрдре Печалей 52–53, 84–86
Деревья, символика 178–183

Диан Кехт 71–72, 74, 78
Диармайд 84, 86–87
Диармайд Мак Кербалл 220
Дивед 98, 100–102
Дивитиак, друид 50–51
Дион Кассий 173
Диодор Сицилийский 50–51, 113
Добычи Аннувна 23, 89, 109, 209
Донн Куальнге, великий бурый
бык из Ульстера 26, 148–149
Друиды 18, 45, 48–54, 179,
180–181, 198, 205

Е

Еврипид, *Вакханки* 157, 161

Ж

Желтая книга Лекана 23, 68–69

И

Иларий, епископ Пуатье 56
Имболк 195–196, 199, 224
Исбададен 147–148
Итаут 111

Й

Йейтс, У. Б., *Битва Кухулина
с волнами* 9
Йоло Морганнуг 66
Йоруэрт 111

К

Камланн, битва при 111

Капел-Гармон, «огненный пес» из
151–152, 153
Катбад, друид 52–53, 84, 126
Каэр Ибормейт («Тисовая ягода»)
80, 82–84, 174
Каэрлеон, Южный Уэльс 59, 110,
112, 140, 173
Кельтское искусство 17–18, 30
Кернунн 141, 156
Кесайр 69
Килхух 92, 138–139, 146–148
Килхух и Олвен 138, 146–148, 203
Книга Бурой Коровы 22
Книга захватов Ирландии
на с. 68–69, 79, 87, 210
Книга Талиесина 32
Ковентина 61
Когитос, монах 225
Колиньи, календарь из 15, 197
Колумбан, монах 58–59
Конайре Мор 41–44, 117, 143, 158,
167, 195
Коналл Кернах 39
Константин, император 56, 228
Конхобар 9, 17, 52, 84–87,
161–162, 164
Корли, Ирландия, древняя дорога
21
Корлек, графство Каван 37–38
Кормак, король Ульстера 142, 205
Котел, мифы о 31–32, 207–210
Котел Керидвен 32, 137
Красная книга из Хергеста 22–23

Крейдне 36
Кретъен де Труа 23, 104, 107, 110
Круахан, пещера 217
Круннху 164
Куланн, кузнец 121
Кухулин 22, 36, 41, 52–54, 108,
119–126, 127, 128

Л

Лебеди, символика 83
Ллеу Ллау Гифес 79, 89, 90, 92, 97,
99, 153, 182
Лиа Фаль 71, 194–195
Лидни, храм в, лес 75–77
Лир, Ллир 90
Лосось, миф о 135–136
Лосось Ллин Ллив 138
Лоэгайре, король 225–226
Луг 62, 71–72, 75, 77, 79, 121, 126,
186
Лугнасад 198
Лукан, *Фарсалия* 150–151, 205
Лукат, друид 225
Лухта 36
Люди-кошки 140

М

Мабиноги (Мабиногион) 22–23, 46,
62–64, 89, 93, 96, 105, 210
Первая ветвь 54, 64, 89, 94, 100,
118, 170, 189, 203
Вторая ветвь 31, 36, 40, 89, 105,
170, 207

Третья ветвь 89, 100
 Четвертая ветвь 28, 36, 89, 93, 97,
 153, 171, 181–182
 Мабон Охотник 91–92, 138–139
 Маг Туиред, битва при 78–79
 Мадауг 111
 Мак Каэртинн 193
 Мак Кехт 158
 Манавидан 62, 89–90, 92, 100–102,
 183, 185–186
 Мананнан мак Лир 91, 100, 125,
 183, 185–186, 216, 224
 Мат, король 89, 92, 97–99,
 134–135, 153–154, 171
 Матолух 89, 105–106, 169
 Матонви 17, 97
 Маха 36, 72, 162–168, 189
 Медб, королева 17, 22, 26, 41,
 62, 71, 85, 119–120, 126, 137,
 159–166, 189, 217
 Миде, друид 198
 Мидир 20–21, 81–83
 Миф, функция 19–21, 69, 105, 184
 Мифологический цикл 21–23
 Мог Руит 142–143, 205
 Модрон 133, 138
 Морриган/Морригна 36, 39, 62,
 69, 72–73, 109, 126–129, 134, 144,
 158, 163, 167, 187, 203, 205

Н

Наван, крепость, графство Арма
 162–163

Найсе 84–86
 Немглан 143
 Немед 164
 Ненний, *История бриттов* 111
 Нера 217
 Нертус 174–175
 Нехалления 174–176
 Нехтан 73, 184
 Ниалл Девяти заложников 169
 Ноденс 75–77
 Нуаду 72, 74–75, 77–79
 Ньюгрейндж, курган 70, 191–192,
 216

О

Оборотни, оборотничество 46, 87,
 129, 133, 135, 139–142, 153, 161, 168
 Ойсин, Оссиан 219
 Олвен 84, 89, 92, 147–148
 Омела 180
 Орел Гверн-Абуи 138
Осада Друим Дамгайре 142

П

Партолон 69
 Патрик, св. 225–226
 Передир 17, 47, 92, 107–109
Передир 23, 89, 107, 110
 Персеваль 104
 Племена богини Дану 69, 70–72,
 78, 87–88, 210
 Плиний, *Естественная история*
 179–180

Повесть о кабане Мак Дато 118

Погребальные ритуалы 211–215

Похищение Быка из Куальнге 22,

39, 41, 68, 119, 149, 152

цитаты из 68, 119, 121, 124, 126,

139, 148, 160, 165, 178, 195

Придери 89–90, 92, 94, 98–102

Проклятия 41–42, 76

Птицы, символика 146, 150, 176,

213

Пуйлл 17, 54–55, 64–65, 89–90, 92,

94–96, 100, 102, 118, 189, 203,

206

Плавание Брана 185, 216

Плавание св. Брендана 58, 60

Р

Разрушение дома Да Дерга 41, 43,

69, 117, 143, 158, 167

Рианнон 26–27, 62, 64–65, 89–96,

101–103, 128, 131–132, 160, 164,

170, 189

Ронабви 92, 111

С

Самайн 15, 43, 80, 82, 196–199, 202

Сватовство к Этайн 20, 81

Свинья, значение 116–117, 147

Секвана 61

Сид 70, 80, 88, 117, 191, 210

Силий Италик, *Пуника* 213

Скатах 108, 122, 124

Собаки и охота 123

Сон Ронабви 23, 89, 111

Старина мест 181

Страбон 50

Сулис 61, 76

Т

Тандераги, идол 24–25

Тара 181, 192, 193, 194, 198

Таранис 61–62, 150

Тарбфесс 149

Тарв Тригаран (*Бык с тремя журавлями*) 150–151

Тацит, *Анналы* 174

Теринон Турив Лиант 130–131, 198

Тинтагель, Корнуолл 110

Толкин, Дж. Р. Р., *Властелин колец* 218

Три, мифическое значение 28, 30, 36–39

Туата Де Дананн, см. Племена богини Дану

Турх Труит, вепрь 27, 64, 90, 147–148

У

Уатах, дочь Скатах 124

Ульстерский цикл 22–23, 39, 84, 118, 143, 159–160, 162, 165

Уилер с. 76

Уильямс Эдуард, см. Йоло Морганнуг

Устные представления 24–29

Ф

Федельма 119, 126, 165–166, 205

Фениев цикл 23, 84, 136, 219

Фер Диад 41

Фергус Мак Ройх 17, 85

Финн 23, 68, 84, 86–87, 136–137,
201, 203, 219

Финнбеннах (Бык из Коннахта)

26, 120, 149

Финнегас 136

Фир Болг 78

Фодла 36, 88

Фоморы 62, 69, 75, 78–79, 186

Фуамнах, Фуамна 81

Х

Хавган 55, 94, 206

Христианство

и друиды 53

и записанные мифы 57–58, 62–67,
92–93

и кельтское искусство 30, 41, 53, 226

и легенды об Артуре 110–111

и символизм чаши 103–104

и языческая мифология 62–67, 93,
110, 224, 226

Ц

Цицерон, *О дивинации* 50

Ш

Шаманы 24–25, 129, 133, 140,

142–143, 146, 166, 202, 222

Э

Эвнисиен 106

Эврог, граф 107

Эйстетвод 66

Элиан 213

Эмайн Маха 162–163, 181, 198

Энгус мак Ок 72, 74, 79–82, 86–87,
184, 186, 224

Эохайд 21, 81

Эпона 61–65, 91, 131, 164

Эриу 36, 71–72, 88, 189

Этайн 21, 81–82

Максимально полезные книги от издательства «Манн, Иванов и Фербер»

Заходите в гости:

<http://www.mann-ivanov-ferber.ru/>

Наш блог:

<http://blog.mann-ivanov-ferber.ru/>

Мы в Facebook:

<http://www.facebook.com/mifbooks>

Мы ВКонтакте:

<http://vk.com/mifbooks>

Предложите нам книгу:

<http://www.mann-ivanov-ferber.ru/about/predlojite-nam-knigu/>

Ищем правильных коллег:

<http://www.mann-ivanov-ferber.ru/about/job/>

МИФ Культура

ИСКУССТВО

АРХИТЕКТУРА И УРБАНИЗМ

БИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ

ПУБЛИЦИСТИКА И ЭССЕИСТИКА

НОН-ФИКШН ИСТОРИИ

МУЗЫКА, ТЕАТР, ТАНЕЦ

КУЛЬТУРА ДРЕВНОСТИ

ЛИТЕРАТУРА

СТРАНОВЕДЕНИЕ

#mifbooks

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/kultura-letter

Все книги по культуре
на одной странице:
mif.to/kultura

mifbooks

КУЛЬТУРА

Научно-популярное издание

Олдхаус-Грин Миранда

Кельтские мифы

От короля Артура и Дейдре до фейри и друидов

Шеф-редактор *Ольга Киселева*

Ответственный редактор *Ольга Нестерова*

Арт-директор *Мария Красовская*

Литературный редактор *Ярослав Соколов*

Верстка обложки *Наталья Майкова*

Верстка *Ирина Гревцова*

Корректоры *Мария Кантурова, Евгения Мазаник, Елена Гурьева*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

www.mann-ivanov-ferber.ru

www.facebook.com/miftvorchestvo

www.vk.com/miftvorchestvo

www.instagram.com/miftvorchestvo

Отголоски кельтской мифологии мы встречаем повсюду: в сказках о фейри и в фэнтези-сагах, в фильмах о короле Артуре и в компьютерных играх. Но что мы на самом деле знаем об этих древних преданиях?

Эта книга — иллюстрированный путеводитель по миру ирландских и валлийских мифов, миру богов и героев, магии и чудовищ. Вы познакомитесь с наиболее значимыми произведениями, основными персонажами, сюжетами и мотивами кельтской мифологии. В этом путешествии вам встретятся духи и друиды, говорящие животные и волшебные деревья.

С английского книгу перевела Ольга Чумичева, кандидат исторических наук.

Эта книга не просто знакомит читателей с причудливой вязью кельтского мифа — песнями, обрядами, заклинаниями, ритуальными практиками, — но и дает объемную картину мира кельтской культуры. Экспозиции большинства европейских музеев недаром начинаются с кельтских экспонатов — без них не понять многообразную цивилизацию Европы. В книге Миранды Олдхаус-Грин результаты археологических исследований и анализ мифов складываются в легкое и целостное повествование. Я уверена, что она увлечет любого читателя.

*Валерия Косякова,
кандидат культурологии, сотрудник Центра визуальных
исследований Средневековья и Нового времени, доцент РГГУ*

#кельтскиемифы

ISBN 978-5-00146-716-8

9 785001 467168 >

Максимально
полезные книги на сайте
mann-ivanov-ferber.ru

издательство
МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР

facebook.com/**miftvorchestvo**

vk.com/**miftvorchestvo**

instagram.com/**miftvorchestvo**